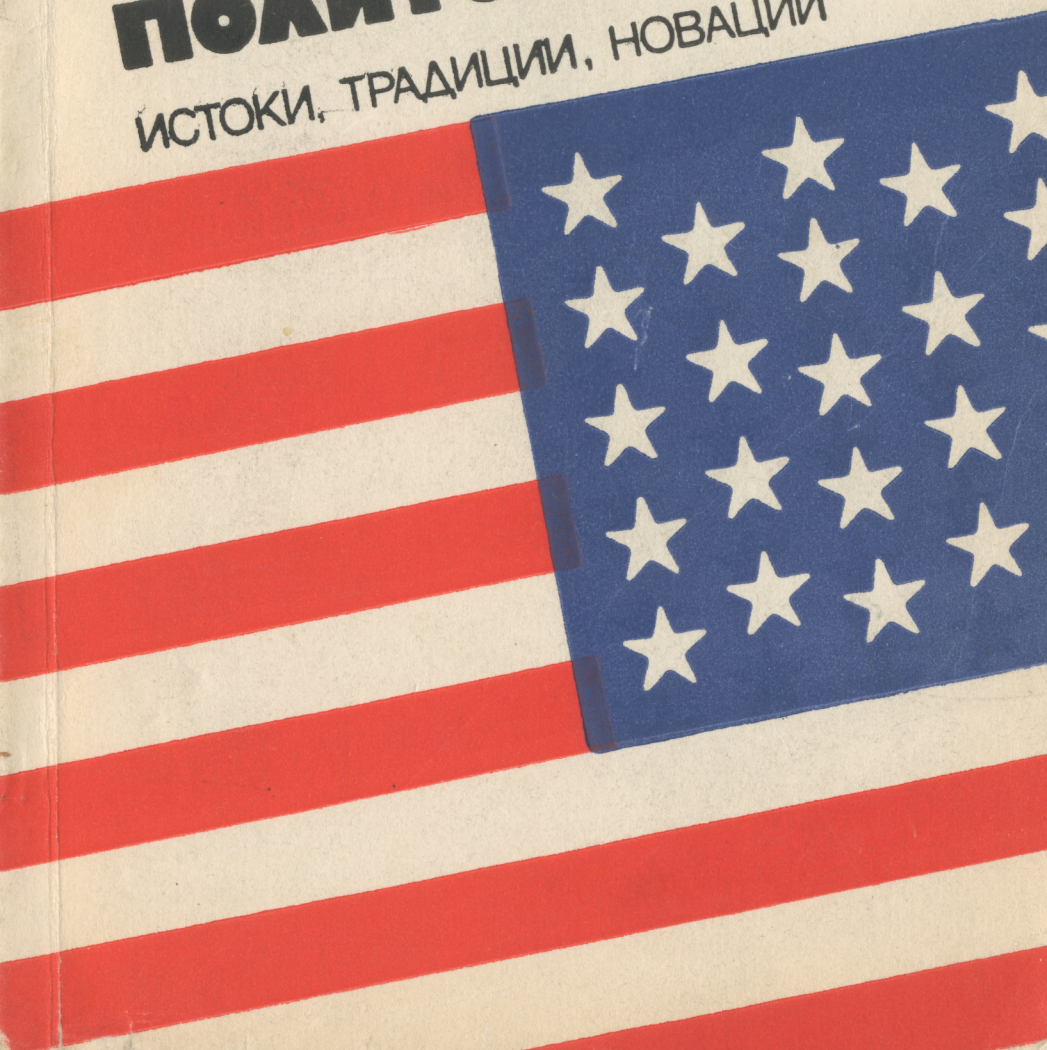

А. А. ФЕДОСЕЕВ

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

ИСТОКИ, ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. А. ФЕДОСЕЕВ

СОВРЕМЕННАЯ
АМЕРИКАНСКАЯ
БУРЖУАЗНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ:
ИСТОКИ,
ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1989

ББК 66.01

Ф32

Рецензенты: д-р филос. наук *А. И. Новиков* (Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской), член-кор. АН СССР *Д. А. Керимов* (Академия обществ. наук при ЦК КПСС)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Федосеев А. А.

Ф32 Современная американская буржуазная политология: истоки, традиции, новации. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. — 216 с.
ISBN 5-288-00139-1

В монографии исследуется история возникновения американской буржуазной политологии, рассматриваются ее представители, раскрываются идеологические функции, критически анализируются наиболее распространенные теории, прослеживается их эволюция. Особое внимание уделяется разработке контрпропагандистских мероприятий по предотвращению и нейтрализации идеологического влияния американской буржуазной политологии, по совершенствованию критики этой области буржуазного общественного знания.

Для преподавателей-обществоведов и идеологических работников.

Ф 0301040300—011
076(02)—89 11—89

ББК 66.01

ISBN 5-288-00139-1

Издательство
Ленинградского
университета,
1989

ВВЕДЕНИЕ

80-е годы являются переломными в жизни нашего общества. «Переломная ситуация, — отмечал на XXVII съезде партии М. С. Горбачев, — сложилась не только во внутренних делах. Она характерна и для внешних. Изменения в современном мировом развитии настолько глубоки и значительны, что они требуют переосмысления, комплексного анализа всех его факторов».¹ Особого внимания при этом заслуживает фактор идеологический. Его учет весьма важен для решения тех сложных и многообразных задач, которые определены концепцией ускорения социально-экономического развития социалистического общества. Однако этот фактор не может и не должен рассматриваться как средство экономического, политического, а тем более военного давления на другие страны. «... Противоборство между капитализмом и социализмом, — говорится в материалах XXVII съезда партии, — может протекать **только и исключительно в формах мирного соревнования и мирного соперничества**».²

Иначе подходит к оценке роли и значения идеологического фактора империалистическая буржуазия, и прежде всего буржуазия США. Для нее идеологический фактор выступает важнейшим стимулом проведения реакционного внутривластного и агрессивного внешнеполитического курса. Современная империалистическая буржуазия использует весь арсенал накопленных капитализмом средств для наступления на своего идеологического противника как внутри страны, так и на международной арене. Подвергаются травле, идеологическому и экономическому шантажу профсоюзы. Вводятся антирабочие законы. Преследуются левые и вообще любые прогрессивные

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 4.

² Там же. С. 65—66.

силы. Нормой стал постоянный контроль, а точнее сказать, слежка за состоянием умов и поведением людей. Небывалые масштабы приобрело целенаправленное культивирование индивидуализма, права сильного в борьбе за существование, аморализма, ненависти ко всему демократическому. Современная империалистическая буржуазия не отрешилась от идеологии гегемонизма. Это «идеология обслуживания капитала и прибылей монополий, авантюризма и социального реванша... Ее установки очевидны: любыми приемами приукрасить капитализм, прикрыть его природную античеловечность и несправедливость, навязать свои стандарты жизни и культуры; всеми способами очернить социализм, исказить смысл таких ценностей, как демократия, свобода, равенство, социальный прогресс».³

Эта характеристика буржуазной идеологии, данная XXVII съездом, целиком применима к политической идеологии современного американского империализма. Хотя сами американские буржуазные представители избегают пользоваться понятием «политическая идеология», когда говорят о своих политических предпочтениях или личных политических убеждениях, тем не менее факт существования этой идеологии как формы выражения классового самосознания американской буржуазии и механизма защиты ее политических интересов совершенно очевиден.⁴ В таком смысле она мало чем отличается от политической идеологии современного капитализма в целом, ибо обосновывает общеполитическую линию эксплуататорского меньшинства и включает в себя в качестве основных составных частей: определенную систему взглядов, идей и представлений о характере политического и государственного строя как самого капитализма, так и других стран, в том числе социалистических и развивающихся; оценку политического и государственного строя этих стран с позиций класса буржуазии; общую программу действий, направленных на сохранение и укрепление капиталистического строя и его важнейших институтов; стратегию и тактику решения международных проблем с учетом мирного сосуществования и борьбы различных социально-политических систем.⁵ В политической идеологии современного капитализма социально-классовые интересы монополистической буржуазии отражаются наиболее рельефно, в более концентрированном виде, чем в других идеологических формах. Более непосредственно в ней отражаются также и экономические интересы монополистической буржуазии, равно как и

³ Там же. С. 87.

⁴ Современное политическое сознание в США / Э. Я. Баталов, Б. В. Михайлов, А. Ю. Мельвил и др.; Отв. ред. Ю. А. Замошкин, Э. Я. Баталов. М., 1980. С. 32—44.

⁵ Михальченко Н. И. Политическая идеология как форма общественного сознания. Киев, 1981. С. 138.

соответствующие изменения в базисе капиталистического общества в целом, в то время как в других формах буржуазного общественного сознания такие изменения по большей части отражаются уже через посредство политической идеологии.

Перечисленные выше качества буржуазной политической идеологии в равной степени относятся и к американской буржуазной политологии, которая по существу составляет сердцевину политической идеологии современного американского империализма. В общей структуре буржуазного политологического знания американская политология занимает особое место. Прежде всего она отражает общие признаки, свойственные буржуазной политологии в целом, а именно: дальнейшее оскудение теоретических и методологических основ, философский и социологический эклектизм, сочетаемый с попытками возродить и обновить старые философско-социологические школы и направления; усиление прикладного значения буржуазной политологии и ее спекуляция на особенностях современной научно-технической революции; углубление противоречия между политическими концепциями империалистической буржуазии и массовым политическим сознанием общественности капиталистических стран; потерю реальной исторической перспективы и невозможность обрести ее вновь с позиций антикоммунистической идеологии.

Американская буржуазная политология используется в качестве важнейшего идеологического средства, призванного противодействовать растущему влиянию и распространению идей марксизма-ленинизма. Как правило, именно в ней в первую очередь разрабатываются основные стратегические и тактические политические установки современного капитализма, планируются и вынашиваются его основные антикоммунистические акции. В американской буржуазной политологии в концентрированном виде выражены претензии государственно-монополистического капитала США на идеологическое руководство не только странами Запада и развивающимися странами, но и современным миром в целом. Как важнейший компонент идеологии господствующего класса американская буржуазная политология задает тон всему буржуазному обществоведению. Она заранее предопределяет конечные результаты, к которым стремятся в своих исследованиях буржуазные обществоведы, и способствует превращению самых разных отраслей обществоведения в политизированные области общественного знания, где классовые позиции исследователей — вольно или невольно — определяют сущность их теоретических установок. Как никакая другая область буржуазного обществоведения, политология США ревностно служит государственно-монополистическому капитализму. А потому критика ее есть необходимая предпосылка и одновременно весьма существенный момент критики этого строя.

В последние годы советская литература обогатилась рядом интересных работ, в которых дается обстоятельная критика различных сторон современной американской буржуазной политологии.⁶ Однако необходимость дальнейшего критического анализа этой области буржуазного обществоведения по-прежнему остается актуальной. Она обусловлена, *во-первых*, состоянием самой идеологической борьбы и ее особенностями на современном этапе. Одна из этих особенностей заключается в том, что идеологическая борьба происходит в условиях необычайно активного противостояния и соревнования двух мировых систем — капиталистической и социалистической, — каждая из которых стремится максимально полно продемонстрировать свои возможности и преимущества. Сказанным объясняются непрекращающиеся нападки буржуазных идеологов (в том числе американских политологов) на теорию и практику реального социализма, которые предпринимаются на теоретическом, пропагандистском и психологическом уровнях. Причем со стороны наших идеологических противников эти нападки нередко носят характер «психологической войны», которая, как об этом свидетельствуют материалы XXVII съезда КПСС, «не может квалифицироваться иначе, как особая форма агрессии, информационного империализма, попирающих суверенитет, историю, культуру народов. Это и прямая политико-психологическая подготовка к войне, не имеющая, естественно, ничего общего ни с действительным сопоставлением взглядов, ни со свободным обменом идей, о чем фарисействуют на Западе».⁷

Другая особенность современной идеологической борьбы состоит в том, что она происходит в условиях утверждения нового политического мышления, основной, исходный принцип которого, как отметил в своей книге М. С. Горбачев, весьма

⁶ См., напр.: Современное политическое сознание в США; Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке. М., 1980; Петров Д. Б. «Американизм»: идеологический ракурс. М., 1980; Мшвениерадзе В. В. Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981; Попов Н. П. Политизация массового сознания в США. М., 1981; Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии / Г. В. Газенко, В. Г. Графский, П. С. Грацианский и др.; Под общ. ред. Г. Х. Шахназарова. М., 1982; Петровская М. М. США: политика сквозь призму опросов. М., 1982; Егоров С. А. Политическая система, политическое развитие, право: Критика немарксистских политологических концепций. М., 1983; Деменченко Э. В. Современная технократическая идеология в США. М., 1984; Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985; Религия в политической жизни США (70-е — начало 80-х годов) / Под ред. Ю. А. Замошкина, Д. Е. Фурмана. М., 1985; Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985; Современный капитализм и идеологическая борьба. М., 1986.

⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 87—88.

прост: «ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей».⁸ Новое политическое мышление по-иному ставит проблему идеологического противоборства вообще, проблему борьбы политических идей в особенностях. Оно не только выдвигает эти проблемы на первый план, но и делает их более весомыми и острыми. Новое политическое мышление способствует крушению многих мифов и стереотипов в американской буржуазной политологии, властно требует от буржуазии существенного пересмотра ее теоретических, методических и пропагандистских установок с целью приспособления их к новой ситуации в мире. Оно усиливает общее брожение американской буржуазной общественно-политической мысли, ее противоречивую дифференциацию, еще значительно углубляет процесс дальнейшей поляризации буржуазного и массового политического сознания в США.⁹

Необходимость дальнейшего критического анализа современной американской буржуазной политологии, во-вторых, вытекает из самой природы марксизма-ленинизма, из его важнейших идеологических функций. Одной из таких является борьба против различного рода антикоммунистических извращений, причем как в теории, так и на практике. В процессе осуществления данной функции марксизму-ленинизму противостоят не абстрактные силы, а конкретные идеологические противники: антикоммунисты, ревизионисты, реформисты, оппортунисты, догматики и сионисты. Особое место среди них занимают буржуазные политологи, которые составляют ныне громадную армию. Так, в 1976 — 1977 гг. только политологов со степенью доктора, работающих в университетах и колледжах США, насчитывалось 11 тыс. Еще более 6,5 тыс. политологов в те же годы готовили докторские диссертации. Что касается общего количества лиц со степенью магистра и бакалавра в области политической науки, международных отношений и публичного управления (все эти области буржуазного политиковедаения весьма тесно связаны между собой), то их к концу 70-х годов в США было около 40 тыс.¹⁰ Социально однородный, комплектующий по строго классовому принципу состав политологов в США служит надежной опорой государственно-монополистиче-

⁸ Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 143.

⁹ См.: Попов С. И. Буржуазная идеология на пороге XXI столетия. М., 1988; США глазами американских социологов. Политика, идеология, массовое сознание. Кн. 2 / Г. К. Ашин, П. С. Гуревич, Ю. Н. Давыдов и др.; Отв. ред. В. Н. Иванов, Ю. Н. Давыдов. М., 1988; Федякин И. А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе. М., 1988.

¹⁰ Political Science Faculty and Student Data // Political Science. 1978. Vol. XI. N 3. P. 348—351.

ской буржуазии в ее борьбе с марксистской политической наукой. Именно поэтому она не жалеет средств для того, чтобы, с одной стороны, обеспечивать довольно высокий (в сравнении с иными слоями населения) материальный уровень жизни политологов, а с другой — щедро финансировать проводимые в этой области исследования.

Современная американская буржуазная политология противостоит марксистской политической науке в теоретическом отношении, ибо поставляет монополистической буржуазии всевозможные теории как для защиты существующего политического строя, так и для широкого контрнаступления на политическую теорию марксизма. Эти теории разрабатываются применительно либо к системе капитализма (теории «государства всеобщего благоденствия», «государственной бюрократии», «принятия политических решений», «политической социализации личности»), либо к системе социализма (теории «тоталитаризма», «авангардистской демократии»), либо к развивающимся странам (теория «политической модернизации»), либо, наконец, к современному миру в целом (теории «стадий экономического роста», «постиндустриального общества», «конвергенции», «всемирного государства»).

Современная американская буржуазная политология противостоит марксистской политической науке в практическом отношении, ибо служит формой отражения, выражения и обеспечения внутренней и внешней политики государственно-монополистической буржуазии. Поскольку эта политика носит явно выраженный антикоммунистический характер (как известно, антикоммунизм в США возведен в ранг государственной политики), постольку и сама американская буржуазная политология в гораздо большей степени, чем другие области буржуазного общественного знания, пронизана антикоммунизмом. Антикоммунистические тенденции в американской буржуазной политологии имеют, конечно, различные формы. Однако наиболее ярко выраженной из них был и остается антисоветизм, который ныне объединяет не только явных противников коммунизма, но и тех, кто на словах ратует за демократию, а на деле является ее душителем.

Современная американская буржуазная политология противостоит марксистской политической науке в учебном отношении, ибо является одной из наиболее популярных в США общественных дисциплин, которая преподается практически во всех высших учебных заведениях. Преподавание буржуазной политологии в США осуществляется, как правило, в рамках трех основных дисциплин: политической науки, политической философии и политической социологии. Хотя сами американские политологи и пытаются вычленить специфику каждой из названных дисциплин, тем не менее различия между ними носят не столько принципиальный, сколько формальный харак-

тер. В самом деле, акцент на исследование общих проблем и принципов, который рекламируется как специфическая черта политической философии, присутствует и во многих работах авторов, пишущих о своей приверженности к теории политической социологии как таковой. В то же время подчеркивание того, что специфическим предметом политической социологии является политическое поведение индивидов в сфере социального окружения, также ни о чем не говорит, ибо поведенческий (бихевиористский) подход к анализу политики стал в последние годы преобладающим и в работах представителей политической науки.

Современная американская буржуазная политология противостоит марксистской политической науке и в пропагандистском отношении, ибо представляет собой весьма разветвленную систему средств и методов, политических мифов и стереотипов, используемых государственно-монополистической буржуазией для обработки общественного мнения, для рекламирования образа жизни, американской демократии. Как и антикоммунизм, манипулирование общественно-политическим мнением и поведением людей в США, по существу, возведено в ранг государственной политики. Не случайно в пропаганде основных концепций и идей американской буржуазной политологии активное участие принимают не только ученые, но также политические и государственные деятели, руководители религиозных и общественных организаций, преподаватели, учителя, бизнесмены и т. д. Эти концепции и идеи широко распространяются с помощью газет и журналов, радио и телевидения, преподносятся с парламентских трибун и церковных амвонов, с театральных подмостков и преподавательских кафедр. Идеологические кампании, связанные с пропагандой указанных концепций и идей, обстоятельно разрабатываются, тщательным образом планируются и официально утверждаются на высшем уровне.

И, наконец, *в-третьих*, необходимость дальнейшего критического анализа современной американской буржуазной политологии обусловлена теми задачами, которые поставлены перед советскими обществоведами XXVII съездом партии. «Важной задачей общественной науки, — говорится в новой редакции Программы КПСС, принятой съездом, — была и остается борьба против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма».¹¹ Реализация этой задачи наряду с другими моментами предполагает выявление связи буржуазной идеологии с политической практикой современного империализма. Такого рода связь особенно четко прослеживается через американскую буржуазную политологию, которая имеет явно выраженную и практическую, и идеологическую направленность.

¹¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 168.

Некоторые буржуазные политологи, отрицая идеологическую направленность своей области знания, пытаются представить ее нейтральной по отношению к существующим в обществе ценностям. По их мнению, ценностно-нейтральный подход был и остается важнейшей целью политической науки. Указанный подход якобы, с одной стороны, исключает возможность подчинения политической науки господствующим в обществе институтам, а с другой — позволяет применять основные положения и выводы этой науки к различным общественно-политическим системам. Подобные рассуждения не новы. Они отражают стремление буржуазных ученых подняться над классовыми интересами, доказать, что наука не может быть классовой, что наука, в противоположность идеологии, есть истинное знание, независимое от групповых интересов. Поэтому и политическую науку как своего рода «чистую теорию» буржуазные политологи противопоставляют практической политике с ее бурными страстями и часто меняющимися интересами.

Между тем история буржуазной общественно-политической мысли убеждает в том, что буржуазная политология никогда не была пассивной по отношению к политической практике, никогда не выступала в качестве беспристрастного отражения капиталистической действительности. Напротив, она всегда служила идеологическим обоснованием буржуазной политики, всегда играла активную роль в политической практике буржуазии. Эти качества особенно характерны для современной буржуазной политологии, и в первую очередь американской. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что только в конце 60-х годов около 5 тыс. научных работников, занимающихся политологией в США, в той или иной форме сотрудничали с американскими правительственными учреждениями. С тех пор взаимодействие буржуазных политологов и представителей правительственных учреждений в США настолько усилилось, что привело к образованию своего рода «политико-академического комплекса», который, как отмечал профессор Чикагского университета Г. Моргентау, проводит интересы правительственных кругов в буржуазной науке и оказывает сильное влияние на духовную жизнь общества.

Ныне этот процесс развивается и углубляется. Об этом говорит, в частности, американский политолог Ф. Уилкоккс, который, кстати, долгое время работал в системе государственного департамента США, занимая даже пост помощника государственного секретаря. Выступая на ежегодной конференции Американской ассоциации политической науки весной 1978 г. по случаю получения специальной награды «За выдающийся вклад в развитие личных взаимосвязей между интеллектуальной и общественно-политической жизнью», он настаивал на необходимости дальнейшего расширения сотрудничества между политологами-теоретиками и политиками-практиками, Ф. Уил-

кокс подчеркивал при этом, что подобного рода сотрудничество приносит взаимную пользу и тем и другим. В качестве доказательства он ссыался на совмещение академической и политической деятельности таких людей, как Д. Раск, Г. Киссинджер, Х. Кливленд, Р. Страус-Хюпе, Ю. Росту, З. Бжезинский и др.¹²

В США существует множество всевозможных программ, принятых как федеральными, так и местными властями и призванных способствовать расширению и углублению сотрудничества между правительственными и академическими (а также вузовскими) учреждениями. Одной из самых важных является программа, принятая еще в 1970 г. и предусматривающая обмен персоналом между федеральными и местными правительственными учреждениями всех 50 штатов, с одной стороны, и высшими учебными и академическими заведениями — с другой, в целях получения «взаимной выгоды и интереса». Только в течение семи лет действия этой программы было произведено 4896 назначений, в том числе 2030 из вузовских учреждений, в различного рода федеральные службы.¹³ Особенно интенсивно этот процесс шел применительно к внешнеполитической сфере. Однако желаемый результат в данном отношении пока не достигнут, о чем свидетельствует все тот же Ф. Уилкокс. Сетую на недостаточную эффективность практической отдачи научных исследований в области политики, он отмечал: «Я надеюсь, что обе стороны еще более выиграют, если мы добьемся такой координации взаимодействия между „производителем“ и „потребителем“, при которой большинство наших исследований может быть использовано в процессе принятия решений».¹⁴ Этим самым политологи, по его мнению, внесут существенный вклад в успешное функционирование правительственных учреждений.

Обращая внимание на непосредственную связь между практической политикой современного капитализма и его идеологической политикой, американские буржуазные политологи признают определяющую роль первой по отношению ко второй. Так, уже упоминавшийся Г. Моргентау в работе «Политика в 20-м веке» отмечал: «Идеологическая война — это всего лишь отражение в сфере идей того политического и военного курса, для поддержки которого она предназначена. Это всего лишь идеологическое выражение целей и методов этого курса».¹⁵ Однако буржуазные исследователи не стремятся к конкретно-

¹² Wilcox F. O. Some Remarks about the Relationships between Political Science and Government Service // Political Science. 1978. Vol. XI, N 3. P. 332.

¹³ Ibid. P. 334.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Morgenthau H. Politics in the 20th century. Vol. III. Chicago, 1962. P. 247.

му изменению этой практики, они лишь требуют ее дальнейшего совершенствования в интересах буржуазии.

Поскольку сама практическая политика капитализма находится в явном противоречии не только с интересами рабочего класса, но и с объективными законами общественного развития, постольку буржуазия всячески противится ее научному исследованию. В данной связи к американской буржуазной политической идеологии вполне применима характеристика, данная К. Марксом буржуазной политической экономии. Маркс подчеркивал, что своеобразный характер материала, с которым она имеет дело, «вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса».¹⁶ Сказанным объясняется тот факт, что буржуазные политологические теории (как, впрочем, и другие буржуазные теории) являются не адекватным, а искаженным отражением реальных процессов общественно-политической жизни буржуазного общества и современного мира в целом. В свою очередь, искаженное отражение действительности в буржуазных политологических доктринах сочетается с иллюзорными представлениями политологов о путях изменения этой действительности.

Что собой представляют эти искажения, с каких теоретических и методологических позиций они осуществляются, какую цель преследуют, какими факторами объективной действительности подкрепляются — на эти и многие другие вопросы автор и пытается ответить в предлагаемой книге, которая отнюдь не претендует на исчерпывающее изложение проблем современной американской буржуазной политологии.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

Глава I

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

§ 1. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ

Формирование и утверждение американской буржуазной политологии, равно как и буржуазной политической идеологии США в целом,¹ обусловлены характером исторического развития данной страны, ее экономическими, социально-классовыми и духовно-идеологическими особенностями.

Во-первых, Америка с самого своего зарождения была чисто буржуазной, не имеющей даже феодального прошлого страной.² И хотя феодальные тенденции там все же существовали (носителем их был господствующий землевладельческий класс европейских стран, стремившийся перенести в Америку феодальные отношения), они не получили отражения в особой идеологии. А потому борьба в США велась не между разнотипными по своей классовой сущности политическими идеологиями — буржуазной и феодальной, а между различными направлениями (в частности, между либерализмом и консерватизмом) внутри одной и той же, т. е. буржуазной, политической идеологии. Важно подчеркнуть и то, что борьба эта была подчинена не какой-то иной, а прежде всего политической цели — достижению независимости и образованию Соединенных Штатов Америки как самостоятельного государства.

Во-вторых, превращение пролетариата из «класса в себе»

¹ Среди первых работ советских авторов, в которых дается систематизированный анализ истории формирования американской буржуазной политологии, следует назвать следующие: Шабад Б. А. 1) Политическая философия современного империализма. М., 1966; 2) Империализм и буржуазная социально-политическая мысль. Критический анализ некоторых новых тенденций в идеологии империалистической реакции. М., 1969; Бурацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. М., 1970; Дмитриев А. В. Политическая социология США: Очерки. Л., 1971; Каренин А. А. Философия политического насилия: Критика некоторых антикоммунистических концепций в области внешней политики США. М., 1971.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 297.

в «класс для себя» происходило в США более замедленными темпами и в значительной степени противоречивее, чем в странах Европы. Причины тому — национальная и социальная неоднородность американского пролетариата, его недостаточная организованность, приверженность идее «американской исключительности»,³ а также зараженность буржуазными предрассудками. Как писал Ф. Энгельс, «буржуазные предрассудки крепко засели ... в рабочем классе ... американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное...».⁴ В связи с этим американская буржуазная политическая идеология в течение длительного времени (вплоть до второй половины XIX в.) не испытывала заметного влияния пролетарской политической идеологии. Однако отсутствие унаследованных революционных традиций отнюдь не означает, что в США не было почвы для последующего формирования пролетарской политической идеологии. «Специфика США — не в их принципиальном иммунитете по отношению к революции и контрреволюции, а в способах и темпах (отчасти еще и в источниках) формирования и практического осуществления революционной идеологии, которые теснейшим образом связаны со способами и темпами формирования в США капиталистических общественных отношений и проявления присутствующих последних противоречий».⁵

В-третьих, для значительной части населения американского общества характерны политическая пассивность и политическое невежество, антиинтеллектуализм. Утверждались они разными способами: и «подкармливанием» так называемой «рабочей аристократии», и разжиганием потребительских настроений, и насаждением «индустрии досуга», и ограничением доступа к элементарному образованию. Не случайно даже в 80-е годы общее количество полностью или частично неграмотных в США составляет весьма значительную долю. Так, по данным доклада члена палаты представителей американского конгресса П. Саймона, опубликованном в 1983 г., 25 млн американцев не умеют ни читать, ни писать, а грамотность 72 млн жителей США не превышает уровня учащихся пятых классов. Особенно велико число неграмотных среди представителей национальных меньшинств США. В частности, 56% американцев — выходцев из Латинской Америки не имеют никакого образования вообще.⁶ Поощряемая империалистической буржуазией США политика сдерживания широкого распространения грамотности дает ей

³ Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 476.

⁵ Современное политическое сознание в США / Э. Я. Баталов, Б. В. Михайлов, А. Ю. Мельвилл и др.; Отв. ред. Ю. А. Замошкин, Э. Я. Баталов. М., 1980. С. 41—42.

⁶ Правда. 1983. 15 янв.

возможность с гораздо меньшими трудностями утверждать свою политическую идеологию, а также навязывать большинству населения угодные и выгодные образцы политического поведения, ибо безграмотный человек, подчеркивал В. И. Ленин, был и остается вне политики.⁷

И, наконец, в-четвертых, американское общество «не знало ни идеологического монизма, основанного на политической или религиозной нетерпимости, ни такого плюрализма, когда конкретная идеология была бы жестко связана с определенной социальной группой и выражающей ее интересы политической организацией».⁸ Эта особенность американского общества нашла отражение в формировании трех основных направлений его политической идеологии — либерализма, консерватизма и радикализма. Каждое из них придерживалось собственной системы политических ценностей. Либерализм традиционно тяготел к защите так называемых естественных, неотчуждаемых прав человека, к принципам «народного суверенитета», «свободного предпринимательства» и «свободного рынка». Консерватизм, напротив, стремился к сохранению сильной централизованной и регулирующей власти государства, к поддержанию существующих экономических, социальных и политических порядков (например, расовой сегрегации). Что касается радикализма, то он всегда служил своего рода реакцией на несоответствие между политической реальностью и ожиданиями индивидов, а также социальных групп. Причем реакция эта была, как правило, двоякого рода: либо ревизовать принципы буржуазной демократии (правый радикализм), либо защитить идеалы американской революции (левый радикализм). На разных этапах развития американского общества указанные направления причудливо переплетались между собой, взаимно проникали друг в друга, образуя своеобразный спектр политико-идеологической жизни США.

До конца XIX в. американская буржуазная политическая идеология развивалась в русле традиционных государственно-правовых концепций, характерных для юридического мировоззрения эпохи промышленного капитализма и препарированных с учетом экономических и социально-политических отношений США. Заметное влияние на нее оказала европейская (в особенности английская и французская) государственно-правовая мысль. Широкое распространение там получили, в частности, идеи Дж. Локка о соотношении прав граждан и верховной власти, идеи Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете и общественном договоре как основе образования государств, учение Монтескье о «нравах» как важном факторе становления и сохранения политических форм организации общества. Эти и

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 174.

⁸ Современное политическое сознание в США. С. 33.

другие идеи европейской буржуазной государственно-правовой науки нашли отражение в «Федералисте» — политико-теоретическом документе, объединяющем серию статей, написанных Д. Мэдисоном, А. Гамильтоном и Д. Джеем и опубликованных в различных газетах штата Нью-Йорк в 1787 — 1788 гг. (в связи с принятием в 1787 г. Конституции США). По свидетельству американского историка К. Росситера, «Федералист» — «самая важная работа по политической науке, которая когда-либо была или будет написана в Соединенных Штатах».⁹

В конце XIX в. в американской буржуазной политической идеологии, однако, произошли важные изменения. Эти изменения связаны со вступлением американского капитализма в монополистическую стадию своего развития. В условиях монополистического капитализма необычайно разрастается буржуазная государственная машина. Расширяется объем ее властных полномочий и деятельности, усиливается вмешательство в экономические и другие общественные отношения. Усложняются ее функции. Наряду с государством все большую роль в жизни американского общества начинают играть другие политические институты и организации общества, в том числе церковь, различного рода политические партии и профессиональные союзы. Их деятельность уже не укладывалась в рамки традиционной буржуазной государственно-правовой науки. На новой, империалистической стадии развития, как справедливо замечает С. А. Егоров, «традиционная сравнительная и конституционно-правовая ориентации оказались слишком абстрактными для анализа государственных и политических институтов США».¹⁰

Основные теоретические и методологические установки традиционной буржуазной государственно-правовой науки подвергаются обстоятельной критике со стороны монополистической буржуазии США. В особенности это касается теории равновесия и разделения властей, которая отстаивалась большинством буржуазных государствоведов и правоведов Европы. В меньшей степени критикуются формализм, догматизм и описательность, присущие исследованиям государствоведов и правоведов. Монополистическая буржуазия США ищет новые формы и средства как для обоснования и укрепления своего политического господства, так и для управления политическими процессами общества. Она выходит за рамки чисто государственно-правового подхода к анализу политической реальности и обращается к политической науке в широком смысле этого слова, стремясь связать ее с практикой государственно-монополистического регулирования общественных отношений. В развитии

⁹ Цит. по: Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии / Г. В. Газенко, В. Г. Графский, П. С. Грацианский и др.; Под общ. ред. Г. Х. Шахназарова. М., 1982. С. 16.

¹⁰ Егоров С. А. Политическая система, политическое развитие, право: Критика немарксистских политологических концепций. М., 1983. С. 17.

американской буржуазной политической науки можно выделить следующие периоды: первый период — с конца XIX в. до первой мировой войны и Октябрьской революции, второй период — между двумя мировыми войнами, и третий период — после второй мировой войны до сегодняшних дней.¹¹

Первый период характеризуется прежде всего организационным оформлением и закреплением новой области американского буржуазного общественного знания. При крупнейших американских университетах (Колумбийском, Корнельском, Йельском, Гарвардском, Принстонском и др.) создаются высшие школы либо отделения политической науки. Одной из таких школ была Школа политической науки Колумбийского университета, основанная в 1880 г., с которой американские политологи связывают рождение политической науки как специальной учебной дисциплины.¹² Тот факт, что политическая наука в США оформилась и закрепилась на университетском уровне, не является случайным. Он свидетельствует о большом внимании, которое монополистическая буржуазия США уделяла этой области знания. Дело в том, что университетская община на протяжении двух веков была и остается одним из ведущих центров формирования теоретического сознания в США, а член этой общины — профессор — главной фигурой этого творческого процесса. Как отмечают авторы обстоятельного исследования, посвященного противоречиям современного американского капитализма и идейной борьбе в США, американский университет «выступает в качестве важного механизма социализации будущих теоретиков. Вокруг него группируются первоклассные научные кадры, генераторы идей, крупнейшие социологи, философы, историки. На университет равняются и стремятся заручиться его поддержкой и одобрением и лица, занятые интеллектуальной деятельностью вне его стен».¹³ На базе американских университетов создаются и специальные политологические журналы. В 1886 г., например, такого рода журнал под названием «Political Science Quarterly» учреждается при Колумбийском университете.

Активизация деятельности политологов США, в особенности

¹¹ Несколько иную периодизацию в развитии американской буржуазной политической науки дают сами американские политологи. Так, А. Соумит и Дж. Таненхаус в книге «Развитие американской политической науки», опубликованной в 1967 г. и переизданной в 1982 г., говорят о четырех периодах: от зарождения (1880—1903 гг.) через этап окончательного оформления (1903—1921 гг.) к созданию новой науки о политике (1921—1945 гг.) и, наконец, к послевоенной эре бихевиоризма. (см.: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. New York, 1982. P. 4—5).

¹² Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 21.

¹³ Противоречия современного американского капитализма и идейная борьба в США / Под ред. Ю. А. Замошкина и др. М., 1984. С. 54.

на университетском уровне, привела к образованию в 1889 г. Американской академии политической и социальной науки, которая явилась по существу первой организацией, объединяющей представителей разных областей политологического знания, а также профессиональных политиков и юристов, хотя и включала в себя ученых других специальностей. С 1890 г. Американская академия политической и социальной науки начала издавать специальный журнал «Анналы», ставший еще одним крупным печатным органом для американских политологов.

Организационному оформлению и закреплению политической науки в США в еще большей степени способствовало создание в 1903 г. Американской ассоциации политической науки (ААПН). По свидетельству ее учредителей, создание ААПН было «самым важным событием, когда-либо происходившим в истории научного исследования проблем политики в этой стране».¹⁴ Как отмечают А. Соумит и Дж. Таненхаус, это событие было важным по двум причинам. Во-первых, оно стало реальным доказательством того, что политическая наука превратилась в самостоятельную область общественного знания. С возрастанием роли ААПН усиливалась и самостоятельность политической науки. Американская политическая наука, подчеркивают авторы, вряд ли бы достигла того уровня, на котором она находится, без такого рода организации, представляющей ее интересы в отношениях с другими областями знания, ассоциациями, высшими учебными заведениями, средствами массовой информации и правительственными организациями. И, во-вторых, создание ААПН имело далеко идущие последствия для развития самой профессии политолога. С ее учреждением расширились прежние и появились новые возможности для подготовки специалистов в области политической науки: специальные отделения политической науки, официальные журналы,¹⁵ регулярные встречи членов ассоциации и т. д.¹⁶

Следует отметить, что в отличие от традиционной государственно-правовой науки политическая наука в США с самого начала своего организационного оформления обратила особое внимание на связь государства с обществом, а также на эмпирический подход к анализу деятельности государственных, правительственных и иных политических институтов. Именно с этой целью в США были созданы специальные центры по проведе-

¹⁴ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 49.

¹⁵ Например, к уже издававшимся к тому времени в США политологическим журналам «Political Science Quarterly» и «Annals of the American Academy of Political and Social Science» после 1903 г. прибавился также официальный журнал ААПН «American Political Science Review», начавший свои публикации в ноябре 1906 г.

¹⁶ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 49—50.

нию эмпирических исследований: сперва, в 1906 г. — на местном уровне, а затем, в 1914 г. — и на уровне федеральном. Эмпирико-реалистическая тенденция все заметнее стала проявляться также при исследовании самого политического поведения индивидов. Она особенно отчетливо обнаруживалась в работах таких авторов, как А. Бентли, В. Вильсон, Ф. Гуднау, Ч. Бирд, Л. Лоуэлл, Г. Форд, А. Харт и др. По свидетельству А. В. Дмитриева, «развитие эмпирических исследований в области политического поведения людей в конечном счете было вызвано требованием оказать государственно-монополистическому капиталу практическую помощь не только в виде обычной апологетики существующего строя, но и в виде конкретных рекомендаций по оптимизации контроля над обществом».¹⁷

В первый период своего развития американская буржуазная политическая наука хотя и противопоставляет себя традиционной государственно-правовой науке, однако не имеет четко выраженной собственной проблематики. Сказанное объясняется тем, что в течение ряда лет уже после организационного оформления в качестве относительно самостоятельной области общественного знания американская буржуазная политическая наука продолжала изучаться и преподаваться в рамках таких дисциплин, как политическая философия, конституционное право, история и экономика. Не случайно в этой связи и то, что она еще широко пользуется методом сравнительно-исторического анализа политических явлений, который был привнесен в американскую буржуазную политическую науку такими известными историками, как Г. Адамс, Д. Барджесс, Э. Уайт и др. Опираясь на метод сравнительно-исторического анализа, названные историки пытались приспособить к американским условиям новые идеи, получившие к тому времени распространение в Европе, в частности идеи эволюционной теории, социального дарвинизма и позитивной социологии. При этом они не только некритически заимствовали указанные идеи, но и придавали им подчас особую реакционную, в том числе экспансионистскую, направленность.

Примером тому служит книга одного из основателей американской буржуазной политической науки профессора Колумбийского университета Д. Барджесса, опубликованная в 1890 г. под названием «Политическая наука и сравнительное конституционное право». В этой книге (а она по существу была основой лекционного курса, который Д. Барджесс читал целому поколению американских студентов, изучавших юриспруденцию и политологию) Д. Барджесс, оправдывая захватническую политику тевтонских рыцарей и возводя в ранг высшей расы так называемую тевтонскую нацию, обосновывал идею вмешательства одних стран в дела других стран. Причем он рассматривал

¹⁷ Дмитриев А. В. Политическая социология США: Очерки. С. 29.

такое вмешательство «не только как право, но и как долг цивилизованных стран».¹⁸ Для вмешательства в дела других народов, по мнению Д. Барджесса, отнюдь не обязательно, чтобы они были полностью варварскими. Когда речь идет о народах не полностью «варварских», отмечал он, которые даже добились определенного прогресса в государственной организации, «но которые показывают неспособность разрешить определенные проблемы политической цивилизации более или менее компетентно, вмешательство со стороны политических наций будет также оправданно».¹⁹ Как свидетельствует сегодняшняя политическая теория и практика империализма США, экспансионистские идеи, обосновываемые в свое время Д. Барджессом, по-прежнему находятся на вооружении американской монополистической буржуазии.

На формирование и утверждение американской буржуазной политической науки несомненное влияние оказал марксизм, основные философские, экономические и политические идеи которого к тому времени уже были сформулированы. К. Маркс и Ф. Энгельс разработали материалистическую теорию политики, которая позволила не только понять ее общую классовую сущность, но и научно подойти к объяснению и обобщению конкретных фактов политической действительности, к выявлению сущностных связей между ними. Выявив связь политики с классами и классовыми интересами, они четко определили ее место и роль в системе общественных отношений, раскрыли внутреннюю структуру политики, а также показали ее взаимодействие с другими общественными явлениями — базисными и надстроечными. «Формируясь в борьбе против идеалистических философских концепций и догматического юридического мировоззрения, марксизм дефетишизировал правовую форму, продолжил и развил материалистическое понимание государственности, поставил его исследование на подлинно научную основу, доказав, что политические отношения господства — подчинения имеют корни в системе производственных отношений эксплуататорского общества, являются своеобразной надстройкой над его экономическим базисом».²⁰

Основные и наиболее общие марксистские принципы исследования политики в одинаковой степени применимы к любому классовому обществу. Эти принципы к концу XIX в. уже прошли проверку в ходе революционных событий 1848 и 1871 гг. и были взяты на вооружение пролетариатом и его политическим авангардом. Они поставили монополистическую буржуазию США перед необходимостью пересмотра основных теоре-

¹⁸ США: политическая мысль и история / Под ред. Н. Н. Яковлева. М., 1976. С. 85.

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии. С. 16.

тических и методологических установок политической идеологии с целью приспособления их к новой обстановке в мире и активного противодействия влиянию политической теории марксизма. Поэтому не будет преувеличением сказать, что формирование и утверждение американской буржуазной политической науки явилось своего рода теоретической реакцией на марксизм и его политическую теорию.

§ 2. ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Существенные изменения в американской буржуазной политологии происходят в период между двумя мировыми войнами, и главным образом после Великой Октябрьской социалистической революции, которая поставила монополистическую буржуазию США перед необходимостью повысить авторитет и привлекательность своих политических идей, а заодно и выработать практические рекомендации по совершенствованию механизма политической власти капиталистического общества. На состояние и развитие политической науки США, на профессиональную и общественно-политическую деятельность американских политологов в этот период несомненное влияние оказывают «великая депрессия» и «новый курс Рузвельта», а также возникновение в ряде стран Западной Европы фашистских и авторитарных режимов. «Как могли политологи оставаться в стороне, — пишут А. Соумит и Дж. Таненхаус, — когда Великая депрессия и Новый курс угрожали и соответственно перестраивали политическую, социальную и экономическую структуру американской системы? Кто мог серьезно отстаивать нормативный нейтралитет перед лицом коммунизма, фашизма и национал-социализма?»²¹

Суть происходящих в данный период изменений состоит прежде всего в попытке американских буржуазных политологов придать научный характер своей области знания. Движение в защиту научности американской буржуазной политологии связано с именем Чарльза Мерриама. В ряде своих работ, в том числе таких, как «Современное состояние исследования политики» (1921 г.) и «Новые аспекты политики» (1925 г.), Ч. Мерриам доказывал необходимость «перестройки методов политического исследования и достижения больших результатов в теоретических и практических областях».²² Отнюдь не отказываясь от историко-сравнительного и юридического подходов к исследованию политики, он всячески призывал к более

²¹ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 135.

²² American Political Science Review. 1921. Vol. 15. P. 174.

широкому использованию психологических и статистических методов. Повышение научной значимости политической науки, по мнению Ч. Мерриам, могло бы способствовать «раскрепощению политических возможностей человеческой натуры», «устранению или сведению к минимуму» войны, революций и «несовершенства в регулировании отношений между индивидами и классами». Оно позволило бы справиться со «взяточничеством, грабежами, эксплуатацией, бездействием, возникающим от неспособности преодолеть инерцию и тупик», а также с другими злостными явлениями, ведущими к «снижению производительности и доброжелательности, каждая из которых влияет на другую в процессе формирования высшего человеческого благополучия».²³

Апеллируя к повышению научной значимости политической науки, Ч. Мерриам в такой же степени отстаивал важность научного характера самой практической политики. Будучи предан идеалам и ценностям американского буржуазного общества, он наивно полагал, что между ними и их осуществлением в условиях научной политики не может быть никаких потенциальных конфликтов. Ч. Мерриам был твердо убежден, что политическая наука и демократия идут рука об руку. «Политика джунглей и научное исследование политики, — писал он, — несовместимы; они не могут жить в одном и том же обществе».²⁴ Отдавая должное сделанному выводу, можно лишь удивляться тому упорству, с которым тогдашние и сегодняшние американские буржуазные политологи стремятся его опровергнуть. Нельзя не отметить также чрезмерную идеализацию американского буржуазного общества самим Ч. Мерриамом, который, как справедливо замечает С. А. Егоров, критерий научности политологии «недвусмысленно связывает с ее способностью служить американским буржуазно-демократическим ценностям и принципам и выступать орудием совершенствования американской демократии», ассоциируемой «с научным прогрессом и своего рода научной „истиной“ в социальной сфере, оптимальным вариантом политических отношений».²⁵

Другим приверженцем научной политики был Уильям Манро, который в ее обосновании пошел дальше, чем Ч. Мерриам. Он пытался связать политику с действием нераскрытых (а потому до определенной поры «невидимых») фундаментальных законов, определяющих политическое поведение индивидов и групп в обществе. В работе «Невидимое правление» (1927 г.) У. Манро писал, что «существуют непрёклонные законы, которые контролируют общее направление человеческого прогресса», что такого рода законы должны быть и в политике, ибо

²³ Merriam Ch. *New Aspects of Politics*. Chicago, 1925. P. VII—IX.

²⁴ Ibid. P. 247.

²⁵ Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии. С. 82.

законы есть нечто «самое универсальное, что свойственно каждому явлению. Все в природе склонно развиваться периодически, волнообразно либо циклично». Фундаментальные законы политики, добавлял он, из «невидимых» могли бы стать «хорошо видимыми», если бы политолог вместо «методологического альянса» с философами и социологами, «компанию которых он обычно поддерживает в ущерб собственному поиску истины», принял «методологию и объективность ученых».²⁶

В президентском послании Американской ассоциации политической науки, озаглавленном «Физика и политика — проверенная старая аналогия», У. Манро отмечал, что политическая наука должна развиваться по аналогии с физикой, чтобы избавиться от «интеллектуальной неискренности» по поводу естественных прав, согласия управляемых, правления с помощью общественного мнения, равенства людей, свободы конкуренции и т. п. Политическая наука должна отыскать «понятия, которые выдержат испытания действием, и на их основе перестроить себя путем основательного изучения фактов». Как это было в физике, политическая наука должна идти от видимых, крупномасштабных явлений к явлениям микромасштабным, «к невидимым и до сих пор пока весьма игнорируемым силам, посредством которых конкретный гражданин побуждается к действию и контролируется».²⁷ К такого рода силам У. Манро относил географический, расовый и экономический детерминизм, а также так называемый «закон маятника», согласно которому «крайности всегда перерастают в противоположности». Опираясь на этот закон, У. Манро сделал вывод, что «вся история фактически может быть разделена на периоды в зависимости от двух главных типов развития — центробежного и центростремительного».²⁸ У. Манро не был уверен, что предсказания, основанные на фундаментальных законах, могут обеспечить политической науке строгость и определенность, свойственную точным наукам, потому что «константы» человеческой природы в той или иной степени «модифицируются опытом и влияниями окружающей среды». И тем не менее он считал, что эти предсказания могут способствовать «построению науки человеческого поведения», призванной объяснять человеческие дела и поступки.²⁹

Анализ взглядов У. Манро не оставляет сомнений в том, что многие его суждения рациональны по смыслу и свидетельствуют о реалистическом подходе к исследованию политики. Однако было бы неверным на этом основании утверждать, что

²⁶ Цит. по: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 113.

²⁷ American Political Science Review. 1928. Vol. 22. P. 40.

²⁸ Цит. по: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 114.

²⁹ Ibid.

У. Манро вышел за рамки теоретических и методологических установок буржуазной политической науки и встал на позиции материалистического понимания политики. Дело в том, что он не видел (да, видимо, и не хотел видеть) решающую силу политики в народе. Ничего не говорил У. Манро и о классах, а также классовой борьбе как движущих силах политической истории. «Если бы я думал, — писал он, — что голос народа есть голос Бога, я бы испытывал сильное желание стать атеистом».³⁰

Убедленным сторонником сциентизма в американской буржуазной политологии анализируемого периода был также Дж. Кэтлин, который в этом отношении считал себя даже политологом-экспериментатором. В своей работе «Наука и метод политики» (1927 г.) он пытался дать более четкое по сравнению с другими американскими политологами обоснование научной политики. Если Ч. Мерриам для такого обоснования обращался к психологии и статистике, У. Манро — к физике, то Дж. Кэтлин обратился к экономике. Как экономисты сместили фокус своего исследования с делового предприятия к абстрактной конструкции «экономический человек», так и политологи, по его мнению, должны перейти от традиционного анализа государства к абстрактной конструкции «политический человек». «Экономическим человеком» движет воля потреблять или владеть, поэтому экономисты имеют дело с производством и обменом товаров. «Политическим человеком» движет воля господствовать, стремление сделать свою волю преобладающей над волей других сограждан. Соответственно предметом политики, пояснял Дж. Кэтлин, должна быть власть, а «политическая арена» — своего рода «рынком» для нее.³¹

Говоря об аналогии между экономикой и политикой, Дж. Кэтлин осознавал, что она может быть проведена с определенной натяжкой. Понимал он также и то, что его стремление найти какую-то стандартную единицу для измерения политики сопряжено с большими трудностями и будет встречено политологами отнюдь не однозначно. Экономика, как известно, в этом отношении имеет меньше проблем в сравнении с политикой, ибо стоимость товаров может быть выражена в деньгах. А что может служить мерилom власти? В примитивных политических обществах более или менее очевидным ее показателем выступает физическая сила, олицетворенная в различного рода военных и принудительных учреждениях. Что же касается цивилизованных обществ, то здесь, по мнению Дж. Кэтлина, дело обстоит намного сложнее. Хотя социальный статус и деньги, писал он, подчас и используются в таких обществах в качестве косвенного мерилa политической власти, тем не менее решающая роль в этом деле принадлежит якобы не им, а «голосова-

³⁰ Ibid. P. 113.

³¹ Catlin G. Science and Method of Politics. 1927. P. 244.

нию». Будучи вынужденным признавать, что голосование нередко носит формальный характер, что оно отнюдь не всегда правильно отражает расстановку политических сил в обществе, что было бы глубоко нереалистично предполагать, будто голоса избирателей — это «монеты равной чистоты» и т. д., Дж. Кэтлин в то же время утверждал, что голосование — это и есть тот самый «балансир поддержки и оппозиции», который только и может служить «показателем политической власти».³²

Значительная часть работы Дж. Кэтлина была посвящена доказательству политологии как науки. Он считал, в частности, что в политологии вполне возможно сформулировать такие принципы, которые превратят данную область знания из «конгломерата исторических экскурсов, прекраснодушных слов о „свободе“ и т. п. дебатлируемых вопросов, приготовленных для партийной платформы», в науку «предсказания». Под «предсказанием» Дж. Кэтлин имел в виду суждение типа «если это сделано, значит то случится».³³ Тот факт, что подобного рода принципы не были выработаны в американской политологии, по его мнению, объясняется, с одной стороны, неудачами политологов четко определить рамки своей области знания, а с другой — неадекватностью ее методов. Превращению политологии в науку, добавлял Дж. Кэтлин, мешал и так называемый ценностный подход к исследованию политической жизни. Подлинная политическая наука, писал он, должна быть свободна от ценностей. Она должна интересоваться средствами, а не целями. Задачей политолога не является «обучение людей политическим ценностям» подобно тому, как «задачей учителя скульптуры не является обучение своих учеников характерным чертам и идеалам художественного выражения. Его дело состоит в том, чтобы хорошо научить принципам техники, а также рассказать, что можно и нельзя сделать с определенным материалом».³⁴

Сциентистскому направлению в американской буржуазной политологии в рассматриваемый период отчетливо противостояло антисциентистское направление в лице таких его представителей, как Уильям Эллиотт, Эдвард Корвин и Чарльз Бирд. Наиболее последовательно позиция антисциентистов была представлена в работах У. Эллиотта, и прежде всего таких, как «Прагматический мятеж в политике» (1928 г.) и «Возможности науки о политике: с особым акцентом на методы, предложенные Уильямом Манро и Джорджем Кэтлином» (1931 г.) Не считая себя поклонником традиционной политической науки, У. Эллиотт в то же время весьма строго критиковал сциентистский подход к политике. Сторонники сциентизма, отмечал

³² Ibid. P. 245—277.

³³ Ibid. P. 112.

³⁴ Ibid. P. 298—299.

он, «вследствие естественной зависти пытались заполучить кое-что от престижа, которым упивается экспериментальная наука в современном мире».³⁵ Не столь значим тот факт, как они пытались это сделать, подчеркивал У. Эллиотт. Важно иметь в виду то, что исследование политики никогда не может превратиться в такую науку. Политическая наука «не имеет никакого постоянного измерителя, которому поддаются измеряемые величины». Она не может быть истолкована в универсализированных абстракциях, поскольку имеет дело с явлениями, уникальными по своей сущности и не поддающимися экспериментированию, а также с процессами, чрезвычайно сложными по своему характеру и не укладывающимися в рамки «жестких детерминистских законов».³⁶

Стремление открыть объективные законы, по мнению У. Эллиотта, породило нездоровую тенденцию выхватывать политические явления из общего культурного контекста.³⁷ Не меньшим злом было также отсутствие у многих политологов достаточно глубокого понимания того, что делают психологи, социологи, экономисты и статистики, «чтобы помешать настойчивому навязыванию нам псевдонаучных результатов».³⁸ Особенно ошибочным У. Эллиотт считал ценностно-нейтральный подход к политике. Политическая наука, писал он, независимо от того, что ей еще предстоит сделать, не должна порывать свою традиционную связь с практической политикой и идеальными целями управления. Для представителя политической науки отказать от обсуждения вопроса о политических ценностях означало бы то же самое, что «для философа заниматься абстрагированием в пустоте». Ошибка сторонников сциентистского направления в вопросе о ценностях, пояснял У. Эллиотт, состоит в том, что они «втянули» эти ценности в сферу своего обсуждения «без критики и, что еще хуже, без осознания того, что это есть именно ценности, а не чистые факты».³⁹

Наряду с У. Эллиоттом антисциентистские идеи в американской буржуазной политологии того времени развивал также Э. Корвин. Как и У. Эллиотт, он считал, что на пути серьезного сциентистского экспериментирования в сфере политической науки перед учеными стоят большие трудности, обусловленные тем, что сциентизм абсолютизирует технические приемы науки, доводит их до крайностей. Имея в виду данное обстоятельство, Э. Корвин замечал, что для сциентизма всегда были характерны исключительно большое внимание к научному аппарату, по-

³⁵ Elliott W. The Possibility of a Science of Politics: With Special Attention to Methods Suggested by William B. Munro and George E. G. Catlin // *Methods in Social Science* / Ed. by S. Rice. New York, 1931. P. 72.

³⁶ Ibid. P. 79.

³⁷ Ibid. P. 91.

³⁸ Ibid. P. 86.

³⁹ Ibid. P. 89—90.

вышенный интерес к шлифовке даже уже испытанных технических приемов. «Но все это делалось, — добавлял он, — по-видимому, ради самой игры».⁴⁰ Как и У. Эллиотта, Э. Корвина глубоко беспокоил вопрос об этическом и нормативном нейтралитете политической науки, который отстаивали представители сциентизма. Если развитие политической науки пойдет в данном направлении, отмечал он, то это будет отказом от ее высоких целей во имя осуществления сиюминутных задач. По убеждению Э. Корвина, подлинными задачами политической науки являются «критика и воспитание в их тесной связи с идеальными целями государства и с тем, как эти цели могут быть достигнуты». В той мере, в какой технические приемы продвигают вперед решение названных задач, в той мере оценивается и их значение для политической науки. Там, где технические приемы не могут способствовать реализации подобного рода задач, они должны быть отвергнуты как несоответствующие «истинному предназначению» политической науки.⁴¹

Важную роль в критике сциентистских установок в американской буржуазной политологии 20—30-х годов сыграл Чарльз Бирд. В президентском послании «Время, технология и творческий дух в политической науке» (1927 г.), адресованном Американской ассоциации политической науки, он отмечал, что две силы — время и технология — безжалостно разрушают старый порядок и лихорадочно придают целым социальным системам «неведомые до того калейдоскопические формы».⁴² Чтобы противостоять этим силам, политологи должны развивать творческий дух в своей области знания. Сциентизм, по мнению Ч. Бирда, не способствует развитию такого духа, поскольку ориентирует политологов на одностороннее исследование и накопление данных «по частным проблемам со ссылкой на специфические практические цели». Он, по существу, игнорирует смелые суждения, широкие обобщения и вторжение в «большие дела политики». «Исследование по научным формулам, — добавлял Ч. Бирд, — в математически измеряемых и логически описываемых понятиях уступает анализу не систематизаторов, поскольку оставляет нетронутой громадную армию движущих социальных сил, для которых такие слова, как убежденность, судьба, надежда, лояльность и предназначение, являются бледными символами».⁴³ Понятие нейтральной в моральном отношении политической науки шокировало Ч. Бирда как абсурдное. Будучи убежден, что «в политической науке не может быть никакой творческой работы без этики», он призы-

⁴⁰ Corwin E. The Democratic Dogma and the Future of Political Science // American Political Science Review. 1929. Vol. 23. P. 588.

⁴¹ Ibid. P. 591—592.

⁴² Beard Ch. Time, Technology and the Creative Spirit in Political Science // American Political Science Review. 1927. Vol. 21. P. 6.

⁴³ Ibid. P. 6—9.

вал к тому, чтобы «исследователи исследовали нравы самих исследователей».⁴⁴ На этом же основании Ч. Бирд отвергал методологические инновации сциентистов в пользу историцизма. Исторический метод, писал он в 1934 г., «есть единственный подход, открытый человеческому разуму», ибо в конечном счете размышлять можно только с помощью «понятий о вещах, которые знаешь и которые пришли из прошлого».⁴⁵

Дискуссия между сциентистами и антисциентистами в американской буржуазной политологии приобрела особенно острый характер в 20—30-е годы, после чего заметно пошла на убыль. Об этом свидетельствуют А. Соумит и Дж. Таненхаус, проанализировавшие большое количество материалов, опубликованных в журнале «*American Political Science Review*» в то время. Они пишут: «Тогда как с 1921 по 1932 г. почти каждый том названного журнала содержал дискуссию pro и contra сциентизма, в период с 1933 по 1940 г. проблема эта почти полностью исчезла с его страниц».⁴⁶

Несмотря на то, что дискуссия между представителями разных направлений в американской буржуазной политологии была ограничена сравнительно небольшими историческими рамками, влияние ее на развитие данной области знания нельзя недооценивать в силу следующих соображений. Прежде всего она способствовала тесному сближению американской буржуазной политологии с другими областями общественного и естественнонаучного знания. Особенно усиливается ее связь с буржуазной социологией, которая к тому времени уже достаточно твердо заявила о себе в лице таких авторов, как У. Томас и Ф. Знанецкий («Польский крестьянин в Европе и Америке», 1918—1921 гг.), Н. Андерсон («Бродяга», 1923 г.), Л. Вирт («Гетто», 1928 г.), Г. Зорбаф («Золотой берег и трущобы», 1929 г.) и др. В работах социологов того периода, главным образом представителей Чикагской школы, которая по праву считалась сильнейшей в США, разрабатывается научный инструментарий социологических исследований. Так, в книге Роберта Парка и Эрнста Барджесса «Введение в социологию» (1921 г.) обосновываются такие социологические понятия, как «социальное взаимодействие», «коммуникация», «социальный процесс», «социальная система», «конкуренция», «конфликт», «ассимиляция», «приспособление», «личность» и т. д.

Беря на вооружение разработки названных и других социологов, американские политологи не ограничиваются простым их приложением к политике, а придают им специфическую на-

⁴⁴ Beard Ch. Book Review // *American Political Science Review*. 1933. Vol. 27. P. 118.

⁴⁵ Beard Ch. The Historical Approach to the New Deal // *American Political Science Review*. 1934. Vol. 28. P. 12.

⁴⁶ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 122.

правленность. Так, в книге Ч. Мерриама и Г. Госнелла «Неголосование: причины и методы контроля» (1924 г.) исследуются различные аспекты поведения избирателей в период выборных кампаний, отношение их к политическим партиям, отдельные проблемы политической идеологии и общественного мнения. А книга У. Липпмана «Общественное мнение» (1922 г.), посвященная роли стереотипов в формировании политического поведения индивидов, по существу заложила особое направление в американской буржуазной политологии.⁴⁷

Не менее активно шло взаимодействие американской буржуазной политологии с психологией, которая благодаря работам Фромма, Уотсона, Миза, Холлуэлла, Янга и Скиннера также пустила глубокие корни в обществоведении США. В основе психоанализа названных и других американских авторов лежат идеи Зигмунда Фрейда, соответствующим образом приспособленные к социальной и политической действительности США. Согласно этим идеям, образование, столкновение, взаимодействие всех общественных отношений происходит вследствие психического действия, и прежде всего подсознательных, инстинктивных влечений индивидов. Будучи перенесенными в политологию, идеи психоанализа привели к доминированию в среде американских исследователей психопатологической точки зрения, концентрирующей внимание на выяснении таких политических явлений, которые согласно действующим общественным нормам представляют собой патологию. Примером тому служит книга Г. Лассуэлла «Психопатология и политика» (1930 г.), в которой исследуется влияние скрытых, подсознательных побуждений на политическую активность личности.

Тесная связь американской буржуазной политологии с социологией и психологией придала ей более действенный характер. Как отмечает С. А. Егоров, «интеграция политической науки с социологией и социальной психологией привела к образованию политической социологии, представители которой основное внимание уделяли изучению взаимоотношений политических процессов с социальной средой, исследованию социальной структуры, социально-политических институтов и процессов, групп и различных неформальных аспектов политики. Важная роль отводилась изучению мотивации индивидуального и группового поведения в политике».⁴⁸

Дискуссия между сциентистами и антисциентистами, далее, усилила прикладное значение американской буржуазной поли-

⁴⁷ В сфере общественного мнения, отмечал У. Липпман, господствуют стереотипы, устойчивые представления с сильной эмоциональной окраской. Эти стереотипы он называл «крепостью нашей традиции, за стенами которой на занимаемой позиции мы можем и дальше чувствовать себя в безопасности» (Lippman W. Public Opinion. New York, 1938. P. 96).

⁴⁸ Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии. С. 84—85.

тологии, углубила ее эмпирическую направленность. Сама обстановка того времени, пишут А. Соумит и Дж. Таненхаус, предоставила политологам хорошую возможность проверить свои выводы и оценки на практике, а также весьма критически подойти ко «многим своим привычным представлениям относительно природы управленческого процесса». Впервые со времени основания американской политической науки, добавляют они, научные исследования в этой области получили широкое признание. «Впервые также появилось болезненное осознание внутренней несовместимости нескольких ролей, которые политологи традиционно стремились играть».⁴⁹

Подтверждением сказанному является создание в 1927 г. членами Американской ассоциации политической науки специального Комитета по политике, который просуществовал до 1937 г. и внес существенный вклад в развитие сотрудничества между политологами и практическими политиками. Уже в год своего основания этот Комитет получил от «Карнеджи корпорейшн» 7,5 тыс. долл. для изучения вопроса о том, как превратить Американскую ассоциацию политической науки в «более мобильный, более четкий, более эффективный» инструмент политики.⁵⁰ В последующие годы ему было выделено еще 67,5 тыс. долл. «Для тех дней, — отмечают А. Соумит и Дж. Таненхаус, — это была царственная сумма, которая позволила (Комитету по политике. — А. Ф.) вырвать у ассоциации необычайно большую часть власти».⁵¹ Указанная сумма была использована для таких целей, как «организация и координация научных исследований, осуществление широкой программы взрослого и государственного школьного обучения, публикация полученных данных, кратких изложений законодательных актов и других государственных документов, надзор за подготовкой и размещением политологов в государственной службе».⁵²

Усилению прикладного значения американской буржуазной политологии в 20—30-е годы способствовало широкое использование эмпирических методов исследования, и прежде всего таких, как: статистический анализ различного рода материалов, в особенности избирательных кампаний; опросы населения с помощью специально подобранных тестов, в том числе зондаж мнения до, во время и после выборов; наблюдения политического поведения, проводимые в естественных и экспериментальных условиях. Типичным примером эмпирического подхода к политике является работа С. Райса «Количественные методы в политике» (1928 г.), получившая широкое признание среди американских политологов. Эмпирическое на-

⁴⁹ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 89.

⁵⁰ Ibid. P. 98.

⁵¹ Ibid. P. 99.

⁵² Ibid.

правление в американской буржуазной политологии приобрело особенно сильное развитие в рамках Чикагского университета. Оно было связано с изучением этнических меньшинств, отклоняющегося поведения, с улучшением социальных служб и исследованием средних городов и городов-гигантов. Это направление породило множество статистических данных, зачастую несопоставимых друг с другом из-за отсутствия общих исходных теоретических предпосылок. Выразителем идеологии этого направления в американской буржуазной политологии стала школа позитивизма, истоки которой восходят к учению французского социолога Огюста Конта. Эмпирическое направление подготовило соответствующую почву для становления и утверждения специального методологического направления в американской буржуазной политологии — бихевиоризма, споры по поводу которого продолжаются по сей день (см. § 3 гл. I данной книги).

Усиление прикладного значения американской буржуазной политологии сопровождалось ростом численности и повышением квалификации самих политологов. Так, если в 1920 г. численность только членов Американской ассоциации политической науки, которая отнюдь не охватывала всех политологов страны, составляла 1300 человек, то к 1945 г. она возросла до 3300 человек.⁵³ В свою очередь, если за период с 1926 по 1935 г. докторов политической науки в США было подготовлено 530 человек, то за период с 1936 по 1945 г. — уже 654 человека.⁵⁴ Соответственно значительно увеличилось и количество вузов по подготовке политологов, а также центров по исследованию политики на общегосударственном и местном уровне.⁵⁵ Существенно расширилась издательская база американских политологов, а также возрос объем специальной литературы по актуальным проблемам внутренней и внешней политики. С 1939 г., например, стал выпускаться новый журнал под названием «Journal of Politics». Появилась серия крупных публикаций, в том числе книги Гарольда Госнелла («Негритянские политики», 1935 г., «Организационная политика: чикагская модель», 1937 г.), Роя Пила («Политические клубы города Нью-Йорк», 1935 г.), Элмера Штатшайдера («Политика, давление и тариф», 1935 г.), Эвери Лайзерсона («Административное регулирование», 1942 г.), Фредерика Шумана («Международная политика», 1933 г.), Квинси Райта («Причины войны и условия мира», 1935 г., «Исследование войны», 1942 г.), Гарольда Лас-

⁵³ Ibid. P. 91.

⁵⁴ Ibid. P. 102.

⁵⁵ По подсчетам А. В. Дмитриева, за два десятилетия между мировыми войнами в университетах США было создано 30 институтов и бюро по изучению политики (Дмитриев А. В. Политическая социология США: Очерки. С. 7).

суэлла и Дороти Блюменсток («Мировая революционная пропаганда», 1939 г.).

И наконец, дискуссия между представителями разных направлений в американской буржуазной политологии показала заметное влияние на активизацию теоретической деятельности советологов в США, которые к тому времени уже весьма «преуспели» в своих попытках дискредитировать теорию и практику социализма. Как известно, первым крупным советологическим центром в США был Гуверовский институт по проблемам войны, революции и мира, созданный в 1919 г. при Стэнфордском университете. Главная задача этого института, по свидетельству буржуазных идеологов, состояла в «исследовательской работе и публикации, которые должны вскрыть зло учения Карла Маркса — будь то коммунизм, социализм, экономический материализм или атеизм».⁵⁶

Гуверовский институт оказался обладателем большой коллекции важных документов и рукописей, включавшей: архив руководства меньшевиков; документы Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича; часть архива царской охранки (1895—1917 гг.), которая была вывезена в США бывшим послом Временного правительства России во Франции В. А. Маклаковым.⁵⁷ Опираясь на эту коллекцию и используя услуги многих белоэмигрантов, нашедших приют в США, институт осуществил немало идеологических акций (в особенности в 20—30-е годы), направленных на подрыв общественного и политического строя СССР, на очернение его внутренней и внешней политики. Свидетельством тому являются многолетние писания Керенского, Родзянко, Сазонова, Милюкова и других ярых противников нашей страны.⁵⁸

Другим, не менее крупным советологическим центром в США стал институт Брукинса, в состав которого в 1927 г. вошли: Институт правительственных исследований, основанный еще в 1916 г., Институт экономической теории, созданный в 1922 г., и Высшая школа экономики и управления Брукинса. Задачи этого института носили явно выраженный политико-прикладной характер и состояли в том, чтобы быть: центром по проведению важнейших исследований; хорошо отлаженным издательством, способным самостоятельно выпускать большое количество книг; высшей школой для государственных служащих, где проводятся конференции и семинары по общественно-политическим проблемам; резервуаром, из которого рекрутируются работники правительственного аппарата.⁵⁹ Надо ска-

⁵⁶ Цит. по: Николаев П. А. Зловещий альянс: Советология на службе психологической войны. Л., 1980. С. 26.

⁵⁷ Там же. С. 44.

⁵⁸ См.: Марушкин Б. И. Советология: Расчеты и просчеты. М., 1976. С. 39—41.

⁵⁹ См.: Диксон П. Фабрики мысли. М., 1976. С. 368.

зять, что институт Брукинса, как до, так и после второй мировой войны, с большим рвением выполнял эти задачи, последовательно наполняя их антисоветским смыслом и всецело подчиняя общей антикоммунистической стратегии США. Не случайно, отдавая должное этому институту, президент США Л. Джонсон в связи с 50-летием его образования отмечал: «Вы — национальное учреждение, настолько нужное, по крайней мере исполнительному аппарату и, я полагаю, конгрессу и всей нации, что, если бы вас не было, нам пришлось бы просить кого-то создать вас».⁶⁰

Об активизации деятельности советологов США в период между двумя мировыми войнами свидетельствуют не только названные институты, но и обширная литература, посвященная формам и методам ведения идеологической борьбы против СССР, негативному истолкованию происходивших в нашей стране общественно-политических процессов. Как отмечает в данной связи П. А. Николаев, общее количество книг и крупных статей, опубликованных американскими авторами по проблемам психологической войны в 1934—1943 гг., составило более 2500 наименований.⁶¹ Наряду с уже упомянутой книгой У. Липпмана «Общественное мнение» (1922 г.), в которой идет речь о формировании различного рода стереотипов, эта литература включает в себя книги таких известных авторов, как Г. Лассуэлл («Техника пропаганды в мировой войне», 1927 г.) и Л. Доуб («Пропаганда: психология и техника», 1935 г.). В работах указанных авторов разрабатываются основы американской буржуазной пропаганды и контрпропаганды, предпринимаются попытки подвести теоретическую базу под психологическую войну, которую США в те годы вели против СССР.

Антисоветским содержанием пронизаны в тот период и работы, в которых анализируется политическая культура СССР. Таковы, в частности, книги С. Харпера («Гражданское обучение», 1929 г.), («Становление большевиков», 1931 г.) и Р. Фултона-Миллера («Разум и лицо большевизма», 1928 г.). Характеризуя эти работы, американский политолог Р. Такер откровенно признает, что они были «не просто „исследованием культурной жизни в Советской России“, как об этом заявляли авторы названных книг, а исследованием коммунизма в его ранние годы под углом зрения культурной трансформации России».⁶²

Сказанное подтверждает вывод С. И. Попова, что антисоветизм возник «из антибольшевизма, а затем слился с ним в

⁶⁰ Там же. С. 367.

⁶¹ Николаев П. А. Зловещий альянс: Советология на службе психологической войны. С. 138.

⁶² Tucker R. Culture, Political Culture and Communist Society // Political Science Quarterly. 1973. Vol. 88, N 2. P. 183.

одно неразрывное целое»,⁶³ а также дает основание утверждать, что антисоветизм неотделим от американской буржуазной политологии, как бы против этого ни возражали ее отдельные представители. Он составляет неотъемлемую часть этой политологии, ее весьма существенный компонент.

§ 3. РАДИКАЛЬНЫЕ СДВИГИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Весьма серьезные сдвиги в структуре и содержании американской буржуазной политологии происходят в послевоенный период.

1. Все более заявляет о себе бихевиоризм как специфический метод исследования политической жизни. Как отмечают А. Соумит и Дж. Таненхаус, американские политологи после второй мировой войны спорили по многим проблемам, но наибольшие разногласия вызвал, конечно, бихевиоризм.⁶⁴ Такое положение нельзя считать случайным. Оно есть следствие общей антидиалектической установки, характерной для буржуазного обществоведения в целом. Основы ее коренятся в самих классовых интересах буржуазии. Говоря об этом, К. Маркс отмечал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».⁶⁵

Бихевиоризм не сразу утвердился в американской буржуазной политологии. Возникнув как определенное направление в психологии, он получил затем дальнейшее развитие в социологии, чему в немалой степени способствовали работы О. Нейрата, Г. Мида и других авторов, выступивших с идеей обоснования так называемого «социального бихевиоризма». «Социология, — писал еще в 30-е годы О. Нейрат, — рассматривает людей не иначе, чем другие реальные науки рассматривают животных, растения и камни. Она знает только одно учение о „поведении“ в широком смысле. Она представляет собой „социальный бихевиоризм“».⁶⁶ Как известно, бихевиоризм в со-

⁶³ Попов С. И. Антикоммунизм — идеология и политика империализма. М., 1985. С. 147.

⁶⁴ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 173.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.

⁶⁶ Neurath O. Empirische Soziologie. Der Wissenschaftliche Gehalt der Geschichte und Nationalökonomie. Wien, 1931. S. 63.

циологии исходит из двух основных принципов позитивизма — верификации и операционализма. Согласно принципу верификации, научную ценность имеют лишь те данные, которые могут быть получены (или проверены) путем наблюдения либо **количественного измерения**. Бихевиористы считают, что такие данные могут быть получены при изучении поведения социальных групп и индивидов, причем обязательно должны учитываться индивидуальные психологические мотивы, эмоции людей, их темперамент, склонности и т. п. Что касается принципа операционализма, то он основан на утверждении, что любое познание представляет собой прежде всего совокупность определенных «инструментальных операций», которые производит человек в процессе своей деятельности и которые служат средством получения, обработки и измерения нужных ему данных.

Исходя из этих принципов, буржуазные социологи основное внимание концентрируют на исследовательских процедурах, утверждая, что подобным образом они достигают полной объективности, независимости от каких бы то ни было «социальных ценностей» и классовых интересов. Именно так поступает американский исследователь Р. Макгиннис, по мнению которого «социолог представляет собой собирателя фактов. Его главными рабочими инструментами являются техника интервьюирования в полевых обследованиях и статистический анализ. Его главной методологической заботой — адекватность и надежность его наблюдений и связанные с этим проблемы измерения».⁶⁷ Конечно, важность аналитических процедур в процессе исследования общественно-политических явлений не вызывает сомнений. Однако научная ценность их лишь только в том случае становится значимой, если они вписываются в какую-либо общую методологическую или социологическую теорию. Между тем именно этого качества как раз и недостает бихевиористскому направлению в буржуазной социологии, что свидетельствует о его методологической несостоятельности.

Применительно к американской буржуазной политологии идеи бихевиоризма были впервые сформулированы Артуром Бентли, в частности в его работе «Процесс управления», опубликованной еще в 1908 г. А. Бентли отмечал, что политическая наука должна прежде всего заниматься изучением поведения заинтересованных групп в политическом процессе. Позднее эти идеи были широко развиты другими американскими политологами, в том числе Ч. Мерриамом и Г. Лассуэллом. В период после второй мировой войны влияние сторонников бихевиористского направления еще более расширилось. Бихевиоризм стал, по существу, главным методологическим направлением в буржуазной политической социологии, оттеснив на задний план

⁶⁷ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1972. С. 150.

не только формально-юридический (институционный), но и другие, более популярные подходы. «В буржуазной „политической науке“, — пишет в этой связи Б. А. Шабад, — ведущим становится не формально-юридический „институционный“ подход”, а „бихевиористский“».⁶⁸ Больше того, бихевиоризм глубоко проник в самую буржуазную юриспруденцию, обещая ей различного рода нововведения.⁶⁹

Проникновение бихевиоризма в американскую буржуазную политологию было обусловлено новыми явлениями, характерными для капиталистического общества на его монополистической стадии, а рост его популярности среди политологов в значительной степени связан с их стремлением противостоять авторитету и расширению сферы влияния марксистской политической теории. Выдвигая свой — поведенческий — подход к исследованию политических явлений как единственно правильный, сторонники бихевиоризма противопоставляют его марксистско-ленинскому положению о решающей роли классовых факторов в политике. Как отмечает индийский общественник С. Гупта, «бихевиоризм был... теоретической реакцией на идеологию марксизма», а его развитие в американской политической науке имело целью «защитить дискредитировавшие себя буржуазные порядки».⁷⁰

Исходные принципы бихевиоризма применительно к американской буржуазной политологии могут быть сведены к следующему. Во-первых, объектом исследования политолога должны быть не законодательные нормы и формальные моменты политической организации общества, не те или иные политические программы и идеи, не общество и политика в целом, а дейст-

⁶⁸ Ш а б а д Б. А. Кризис идеологии антикоммунизма. М., 1973. С. 171.— Этот вывод согласуется с высказываниями самих буржуазных социологов. Так, американский проф. Е. Риггс пишет, что «третий мир, появление новых государств и модернизация вновь усилили интерес политической науки к бихевиоризму» (см.: *The Methodology of Comparative Research*. Indiana, 1970. Р. 76).

⁶⁹ Бихевиоризм в буржуазном правоведении, пишет советский исследователь А. М. Яковлев, «обещает: увеличить рост специалистов-экспертов в судопроизводстве, особенно в тех ситуациях, когда суд полагается на собственное усмотрение: объяснить факторы, влияющие на принятие судебного решения; создать электронного судью, т. е. электронно-решающее устройство, выполняющее судебные функции более эффективно, чем сами судьи; создать, наконец, объективный метод разрешения принципиальных и противоречивых проблем правосудия» (Яковлев А. М. *Право и социология: Кризис законности* в США. М., 1975. С. 87).

⁷⁰ Gupta S. *A Critique of Behaviorism in Contemporary Political Science // Socialist Perspectives*. 1973. Vol. 1. P. 15.— О становлении и утверждении бихевиоризма в американской буржуазной политологии написано множество работ. Среди них: *Behavioralism in Political Science* / Ed. by H. Eulau. New York. 1969; Smith B., Johnson K., Paulsen D., Shocket F. *Political Research Methods. Foundations and Techniques*. Boston, 1976; Wahlke J. *Pre-Behaviorism in Political Science // The American Political Science Review*. Vol. 73. N 1. March 1979.

вия людей, направленные на достижение своих политических целей. Во-вторых, подлинно научную ценность имеют не теоретические исследования, а эмпирические факты, соответствующим образом обработанные. В-третьих, применение методов других наук, в том числе естественных и точных, к анализу политических явлений не только допустимо, но и необходимо. И, в-четвертых, в качестве абсолютно необходимого условия научности исследования провозглашается возможность верификации или фальсификации (опровержения) его выводов, а также требование эксплицитности (точности) и воспроизводимости исследовательских процедур.⁷¹ Делая упор в своих исследованиях на изучении поведения индивида в тех или иных ситуациях, бихевиоризм неизбежно игнорировал большие группы и классы как объекты изучения. Анализ индивидуального и группового поведения индивидов оказался преобладающим и в подходе к изучению политической жизни буржуазного общества в целом, о чем свидетельствует всевозрастающий интерес буржуазных политологов к теории групп политического давления вообще, к теории и практике лоббизма в частности.⁷²

До второй мировой войны внимание американских буржуазных политологов концентрировалось главным образом на изучении поведения индивидов в процессе голосования, на их отношении к различным реформам, тем или иным политическим лидерам и т. д. После второй мировой войны они окончательно отошли от изучения народов и масс в политике и замкнулись в рамках внутрigrупповых и междугрупповых отношений между индивидами.⁷³ Даже при изучении тех или иных политических институтов (например, Верховного Суда США) во главу угла ставился прежде всего поведенческий, социально-психологический аспект деятельности и взаимоотношений индивидов.⁷⁴ О смещении ракурса изучения политики в сторону исследования прежде всего социально-психологических взаимоотношений индивидов свидетельствует также широкое использование представителями бихевиоризма принципов так называемой микро-

⁷¹ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 177—179.

⁷² Зяблюк Н. Г. США: Лоббизм и политика. М., 1976.

⁷³ Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л., 1967. С. 30—39.

⁷⁴ См.: Мэрфи У. Конгресс и суд: Исследование случая в американском политическом процессе. М., 1967. — Акцентируя внимание на самом политическом поведении индивидов, стремясь с помощью различных средств направить это поведение в нужное русло, бихевиористы преследуют вполне определенную цель, а именно «обеспечить стабильность буржуазного общества» (см.: Чиркин В. Е. Научно-техническая революция и буржуазная политическая наука // Политико-правовые доктрины современного империализма / Под ред. В. Е. Гулиева, С. Л. Зивса. М., 1974. С. 114). Достигается же подобная цель, как об этом пишет американский социолог Д. Рисмен, путем установления «контроля над мыслью», над поведением и характером людей (Riesman D. Faces in the Crowd. New Haven, 1965. P. 40—42).

социологии, или социометрии, суть которых состоит в том, чтобы найти соответствие между «микроструктурой» группы (или психологическими отношениями между индивидами) и «макроструктурой» общества. Давая определенный положительный эффект в психологических опытах, проводимых на малых группах, принципы микросоциологии (социометрии) оказываются совершенно непригодными, будучи примененными к большим группам, равно как и к обществу в целом. Сказанное вытекает из того, что не психологический мир личности определяет характер тех или иных отношений (в том числе отношений политических) в обществе, а, наоборот, сами общественные отношения являются определяющими по отношению к социально-психологической структуре личности, к ее социальным представлениям и чувствам. Как отмечают Л. Грзал и С. Попов, «коренной порок микросоциологии состоит в идеалистической предпосылке о первичности „микроструктуры“... по отношению к „макроструктуре“ общества. На деле такой безусловно „макроэкономический“ факт, как раскол буржуазного общества на антагонистические классы, невозможно изменить никакими манипуляциями в области „микроструктуры“».⁷⁵

Таким образом, ссылаясь на уязвимость представителей институционно-правового метода и подчеркивая их неспособность выявить и измерить факторы, создающие отклонения в поведении индивида от общих политических ориентаций, сторонники бихевиористского подхода сами оказались в уязвимом положении: увлекшись сбором разного рода данных по проблемам малой социальной важности (например, признаками авторитарной личности), они оставили в стороне кардинальные проблемы взаимоотношений различных классов и их политических институтов в обществе. В результате этого взаимосвязь политических отношений в микро- и макроструктуре капиталистического общества представлялась в явно извращенном виде. Накопившийся громадный эмпирический материал подвергался обработке по произвольно сконструированным принципам. Больше того, такая обработка, несмотря на широкое использование счетно-вычислительных машин, становилась все сложнее и сложнее, поскольку поток фактического материала напоминал снежный ком, сброшенный с горы. Кроме того, если поведение индивидов в малых группах еще поддавалось какому-то количественному измерению, то применительно к обществу в целом такие измерения оказались явно недостаточными. Все эти, а также многие другие обстоятельства способствовали выработке критического отношения к традиционному бихевиоризму⁷⁶ и появлению новых тенденций в американской буржуазной поли-

⁷⁵ Грзал Л., Попов С. Критика современных буржуазных социологических теорий. М., 1976. С. 62.

⁷⁶ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 180—183.

тологии — «модернизма», «постбихевиоризма» и «структурного функционализма».

Суть модернизма состоит в том, что его представители, не отвергая в целом бихевиористский подход к политике, в то же время стремятся преодолеть его крайности и недостатки. Они (особенно специалисты в области международной политики) объявляют ненаучным (точнее — недостаточно научным) традиционный бихевиористский подход и предлагают свой как якобы «подлинно научный», «сциентистский». Они стремятся, в частности, дополнить бихевиористский подход подходом институциональным. Так, один из виднейших представителей модернизма в сфере международно-политических отношений Д. Сингер пишет: ... «Научная теория международной политики невозможна, если она охватывает только бихевиоральные явления... необходимо обратить должное внимание на институциональные явления, под которыми я имею в виду структуру, культуру и отношения».⁷⁷

Характерными признаками модернизма являются не только критика бихевиоризма от имени науки, но и стремление преодолеть его силами этой науки. Отсюда широкое использование модернистами теоретических и эмпирических методов биологии, кибернетики, физики и особенно математики. «Различные разделы математической статистики, — пишут С. А. Петровский и Л. А. Петровская, — и в первую очередь факторный анализ, различные виды имитационных моделей, метод контент-анализа, вербальные абстрактные модели, теория игр, аппарат дифференциальных уравнений, — таковы основные методические средства „модернистских“ исследований».⁷⁸

Разумеется, само по себе применение в общественном знании различного рода методов тех или иных естественных и технических наук — явление вполне закономерное. Однако в сфере буржуазной политологии такое применение носит большей частью спекулятивный характер. Вот почему основной порок методологии модернизма заключается отнюдь не в том, что он опирается на средства естественных и точных наук, а в том, что он недопустимо абсолютизирует эти средства, формализуя тем самым политический анализ и стремясь «очистить» его от тех или иных онтологических и гносеологических «наслоений». Таков, кста-

⁷⁷ Knorr K., Rosenau J. (eds.). *Contending Approaches to International Politics*. Princeton, 1969. P. 64—65.

⁷⁸ Петровский С. А., Петровская Л. А. «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений // Вопросы философии. 1974. № 2. С. 40. — Весьма характерна в этом отношении книга, изданная под редакцией Брюсса Рассета, в которой предпринята попытка применить к международной политике аппарат полных, множественных и канонических корреляций, а также факторного и дисперсионного анализов (Russet B. (ed.). *Peace, War and Numbers*. London, 1972).

ти, общий порок и неизбежный логический результат позитивистского способа мышления вообще.⁷⁹

Что касается постбихевиоризма, то его представители выражают «глубокое неудовлетворение исследованиями и преподаванием политической науки, особенно теми, которые имеют своей целью превратить изучение политики в более точную научную дисциплину, смоделированную на основе методологии естественных наук».⁸⁰ Основные посылки постбихевиористов, которые, по существу, составляют их кредо, сводятся к следующему.⁸¹ Во-первых, реальность должна преобладать над техникой. В жертву же технике она может быть принесена лишь в тех случаях, когда это вызывается соответствующими социальными потребностями. Во-вторых, основная задача политической науки, по мнению постбихевиористов, состоит не столько в том, чтобы описывать и анализировать те или иные факты, сколько в том, чтобы истолковывать их в более широком смысле — под углом зрения актуальных социально-политических ценностей. В тесной связи с двумя предыдущими находится третья посылка постбихевиоризма — требование расширения ответственности так называемых «интеллектуалов», роль которых якобы состоит в том, чтобы охранять существующие ценности цивилизации, претворять свои знания в жизнь, вторгаться в нее.

На первый взгляд может показаться, что исходные позиции постбихевиоризма являются крайне радикальными и выводят буржуазную политологию за рамки тех апологетических установок, в которых она с момента своего возникновения пребывает и которые характеризуют ее основную направленность. Между тем это далеко не так. Представители постбихевиоризма не отрицают в целом, а, наоборот, поддерживают бихевиористские методы и технику, стремясь сделать их более существенными и убедительными (в смысле применения) для исследования проблем сегодняшнего дня. Другими словами, постбихевиоризм есть своего рода соединение позитивистского и ценностно-идеологического подхода к исследованию политических явлений в целях усиления мировоззренческой активности буржуазных политико-социологических концепций, укрепления их методологических позиций в борьбе против политической теории марксизма. По этой причине он не представляет опасности для буржуазных политологов, не вносит смятение в их умонастроение. Больше того, как подчеркивает американско-канадский политолог Д. Истон, в широкой исторической перспективе постбихевиоризм означает возможность осуществления необходимых из-

⁷⁹ См.: Киссель М. А. Идеализм против науки. Л., 1969. С. 312.

⁸⁰ Easton D. The New Revolution in Political Science // American Political Science Review. December, 1969. Vol. LXIII, N 4. P. 1051.

⁸¹ Ibid. P. 1051—1061.

менений в политической науке при сохранении ее главных принципов.⁸²

И наконец, критика традиционного бихевиоризма в буржуазной политологии ведется с позиций структурного функционализма. Структурно-функциональный метод стал особенно широко применяться в буржуазной политологии начиная с середины 50-х годов, чему в немалой степени способствовали работы Д. Истона, Г. Алмонда и К. Дойча. При отсутствии общей методологической теории, пишет С. А. Егоров, «в качестве методологической основы политических исследований все чаще стали использоваться идеи системного анализа и структурного функционализма Т. Парсонса, трактуемые в идеалистических рамках буржуазной философии».⁸³ Исходные посылы структурного функционализма достаточно подробно проанализированы в нашей общесоциологической и политико-социологической литературе,⁸⁴ и на них нет необходимости останавливаться. В данной связи хотелось бы отметить лишь следующее. Стремясь вывести традиционный бихевиоризм из того методологического тупика, в котором он оказался, представители структурного функционализма в конечном итоге также вынуждены были признать свою методологическую несостоятельность. Причиной несостоятельности были: с одной стороны, приверженность структурного функционализма идее социальной стабильности, а с другой — его неспособность справиться с идеей фундаментального социального развития. Рассматривая политику в терминах структурно-функционального анализа, американские буржуазные политологи сосредоточивают внимание на факторах, способствующих или препятствующих интеграции и стабильности существующей политической системы, и даже не ставят вопроса о необходимости ее качественного изменения. В свою очередь, обосновывая необходимость дополнения функционализма историческим подходом, они «отрицают... наличие объективных законов истории, трактуя проблему развития политических систем весьма поверхностно».⁸⁵

Из всего сказанного можно сделать два вывода. Первый —

⁸² Ibid. P. 1061.

⁸³ Егоров С. А. Некоторые концепции политического развития в современной политической науке США // Международные отношения, политика и личность: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1975. М., 1976. С. 123.

⁸⁴ См., напр.: Старостин Б. С. Методологические искания современной буржуазной социологии // Философские науки. 1974. № 1; Социология и современность. Т. 2 / Под ред. Ф. В. Константинова и др. М., 1977; Дмитриев А. В. Политическая социология США. Л., 1971; Чиркин В. Е. Научно-техническая революция и буржуазная политическая наука; Егоров С. А. Некоторые концепции политического развития в современной политической науке США.

⁸⁵ Егоров С. А. Политическая система, политическое развитие, право: Критика немарксистских политологических концепций. М., 1983. С. 25.

ни традиционный бихевиоризм, ни модернизм, ни постбихевиоризм, ни структурный функционализм не могут служить подлинно научными методами исследования и познания политической действительности, поскольку находятся в явном противоречии с объективными закономерностями развития этой действительности. И второй вывод — научно-техническая революция, достижения которой пытаются использовать в своей методологии американские буржуазные политологи, не только не укрепляет позиции этой политологии, как и позиции буржуазной идеологии в целом, но интенсивно размывает почву, на которой она произрастает, оттесняет ее с последних рубежей, еще более углубляет ее кризис. Как отмечал В. Е. Чиркин, «хотя бихевиоризм использует некоторые новые методы исследования, связанные с научно-технической революцией, в своей основе он механически соединяет два старых подхода: натурализм и позитивизм. От натурализма бихевиоризм воспринял понятие образцов поведения, понизив их значение до чисто количественных, математических оценок, игнорируя качественную сторону. От позитивизма им были взяты статистические связи и антидиалектичность подхода».⁸⁶

2. В послевоенный период быстрыми темпами идет процесс глобализации американской буржуазной политической науки, резко расширяются ее международные рамки, что обусловлено гегемонистскими устремлениями монополистического капитала США, его неумным желанием подчинить своему влиянию все страны мира. Американская буржуазная политология все глубже проникает не только на европейский континент, решительно оттесняя там на второй план традиционную государственно-правовую науку, но и в латиноамериканские, азиатские и африканские страны. По примеру Американской ассоциации политической науки в этих странах создаются свои национальные ассоциации политической науки. Хотя некоторые национальные ассоциации политической науки возникли еще в довоенный период (например, в Канаде, Финляндии и Индии), большая часть их была учреждена лишь после второй мировой войны (в Бельгии, Голландии, Дании, ФРГ, Швейцарии, Великобритании, Аргентине, Филиппинах и т. д.).

Процесс глобализации американской буржуазной политологии был значительно ускорен Международной ассоциацией политической науки (МАПН), созданной в 1949 г. по решению ЮНЕСКО. Длительное время (во всяком случае, до 1961 г., когда членом МАПН стала Советская ассоциация политических наук) господствующее положение в этой ассоциации занимали именно американские буржуазные политологи, диктовавшие и общую стратегию, и теоретическую проблематику ее

⁸⁶ Чиркин В. Е. Научно-техническая революция и буржуазная политическая наука. С. 116.

международным конгрессам, созываемым раз в три года. После 1961 г. ситуация в МАПН существенно изменилась, однако не настолько, чтобы можно было говорить об утрате американскими буржуазными политологами своих позиций. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что из 14 исследовательских комитетов МАПН, существовавших на конец 70-х годов, 9 секретариатов этих комитетов или председателей комитетов находятся в США.⁸⁷

Немалую роль в глобализации американской буржуазной политологии играют различного рода благотворительные фонды, а также программы международного культурного и научного обмена. Как известно, благотворительные фонды США располагают весьма большими финансовыми возможностями. Так, 44 фонда, контролируемые Рокфеллерами, Фордами, Дюпонами и Меллонами, на конец 1969 г. имели активы в размере 4,8 млрд долл., что составило почти 90% совокупного состояния этих групп финансовой олигархии.⁸⁸ Значительная часть денежных средств этих фондов предоставляется в распоряжение американских политологов. Например, только в 1951—1960 гг. Фонд Форда сделал 35 взносов общей суммой 717 тыс. долл., на исследование вопросов, касающихся деятельности конгресса.⁸⁹ А за период с 1959 по 1964 г. три фонда (Рокфеллера, Форда и Карнеги) на нужды Американской политической науки выделили свыше 100 млн долл.⁹⁰

Из года в год расширяются затраты благотворительных фондов на международную деятельность, на различного рода «программы международного развития». Как свидетельствует С. В. Воронин, за период с 1962 по 1971 г. эти затраты увеличились в 2 раза и составили 105,8 млн долл., что представляет 14% всех ассигнований благотворительных учреждений.⁹¹ Строго целевой характер затрат, финансируемых благотворительными фондами, не вызывает сомнений. Они рассчитаны прежде всего на активизацию деятельности политологов США в развивающихся странах (посылку туда специалистов, организацию учебно-научных центров и проведение различного рода политологических исследований, обучение иностранных студентов и стажеров, комплектование библиотек и т. д.). «Американские благотворительные фонды, — отмечал Генеральный секретарь

⁸⁷ См.: Трент Дж. Политическая наука вне политических границ: Международное и институциональное развитие политической науки // Политические отношения: прогнозирование и планирование: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1977. М., 1979. С. 104.

⁸⁸ См.: Воронин С. В. «Благотворительные» фонды США (мифы и действительность). Л., 1973. С. 71.

⁸⁹ См.: Kiger I. American Learned Societies, Washington, 1963. P. 164.

⁹⁰ См.: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 168—169.

⁹¹ Воронин С. В. «Благотворительные» фонды США (мифы и действительность). С. 166.

МАПН Джон Трент, — не только финансируют значительные „международные“ исследования (которые, как правило, планируются и выполняются в США), но и посылают чрезвычайных полномочных послов американской политической науки в „третий мир”». ⁹²

Что касается программ международного культурного и научного обмена, то наиболее крупной из них является Программа Фулбрайта, принятая в 1946 г. За 40 с лишним лет общее количество стран, принимавших участие в этой Программе, возросло до 120, а численность специалистов, воспользовавшихся ею, составило более 155 тыс. человек (в том числе 101 тыс. иностранцев), среди которых немало политологов. Ежегодные ассигнования на реализацию Программы Фулбрайта приближаются к 100 млн долл. В 1986 г., например, они составили 94 млн долл. Ежегодно по данной Программе выделяется примерно 4,5 тыс. стипендий. В числе ежегодных стипендиатов более 700 иностранных ученых и 1700 иностранных студентов, приезжающих в США для чтения лекций и проведения научно-исследовательских работ, и примерно 500 американских ученых и 300 американских студентов, выезжающих в зарубежные страны. ⁹³

С 1978 г. руководство Программой Фулбрайта находится в ведении Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА), которое имеет 214 своих бюро в 129 странах и численный персонал которого превышает 9,5 тыс. человек. Рассмотрение просьб и отбор кандидатов, желающих воспользоваться Программой Фулбрайта, осуществляется специальным Советом по иностранным стипендиям, члены которого назначаются президентом США. Процедура, критерии отбора и общая политика в области реализации Программы Фулбрайта разрабатываются также указанным Советом. В 1977 г. в Филадельфии была учреждена Ассоциация участников Программы Фулбрайта, которая имеет свои отделения в ряде регионов страны и проявляет большую активность в ее реализации. ⁹⁴

Опираясь на благотворительные фонды и используя различного рода программы культурного и научного сотрудничества, американская буржуазная политология не только усиленно эк-

⁹² Трент Дж. Политическая наука вне политических границ: Международное и институциональное развитие политической науки. С. 104.

⁹³ В беседе с автором этих строк, состоявшейся в январе 1987 г. в Вашингтоне, Дж. Фулбрайт сетовал (и, надо сказать, не без оснований) на то, что его Программой пока мало пользуются (в силу сложных отношений между США и СССР) ученые, и в особенности студенты из Советского Союза.

⁹⁴ См.: U. S. Information Agency. Fact Sheet. Washington, July 1986. P. 6. — В октябре 1986 г. в Чикаго и Де Калбе (на базе Северо-Иллинойского университета) состоялось 9-е ежегодное заседание этой Ассоциации, посвященное 40-летию принятия Программы Фулбрайта, на которое был приглашен и автор данной книги, выступивший в дискуссии по актуальным проблемам американо-советского научного обмена.

спортирует свои идеи и кадровый персонал в другие страны (как развивающиеся, так и капиталистические), но и проводит целенаправленную работу по подготовке и переподготовке политологов-иностранцев у себя дома. Крупнейшие американские университеты (Гарвард, Йель, Принстон, Стэнфорд, Беркли, Дьюк), Массачусетский технологический институт, специализированные научно-исследовательские институты (Мичиганский центр научных исследований, Школа современных международных проблем в университете Дж. Гопкинса, Стэнфордский центр перспективных исследований) представляют собой научные центры, объединяющие ученых разных стран. Они служат базой для международного развития американской политологии. Сравнительными политическими исследованиями в них занимаются ученые многих стран мира. Зарубежные политологи публикуют в США свои работы, участвуют в работе различного рода формальных и неформальных организаций.⁹⁵

Весьма характерным в данном отношении является Чикагский университет, основанный в 1892 г. и по праву считающийся одним из самых престижных в США. Его общие операционные расходы в 1984/85 учебном году составляли 499,9 млн долл., а общая сумма вклада в бюджет страны на 31 марта 1985 г. была равна примерно 600 млн долл.⁹⁶ На начало 1986/87 учебного года в Чикагском университете насчитывалось 1244 преподавателя (большая часть которых имеет степень доктора философии или эквивалентную ему степень) и свыше 9 тыс. студентов и аспирантов, представляющих не только все штаты современной Америки, но и многие зарубежные страны. Немало студентов-иностранцев обучается на гуманитарных отделениях Чикагского университета (политической науки, философии, международных отношений и т. д.). В Комитете международных отношений, например, где в разное время работали такие видные американские политологи, как К. Райт, Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл и Г. Моргентау, они составляют не менее 17% всех обучающихся студентов. С учетом студентов-иностранцев составляются учебные планы этого Комитета, а также строится весь учебно-педагогический процесс, в котором принимают участие политологи-преподаватели, имеющие большой опыт профессиональной работы в зарубежных (и прежде всего развивающихся) странах.

Процесс глобализации американской буржуазной политологии наталкивается, однако, на серьезные препятствия как идеологического, так и практически-политического характера. Прежде всего этому процессу активно противостоят рост и авторитет марксистской политической науки. Еще до создания Советской

⁹⁵ См.: Трент Дж. Политическая наука вне политических границ: Международное и институциональное развитие политической науки. С. 104.

⁹⁶ См.: The University of Chicago. An Introduction. Chicago (Ill.), 1985. P. 1.

ассоциаций политических наук представители марксистской политической науки принимали деятельное участие в работе МАПН, начиная с ее III Международного конгресса, состоявшегося в 1955 г. в Стокгольме (Швеция). С 1961 г. представитель САПН регулярно избирается в состав Исполкома МАПН, а с 1967 г. он занимает пост вице-президента МАПН.⁹⁷ В состав Исполкома МАПН входят также представители других социалистических стран. Если, например, в 1949 г. в составе Исполкома МАПН был лишь один представитель социалистической страны, то в период с 1949 по 1977 г. их стало уже 14 человек. Соответственно если в 1957 г. в составе Совета МАПН было всего два представителя социалистической страны, то в период с 1952 по 1976 г. общее их количество возросло до 67 человек.⁹⁸ Все более расширяется участие представителей марксистской политической науки в работе различного рода «круглых столов», семинаров, исследовательских и иных профессиональных групп, организованных МАПН или проведенных по ее инициативе. Так, только в 1953—1977 гг. в заседаниях «круглых столов» МАПН участвовало 197 ученых из социалистических стран.⁹⁹

Представители марксистской политической науки не только входят во всевозможные организации МАПН, но и существенно влияют на ее работу в целом. По их инициативе, в частности, в повестку дня VIII Международного конгресса (Мюнхен, 1970 г.) была включена тема «В. И. Ленин как политический мыслитель. К 100-летию со дня рождения», привлекавшая большое внимание участников конгресса. Еще более убедительным в данном отношении был XI Всемирный конгресс МАПН (Москва, 1979 г.), специальное заседание которого также было посвящено теме «Ленин как политический мыслитель». С докладом на нем выступили академик Ф. В. Константинов, член-корреспондент АН СССР Т. Т. Тимофеев, профессора Ги Бесс (Франция), Х. Л. Сваруп (Индия), В. В. Загладин (СССР), Нгуен Нгок Минь (СРВ), Я. Голембиовский (ПНР), Х. Ким (США), Н. Ндзимино (Нигерия) и др. Всего по данной теме было представлено более 40 докладов и сообщений ученых разных стран. Во всех докладах было убедительно показано, что современную международную политику, радикальные политические изменения, происходящие в мире, нельзя понять, а тем более объяснить без всестороннего учета вклада В. И. Ленина в теорию и практику политики. Доклады и сообщения, заслушанные на данном заседании, вновь убедительно продемонстри-

⁹⁷ См.: Туманов В. А. Международная ассоциация политической науки // Международные отношения, политика и личность: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1975. М., 1976. С. 149.

⁹⁸ См.: Трент Дж. Политическая наука вне политических границ: Международное и институциональное развитие политической науки. С. 110.

⁹⁹ Там же. С. 112.

ровали, что учение и революционная деятельность В. И. Ленина оказали и продолжают оказывать глубочайшее влияние на общественно-политическое развитие всего человечества. Аналогичная тема была одной из центральных также на заседании исследовательской группы «Марксистская политическая мысль — Ленин как политический мыслитель» XII Всемирного конгресса МАПН (Рио-де-Жанейро, 1982 г.).¹⁰⁰

Все более активно процессу глобализации американской буржуазной политической науки противостоят также политологи развивающихся стран, которые справедливо усматривают в этом процессе элементы идеологического неокOLONиализма. Как отмечал на XI Всемирном конгрессе МАПН бразильский политолог Б. Ламуньер, процесс интернационализации политической науки является объективно необходимым и полезным. Однако под ним не следует понимать отказ от изучения проблем собственного общества и поиска их решений. По его словам, становление самостоятельной политической науки в Бразилии должно идти не путем копирования иностранных образцов, а с учетом развития национального самосознания и демократических институтов, которые со временем придут на смену диктаторским формам правления.¹⁰¹ Об этом же говорилось в докладе, оглашенном на XI Всемирном конгрессе, марокканского политолога М. Бузиди, акцентировавшем внимание на необходимости выработки собственных позиций в африканской политической науке, развитие которой сдерживается преобладающим влиянием американской политологии.¹⁰²

Растущей тенденцией сохранения и утверждения национальных особенностей политической науки в развивающихся странах характеризовалась работа XII Всемирного конгресса МАПН. «Эта тенденция, — подчеркивает В. В. Мшвениерадзе, — сопровождалась усилением настроений антиамериканизма»,¹⁰³ связанных прежде всего с обсуждением авантюристической внешней и реакционной внутренней политики США. Указанная тенденция отражает сегодняшнюю реальность стран «третьего мира». Она является одной из форм проявления национального самосознания, обусловленного многоплановым процессом национальной консолидации. Вследствие деятельности данной тенденции происходят большие изменения в области политического знания, идет быстрое формирование собственных политиче-

¹⁰⁰ Мшвениерадзе В. В. Буржуазная политология и современная политическая реальность // Политическая наука и политическая практика: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1982—1983. М., 1984. С. 16.

¹⁰¹ См.: Кулистиков В. М. Накопление политических знаний с 1949 г. // Проблемы политических наук: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1979. М., 1980. С. 97.

¹⁰² Там же. С. 117.

¹⁰³ Мшвениерадзе В. В. Буржуазная политология и современная политическая реальность. С. 15.

ских школ и направлений, «стремящихся к освобождению от „академического духовного колониализма“, влияния западно-европейской и американской буржуазной политической мысли, к усилению сотрудничества между собой».¹⁰⁴

И наконец, процесс глобализации американской буржуазной политической науки не всегда находит поддержку у самих политологов капиталистических стран. В ряде случаев он даже сопровождается весьма резкой критикой в адрес американской буржуазной политологии. Свидетельством тому был X Всемирный конгресс МАПН, проходивший в 1976 г. в Эдинбурге (Шотландия), доклад одного из канадских политологов на котором так и назывался — «Колонизация и демократизация в социальных науках».¹⁰⁵ Свидетельством тому являются и последующие конгрессы МАПН, на которых позиции разных школ современной буржуазной политологии были выражены не менее четко.¹⁰⁶ Протест против засилия американской буржуазной политической науки, выражаемый политологами капиталистических стран, обусловлен рядом обстоятельств: специфическими традициями в развитии политической мысли неамериканских (в особенности европейских) стран; своеобразием политических задач, стоящих перед ними; структурными и функциональными особенностями политической системы общества; профессиональными и общественно-политическими установками самих политологов и т. д. По мнению Дж. Трента, в его основе лежит полицентризм, принимающий различные формы: финансирование, региональное сотрудничество и субдисциплинарные контакты.¹⁰⁷ Отдавая должное полицентризму как объективному фактору в развитии современной политической науки и призывая к устранению преград «на пути сбалансированной и глобальной интернационализации» ее, Дж. Трент вынужден констатировать, что «сама предметная сфера политической науки, затрагивающая вопросы национальной безопасности и философских основ общества, является ощутимым препятствием в этом процессе».¹⁰⁸

3. Послевоенный период в развитии американской буржуазной политологии характеризуется также резким усилением ее антикоммунистической направленности. Это усиление обуслов-

¹⁰⁴ Павлов Ю. М. Развитие политической мысли в освободившихся государствах: проблемы и тенденции // Развивающиеся страны в мировой политике: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1986. М., 1987. С. 195.

¹⁰⁵ Шахназаров Г. Политика сквозь призму науки // Коммунист. 1976. № 17. С. 109.

¹⁰⁶ См., напр.: Красин Ю. А. Ответственность ученых-политологов. (К итогам XIII Всемирного конгресса МАПН) // Развивающиеся страны в политическом мире. С. 243.

¹⁰⁷ Трент Дж. Политическая наука вне политических границ: Международное и институциональное развитие политической науки. С. 105.

¹⁰⁸ Там же. С. 109.

лено рядом обстоятельств, и прежде всего содержанием той внутренней и внешней политики, которую монополистическая буржуазия США настойчиво проводит после второй мировой войны. Антикоммунистические тенденции нашли свое наиболее четкое выражение в американской буржуазной политологии в условиях «холодной войны», которая пришла на смену «войне горячей». Именно тогда представители политических кругов США сделали вывод, что конструктивное продолжение союзнических отношений с СССР противоречит их долгосрочным социально-политическим интересам. Именно тогда антикоммунизм стал выступать как своего рода идеологическая надстройка над «холодной войной», как ее идейно-политическое оформление. Именно тогда он начал оказывать определяющее влияние на все сферы государственной политики американского империализма как внутри страны, так и на международной арене.¹⁰⁹

В условиях «холодной войны» антикоммунизм пронизывает, по существу, все сферы американской буржуазной политологии: теоретическую, учебно-педагогическую и пропагандистскую. В теоретическом плане наблюдается прежде всего рост технократических концепций, ставших особенно влиятельными в 50—60-е годы и имевших своей целью обосновать преимущества капитализма перед социализмом в овладении достижениями научно-технической революции. Речь идет о таких концепциях, как «стадии экономического роста», «единое индустриальное общество», «деидеологизация», «революция управляющих», «социальное партнерство» и т. д. Опираясь на методологию технократического детерминизма, авторы указанных концепций пытались доказать, что: 1) капитализм под воздействием научно-технической революции подвергся глубоким структурным изменениям, которые превратили его в принципиально новое общество, получившее название индустриального; 2) индустриальное общество все более превращается в общество постиндустриальное (сверхиндустриальное, технотронное и т. п.), которое является антитезой коммунистического общества и которое должно принести невиданное материальное благополучие и освобождение человека практически от любого труда; 3) реальный социализм, хотя и имеет определенные научно-технические достижения, тем не менее выступает не как подлинный социализм, а как некий суррогат, разновидность государственного капитализма с «новой иерархией классового господства».¹¹⁰ Лейтмотивом технократических концепций того времени стал под-

¹⁰⁹ См.: Сковорцов Л. В. Современный антикоммунизм: Идеино-политическая сущность и эволюция в послевоенный период // Вопросы философии. 1984. № 12. С. 84—85.

¹¹⁰ См.: Попов С. И. Буржуазный «неоконсерватизм» как идеологическое и политическое явление // Социологические исследования. 1983. № 4. С. 158—159.

заголовок книги У. Ростоу «Стадии экономического роста», претенциозно названный им «Некоммунистический манифест». В этой книге У. Ростоу диалектико-материалистическому методу Маркса противопоставляет «технократический детерминизм», теории социальной революции — концепцию эволюционного развития, революционному выводу о неизбежности перехода от капитализма к социализму — буржуазно-апологетический тезис «вечности» капитализма.¹¹¹

Широкое распространение получают также концепции, делающие ставку на фактор силы в международных отношениях. «В течение двух десятилетий после 1945 г., — пишет Г. Киссинджер, — наша деятельность на международной арене зиждилась на предпосылке, что научно-технический потенциал плюс умение управлять дают нам возможность перекроить международную систему и осуществить внутреннюю трансформацию новых стран».¹¹² Особенно усердствовали в данном отношении представители школы прагматизма и политического реализма (Г. Моргентау, Г. Лассуэлл, Р. Страус-Хюпе, З. Бжезинский, С. Хантингтон и др.). Придавая силе самодовлеющее значение, отрывая ее от экономических и социально-классовых условий существования общества, конструируя различного рода искусственные модели внешней политики («политика статус-кво», «политика империализма» и «политика престижа»), они не только в искаженном свете представляли поведение государств, принадеждающих к противоположным социально-экономическим системам, но и всячески оправдывали развязанную империалистической буржуазией США безудержную гонку вооружений. Сказанное относится прежде всего к тем ее представителям, для которых характерен воинствующий антикоммунизм и явно выраженный милитаризм (например, З. Бжезинский и Р. Страус-Хюпе).

Теоретическим выражением идей данной школы явились концепции «равновесия страха», «балансирования на грани войны», «сдерживания», «массированного возмездия» и др. Основывая характер подобного рода концепций, Г. Моргентау отмечал: «Государственные деятели и народы могут в конечном счете добиваться свободы, безопасности, процветания или самой власти. Они могут определять свои цели в виде религиозных, философских, экономических или социальных идеалов... Но когда бы они ни стремились к осуществлению своих целей с помощью внешней политики, они всегда делают это, борясь за силу... В мировой политике в особенности вооружения сила

¹¹¹ См.: Деменченко Э. В. Современная технократическая идеология в США. М., 1984. С. 50.

¹¹² Цит. по: Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики. М., 1976. С. 202.

как угроза или потенция является наиболее важным материальным фактором, образующим политическую силу государства... борьба за силу универсальна во времени и пространстве». ¹¹³ Практическим выражением идей школы «прагматизма и политического реализма» явилась пресловутая «политика с позиции силы», проводимая империалистическими кругами США в различных районах земного шара и послужившая основанием для справедливой оценки этой школы как «философии политического насилия».

И наконец, особое значение в период «холодной войны» придается концепциям, в откровенно антикоммунистическом духе истолковывающим характер политического и общественного строя в СССР: сущность и содержание социалистической демократии; принципы организации и деятельности советской политической системы; место и роль в ней государства и общественных организаций; политический и правовой статус личности; правовые основы осуществления политической власти и т. д. ¹¹⁴ При этом основные усилия американских буржуазных политологов были направлены на дискредитацию руководящей роли коммунистических и рабочих партий в политической системе социализма. Объявлялось, в частности, что ленинское учение о партии «не соответствует взглядам Маркса и Энгельса», ¹¹⁵ что оно представляет собой «радикальный разрыв с историческим материализмом». ¹¹⁶ В качестве главного довода приводился тезис об однопартийном характере советской политической системы, хотя уже тогда было очевидно, что наличие одной партии в нашей стране — это не всеобщая закономерность развития политической системы социализма, а его специфика, обусловленная историческими условиями, возникшими после Октябрьской революции.

Как известно, в декабре 1917 г. первый Совет Народных Комиссаров состоял из 11 большевиков и 7 левых эсеров. Однако летом 1918 г. левые эсеры подняли вооруженный мятеж против Советского правительства, исключив тем самым возможность какого-либо сотрудничества с новой властью. Что касается остальных политических партий (меньшевиков, бундовцев, анархистов и т. д.), то они после многократных расколов распались, их лучшие элементы вступили в партию большевиков, другие вообще отошли от политической деятельности, некоторые перешли в лагерь контрреволюции. Условия гражданской войны, развязанной внутренней контрреволюцией, оже-

¹¹³ Цит. по: Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970. С. 45—46.

¹¹⁴ См.: Перфильев М. Н. Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., 1968.

¹¹⁵ См.: Almond G. e. a. The Appeals of Communism. Princeton, 1954. P. 9.

¹¹⁶ См.: Daniels R. The Nature of Communism. New York, 1962. P. 71.

сточеннейшее сопротивление буржуазии и ее нежелание признать новую власть, провал политических и идейных установок буржуазных партий, дискредитация и саморазоблачение этих партий — все это привело к тому, что буржуазные партии не выдержали исторического испытания в огне революционной борьбы, развалились и оказались сметенными с политической арены.

Под антикоммунистическим углом зрения в условиях «холодной войны» идет перестройка учебно-педагогического процесса в американской буржуазной политологии. В университетах, институтах и колледжах вводятся специальные курсы по теории и практике коммунизма. Такого рода курсы к середине 60-х годов читались более чем в 400 учебных заведениях США.¹¹⁷ В большом количестве выпускается учебная литература, и прежде всего пособия, рассчитанные на широкую студенческую аудиторию. Эта литература подразделяется в зависимости от характера аудитории: одна часть предназначается для студентов всех гуманитарных вузов, слушающих лекции по «общим проблемам коммунизма», другая часть — для студентов и аспирантов, специализирующихся по СССР и социалистическим странам. Вся программа строится на противопоставлении американского образа жизни, выдаваемого за уникальный пример демократии, «тоталитарным порядкам», якобы господствующим в социалистических странах. Из курса политологии, пишет П. А. Николаев, студент узнает, в частности, что «все расхождения и конфликты, возникающие в процессе формирования и осуществления политического курса США, мирно улаживаются в отличие от постоянного террора, будто бы имманентно присущего социалистическому обществу».¹¹⁸

Преподавание политики (разумеется, с антикоммунистическим акцентом) ведется не только для студентов, специализирующихся в данной области знания, но и для студентов других специальностей. Работа по преподаванию политических идей в вузах страны координируется Национальным центром политического образования, в который входят представители более 500 университетов и колледжей США.¹¹⁹ Антикоммунизм в преподавании американской политологии сопровождается гонением на трезвомыслящих ученых. Характеризуя положение, сложившееся в научном мире США в 50-х годах, американский профессор-юрист З. Чефи отмечал: «То, что началось несколько лет назад ввиду атаки против нескольких ученых-коммуни-

¹¹⁷ См.: Марченко М. Н. Проблемы критики буржуазной «советологии» // Политико-правовые доктрины современного империализма. С. 31.

¹¹⁸ Николаев П. А. Зловещий альянс: Советология на службе психологической войны. Л., 1980. С. 111.

¹¹⁹ См.: Дмитриев А. В., Ширяев Б. А. Преподавание «политической науки» в США // США — экономика, политика, идеология. 1972. № 2. С. 123.

стов, давно уже превратилось в атаку против огромного количества ученых, не являющихся коммунистами, но подозреваемых в том, что они придерживаются взглядов, приходящихся не по вкусу ряду влиятельных граждан».¹²⁰

Особое внимание преподаванию в антикоммунистическом духе идей американской буржуазной политологии уделяется в школах. Именно в 50—60-е годы в США принимается ряд законов, призванных усовершенствовать работу в данной области. Сначала принимается закон о введении в американских школах обязательного курса по изучению коммунизма. Затем на его основе представительные органы отдельных штатов один за другим принимают законы о разработке и внедрении в учебный процесс программ, до предела насыщенных антикоммунистическим, антисоветским содержанием.¹²¹ Как отмечают сами буржуазные социологи, примерно 42% времени учебных программ в 9—12 классах школ США посвящалось политической подготовке учащихся.¹²² О том, что собой представляли эти программы, можно судить по учебникам, которыми они оснащались. Давая оценку учебной литературе того времени, американский журнал «Школьное обозрение» писал: «Основная слабость учебников — это извращение советской внешней политики и категорическое возложение на плечи одних русских всей ответственности за холодную войну... Индивидуальное и совокупное воздействие таких точек зрения... приводит к извращенному представлению о советской дипломатии и отношениях между глобальными гигантами после 1945 года».¹²³

Система политико-идеологического обучения учащихся наряду с обязательными школьными занятиями включала в себя и другие мероприятия, в том числе проведение еженедельных радиопередач под названием «Вы и ваше правительство», проведение ежегодных конференций с участием школьных преподавателей и политологов и т. д.¹²⁴ Важная роль в политическом обучении отводилась фильмам. Так, Исследовательский институт по коммунистической стратегии и пропаганде при Южно-Калифорнийском университете совместно с голливудскими киностудиями создал в 1962 г. серию из 39 сфальсифицированных «документальных» фильмов о коммунизме. Эти фильмы, разбитые на семь разделов («Предпосылки и идеология», «Советская система», «Жизнь в СССР», «Коммунизм в Китае», «Восточная Европа под властью коммунизма», «Внешняя политика Москвы

¹²⁰ The Atlantic. January 1955. P. 29.

¹²¹ См.: Николаев П. А. Зловещий альянс: Советология на службе психологической войны. С. 109.

¹²² Kerreby G., Strachy B. Political Education in the USA and the USSR // Comparative Educational Review. June 1963.

¹²³ The School Review. Winter 1962. P. 428—431.

¹²⁴ См.: Дмитриев А. В., Ширяев Б. А. Преподавание «политической науки» в США. С. 123.

и Пекина», «Коммунизм в Америке»), в течение 39 недель транслировались четырьмя главными телестанциями «Коламбия бродкастинг систем» по всей Америке, а также по 32 зарубежным станциям.¹²⁵ Неменьшую роль в антикоммунистической обработке американских школьников играли малоформатные (карманного размера) книги и брошюры, именуемые «Ридерс Дайджест» и написанные разного рода «специалистами» по Советскому Союзу. Основная цель подобного обучения состояла в том, чтобы уже с раннего возраста приучить американских детей мыслить и оценивать все происходящее в антикоммунистическом духе, оградить их от правдивой информации о мире в целом и одновременно внушить представление о величии и непогрешимости Америки как таковой.

В условиях «холодной войны» активизируется также пропагандистская деятельность американских буржуазных политологов. Она строится на так называемой теоретической основе, разрабатываемой ведущими буржуазными теоретиками (У. Липпманом, Г. Лассуэллом, М. Чукасом, Дж. Клэннером, М. Макклюэном, Ж. Эллюлем и др.). Среди множества концепций, на которые опираются представители американской буржуазной политологии в осуществлении своей пропагандистской деятельности, следует указать концепции «массового поведения», «авторитарного человека», «социоинженерии», «лидера мнений», «многоступенчатого потока информации» и др. Общим моментом этих и многих других концепций пропаганды является стремление доказать тезис об универсальной роли пропаганды в историческом процессе.

Американская буржуазная политология все более заземляется на обыденное сознание так называемого среднего гражданина, приспосабливается к особенностям социально-психологической структуры его личности. Сложные философские и социологические категории «переводятся» в ней на упрощенный язык, доступный массовой аудитории. Эта политология все более дифференцируется не только по источникам подачи пропагандистской информации (свидетельством чему является «белая», «серая» и «черная» пропаганда), но и по объекту своего воздействия. Она ориентируется как на различные социальные группы внутри страны, так и на различные страны мира в целом.

Особое место в пропагандистской деятельности американских буржуазных политологов занимают приемы и методы психологической войны. «Психологическая война — война слов, борьба за умы людей — вот методы современности и будущего», — писал в конце 50-х годов американский исследователь Дж. Мартин.¹²⁶ Как известно, термин «психологическая война»

¹²⁵ См.: Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. С. 157.

¹²⁶ Martin J. *International Propaganda*. Minneapolis, 1958. P. 57.

был позаимствован у гитлеровцев и в США вошел в обиход в начале второй мировой войны. Затем он был легализован в качестве основного орудия американской политики мирного времени. В официальном американском словаре армейских терминов, выпущенном в 1953 г., сказано: «Психологическая война — это планомерное использование нацией или группой наций пропагандистских или соответствующих информационных мер, направленных на вражеские, нейтральные или дружеские группы с тем, чтобы повлиять на точки зрения, эмоции, позиции и поведение в интересах поддержки политики и целей данной нации или группы наций».¹²⁷ Именно в психологической войне особенно явно и полно воплотились наиболее реакционные черты американской политологической пропаганды, сделавшие ее не столько инструментом убеждения людей, сколько орудием политико-идеологической интервенции, вмешательства во внутренние дела Советского Союза и других социалистических стран.

С целью активного ведения психологической войны в США в послевоенные годы создаются новые и совершенствуются старые пропагандистские органы. В 1950 г., например, создается Управление психологической стратегии при государственном секретаре США, которое в 1951 г. было заменено Управлением по вопросам психологической войны, подчиненным уже непосредственно Совету по национальной безопасности США; в 1953 г. в соответствии с рекомендациями Комиссии Джексона это Управление было переименовано в Управление по координации операций. В 1949 г. учреждается «Комитет Свободной Европы», специализирующийся в области пропаганды и подрывной деятельности против европейских социалистических стран. В 1953 г. конституируется главный орган официального аппарата внешнеполитической пропаганды — Информационное агентство США (ЮСИА) с таким мощным радиорупором, как «Голос Америки». И, наконец, в 1951 г. возникает еще одна организация антисоветского типа — Американский комитет освобождения от большевизма, специально нацеленный на подрывную деятельность против народов Советского Союза, под эгидой которого действует «Радио Свобода». Во всех названных, а также многих других внешнеполитических пропагандистских организациях американские буржуазные политологи принимали самое деятельное участие.

Антикоммунистические страсти в американской буржуазной политологии отнюдь не улеглись в период разрядки, которая началась на рубеже 60 — 70-х годов. Они лишь приобрели новую, наиболее утонченную форму. Свидетельством тому является политика «наведения мостов», вдохновителем которой вы-

¹²⁷ Department of the Army. Dictionary of U. S. Army Terms. November 1953.

ступил тогдашний президент США Р. Никсон. Суть этой политики состоит в том, что она делает ставку, с одной стороны, на постепенную трансформацию (или эрозию) социалистического строя, которая бы сделала его более «приемлемым» и менее опасным соседом капитализма на нашей планете, а с другой — на разобщение социалистических стран, на разделение их по национальному, региональному, культурологическому, религиозному и прочему признаку, на ослабление и в конечном итоге распад мировой системы социализма.

Политика «наведения мостов» — это своего рода признание буржуазными идеологами мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами, хотя и с существенными оговорками, которые разделили американских политологов того времени на три основные группы.¹²⁸ Одна группа была представлена крайне правыми политологами типа Р. Пайпса и Ю. Росту, выдвинувшими термин «истинное сосуществование», согласно которому Советский Союз должен «платить дань» за ослабление международной напряженности, в частности внести изменения в общественные порядки и устои социализма.¹²⁹ Другая группа политологов (А. Улам, Ф. Колер, Дж. Шлессинджер, Л. Бентсен, П. Нитце и др.), признавая необходимость налаживания взаимовыгодных связей с Советским Союзом, доказывала, что советская теория мирного сосуществования не является мирной,¹³⁰ что внешней политике СССР присуще стремление «к напряженности»¹³¹ и т. д. Эта группа также в конечном итоге требовала определенных уступок от Советского Союза в качестве платы за разрядку международной напряженности. И наконец, третья группа (Дж. Кеннан, М. Шульман и А. Гарриман), занимая более реалистическую позицию в отношении Советского Союза, отстаивала концепцию «соревновательного сосуществования», суть которой состоит в том, что интересы СССР и США не должны доходить до конфликта в связи с угрозой ядерной катастрофы.¹³² Близко к данной группе примыкали и те американские политологи (например, С. Шрайвер), которые придерживались концепции «совместного сосуществования». «Совместное сосуществование означает, — писал С. Шрайвер, — что сосуществования самого по себе недостаточно, что, хотя и сохраняется соперничество в определенных сферах, тем не менее имеют место неизбежные и усиливающиеся императивы сотрудничества...»¹³³

Своеобразным отражением политики «наведения мостов» в

¹²⁸ См.: Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985. С. 224—226.

¹²⁹ См.: Survey. 1974. N 2—3. P. 4.

¹³⁰ См.: Détente. Hearings... House of Representatives. 1974. P. 69.

¹³¹ См.: Détente. Hearings... U. S. Senate. 1974. P. 112.

¹³² См.: Ibid. 1975. P. 103.

¹³³ Congressional Digest. October 1975. P. 248.

американской буржуазной политологии явились теории конвергенции (в том числе так называемой «культурной конвергенции») и реидеологизации, с обоснованием которых выступили такие ее представители, как З. Бжезинский, С. Хантингтон, Л. Бенсон, С. Липсет, Д. Белл и др. Обосновывая, например, тезис о «культурной конвергенции», Л. Бенсон писал, что любые идеологии, особенно те, которые оказывают серьезное влияние на жизнь общества, имеют сходные основы и сходные конечные цели. Отсюда и возникает возможность их синтеза. Хотя идеологии в современном мире, подчеркивал он, «действуют под различными названиями и часто независимы друг от друга, наиболее значительные из нынешних идеологий содержат одинаковые положения, касающиеся природы современных социальных изменений и методов их использования».¹³⁴ Считая США наиболее развитой и могущественной страной современного мира, решения которой в области политики и экономики «превосходят все другие альтернативные решения», Л. Бенсон и «культурную конвергенцию» мыслил на основе распространения и утверждения в мире принципов и ценностей американской буржуазной идеологии. Он утверждал, в частности, что такие ее качества, как сила и достоинство, должны быть «правильно вплетены в общее развитие человеческой культуры». Благодаря этим качествам американская идеология, по его мнению, становится «миссионерским товаром», средством продвижения «национальной» мощи в новые районы».¹³⁵

В свою очередь, обращаясь к теории реидеологизации, американские буржуазные политологи рассчитывали вдохнуть новую жизнь в данную область общественного знания, повысить значимость выполняемых ею функций. Об этом недвусмысленно сказано в книге профессора политической философии Йельского университета США Дж. Ранкла, опубликованной в 1968 г. под названием «История западной политической теории». Назначение буржуазной политологии, подчеркивается в ней, состоит в том, чтобы отстаивать и превозносить капиталистический строй, противопоставлять его всем видам социализма и тем более коммунизму Маркса.¹³⁶ Отсюда и положения политической теории, отмечал Дж. Ранкл в другой работе, должны носить не «описательный», а «предписывающий» характер. Они должны указывать людям, «какое общество им следует предпочесть», «какую форму правления избрать» и «каких целей придерживаться в таком обществе».¹³⁷ Аналогичные идеи раз-

¹³⁴ Цит. по: Яковлев А. Н. От Трумэна до Рейгана: Доктрины и реальности ядерного века. С. 263.

¹³⁵ Там же. С. 263—266.

¹³⁶ Runkle J. A History of Western Political Theory. New York, 1968. P. VI, VII, 561—585.

¹³⁷ The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1970. May. P. 131.

вивал и С. Липсет, утверждая, что версию о «закате идеологии», которую, кстати, он сам активно поддерживал в прошлом, не следует понимать в том смысле, что исчезнут системы политических концепций, утопическое мышление и классовые конфликты.¹³⁸ С Дж. Ранклом и С. Липсетом солидаризировался также известный американский политолог Д. Белл, призывавший обществоведов к тому, чтобы «вновь обрести утраченное чувство трансцендентного», т. е. найти пути к такому мировоззрению, которое раскрыло бы неистраченный потенциал духа, обладало бы массовой привлекательностью как средство духовной интеграции населения.¹³⁹

Новым всплеском антикоммунизма в американской буржуазной политологии ознаменовались 80-е годы. Не случайно именно в эти годы в ней все большую роль начинают играть неоконсерваторы, задающие тон как практической, так и теоретической политике. Своеобразие неоконсервативной политологии названного периода, пишет венгерский политолог А. Киш, состоит в том, что она непосредственно «адресуется к политикам-практикам, экономистам и массам, интересующимся вопросами политики. Оказывая влияние на настроение широких масс, консервативная политология стремится привлечь к себе и интеллигенцию».¹⁴⁰ Распространение неоконсервативной волны в американской буржуазной политологии сопровождается «развертыванием беспримерной, напоминающей только методы гитлеровского фашизма, политической и идейной клеветнической кампании, направленной на дискредитацию образа жизни, идеологии, нравственности социализма».¹⁴¹

Особый антикоммунистический размах неоконсервативная волна приобрела в период деятельности администрации Р. Рейгана, для политической идеологии которой характерен не просто антикоммунизм, а, по свидетельству критиков этой администрации, антикоммунизм «пещерного типа». Доказательством тому служат многие факты: антисоветские кампании, развязанные в связи с событиями в Афганистане и Польше; беспрецедентная шумиха по поводу так называемого «нарушения прав человека» в Советском Союзе и других социалистических странах; навязывание народам социалистических стран различного рода моделей «демократического», «гуманного» и т. п. социализма, под прикрытием которых ведется ожесточенная борьба против реального социализма в СССР и в этих странах; широкое использование «теоретической» и практической деятельно-

¹³⁸ Lipset S. Ideology and No End // Encounter. 1972. Vol. 39. P. 17—22.

¹³⁹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. London, 1976. P. 29.

¹⁴⁰ Киш А. К критике современной «политической философии» неоконсерватизма // Философские науки. 1986. № 3. С. 119.

¹⁴¹ Там же. С. 121.

сти различного рода отщепенцев, которые рядятся в тогу «диссидентов» и т. д.

Свидетельством тому является также общий курс на анти-разрядку, которым пронизана вся политическая идеология американского империализма 80-х годов: ее важнейшие стратегические установки и доктрины, имеющие своей целью помешать активному процессу революционного преобразования политических отношений в современном мире, а в ряде случаев повернуть вспять ход истории, причем вспять по всему мировому фронту, начиная от социализма и кончая странами «третьего мира». Наиболее реакционным представителям американской буржуазной политической идеологии не нравится даже собственный капитализм, который утвердился в США якобы под влиянием разрядки. Они требуют возврата к тому капитализму, частнособственническая система которого не была стеснена вмешательством со стороны государства.¹⁴² Начало курсу анти-разрядки было положено отнюдь не Р. Рейганом и даже не его предшественником Дж. Картером. Как известно, еще Дж. Форд категорически запретил произносить само слово «разрядка». Что касается Р. Рейгана, то он, по существу, довел этот курс до своего логического завершения. Весьма откровенно об этом сказал министр обороны США К. Уайнбергер. Выступая в апреле 1981 г. в Бонне, он заявил, в частности: «Если переход от холодной войны к разрядке является прогрессом, то мы не можем позволить себе такого прогресса».¹⁴³

В первый период пребывания у власти Р. Рейгана значительно усовершенствовалась пропагандистская машина США и прежде всего расширилась сеть каналов внешнеполитической пропаганды, которыми располагает ЮСИА. Одним из вновь созданных каналов пропагандистского воздействия на международное общественное мнение. явился так называемый проект «Истина», разработанный в первые же месяцы правления администрации Р. Рейгана. В проекте «Истина» сформулированы три основных направления «контрпропагандистской» деятельности: 1) опровержение сообщений советских средств массовой информации, в которых содержится «неблагоприятное» для США освещение различных аспектов международной жизни; 2) сбор, обработка и распространение информации, освещающей «достоинства и преимущества» американской внешней и внутренней политики; 3) активное участие ЮСИА в проведении крупномасштабных пропагандистских акций.¹⁴⁴ Другим таким каналом стал проект «Демократия», содержание которого впер-

¹⁴² См.: Что с Америкой? Диалог В. И. Кобыша и Г. А. Арбатова // Новый мир. 1982. № 4. С. 198.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ См.: Алякринский О. А. Механизм идеологической деятельности США на международной арене // Общественное сознание и внешняя политика США / Под ред. Ю. А. Замошкина. М., 1987. С. 207.

вые было предано гласности в феврале 1983 г. В этот проект включены самые разные по объему и характеру программы, которые объединяет общая для всех их антикоммунистическая направленность. Важное место среди них занимает программа, рассчитанная на Советский Союз и другие социалистические страны, которая включает в себя меры по активизации действий антисоветской эмиграции на территории Соединенных Штатов, поддержке ушедших в подполье контрреволюционных деятелей профсоюза «Солидарность» в Польше, афганских душманов и т. п.¹⁴⁵

Вспышками антикоммунизма пронизан не только первый, но и второй период пребывания Р. Рейгана на посту президента США. Назвав в свое время Советский Союз «империей зла» и пообещав «выбросить коммунизм на свалку истории», Р. Рейган упорно следовал этой линии и позже. Образ «империи зла», равно как и образ «врага» в лице СССР, ему был нужен для того, чтобы не только сохранить, но и всячески утвердить традиционные для послевоенных лет принципы американской внутренней и внешней политики. Симптоматичным в этом отношении было выступление Р. Рейгана в Лос-Анджелесе 26 августа 1987 г., разрекламированное Белым домом как эпохальный обзор отношений между Востоком и Западом. В этом выступлении он напомнил о своей речи в английском парламенте в 1982 г., где призвал начать «крестовый поход за свободу», и добавил: «Хотя мы признаем интересные перемены в Советском Союзе, мы в то же время знаем, что Советы до сих пор еще очень далеки от любых западных стандартов демократии».¹⁴⁶ В целом за время пребывания Р. Рейгана у власти между политологами-консерваторами и администрацией США сложился довольно прочный антикоммунистический альянс. Как пишет В. Л. Шохина, в указанный период «сформировался — по крайней мере на первых порах — относительный консенсус между Белым домом и интеллектуальной элитой в лице ее консервативных представителей».¹⁴⁷

Росту антикоммунистических тенденций в американской буржуазной политологии в значительной степени способствовали советологи. После второй мировой войны резко увеличивается количество различного рода советологических центров в США.¹⁴⁸ Они создаются на базе крупнейших американских

¹⁴⁵ См.: Малащенко И. Е. Особенности идеологической деятельности США на современном этапе и идеологические кампании Вашингтона // Общественное сознание и внешняя политика США. С. 235.

¹⁴⁶ Цит. по: Овчинников В. Образец старого мышления // Правда. 1987. 29 авг.

¹⁴⁷ Шохина В. Л. Интеллектуальная элита и Белый дом // США — экономика, политика, идеология. 1986. № 7. С. 59.

¹⁴⁸ См.: Николаев П. А. Зловещий альянс: Советология на службе психологической войны. С. 39—57.

университетов и ведущих научно-исследовательских учреждений. При Колумбийском университете, например, в 1946 г. начинается функционировать Русский институт, в состав руководства которого вошли такие видные советологи, как Филипп Мозли, Джероид Робинсон, Эрнест Симмонс, Джон Хазард, Абрам Бергсон. С 1947 г. преподавателем «марксизма-ленинизма» этого института стал Герберт Маркузе. Круг интересов данного института весьма разнообразен. Наряду с другими он включает в себя идеологию, государство, общественные организации, международную жизнь. О характере его деятельности свидетельствуют следующие публикации: «Коминтерн и всемирная революция, 1928 — 1943 годы: формирование доктрины» К. Маккензи; «Россия: люди и власть» Р. Кайзера; «Пример для советской молодежи: исследование съездов комсомола, 1918 — 1954 годы» Р. Фишера.

Помимо Русского института при Колумбийском университете создается еще 12 институтов и кафедр, занимающихся изучением Советского Союза. В целях координации их деятельности учреждается специальный межфакультетский центр, располагающий обширной библиотекой (115 тыс. томов) и выписывающий свыше 400 текущих периодических изданий из СССР и других социалистических стран. Весьма показательно, что именно в системе советологических учреждений Колумбийского университета в 1961 г. возникает Исследовательский институт по вопросам коммунизма, директором которого назначается З. Бжезинский. Этот институт становится по существу одним из главных поставщиков наиболее утонченных рекомендаций внутрисполитическим и внешнеполитическим службам США по проведению идеологических диверсий против СССР и социалистических стран в целом. Он весьма оперативно реагирует на все изменения внешнеполитического курса правящих кругов США в отношении социалистических стран.¹⁴⁹

При Гарвардском университете в 1948 г. создается Русский исследовательский центр, целью которого становится фальсификация актуальных проблем внутренней политики СССР и социалистического образа жизни. В 1973—1974 гг. этим центром руководил профессиональный антикоммунист Адам Улам. В состав «правлящей элиты» указанного центра в разное время входили такие представители, как Д. Белл, Р. Пайпс, Т. Парсонс, Э. Кинен, А. Бергсон. В числе его ведущих преподавателей значились Дж. Кеннан, Р. Лёвенталь, Л. Шапиро, И. Берлин, И. Дойчер, У. Лакер, А. Ноув и многие другие «специалисты по СССР». Среди множества публикаций названного института особой антикоммунистической направленностью отличаются следующие: «Общественное мнение в Советском Союзе», «Как работает советская система: культурные, психо-

¹⁴⁹ См.: Журихин Э. А. Филантропические фонды США в системе власти монополий. М., 1978. С. 136—137.

логические и социальные аспекты», «Советский гражданин: повседневная жизнь в коммунистическом обществе», «Советская молодежь: регламентация и воспитание», «Политическая лояльность советского гражданина». По контракту с Пентагоном Русский исследовательский центр подготовил специальный сборник под названием «Советская социалистическая система», включающий в себя около 50 докладов, посвященных разным аспектам общественно-политической жизни Советского Союза: партийному аппарату, государственным и общественным организациям, национальным отношениям, положению церкви в СССР, политическому, правовому и общественному статусу личности и т. д. Только за период с 1948 по 1967 г. указанным центром подготовлено 117 квалифицированных специалистов-советологов, которые стали преподавателями в американских вузах. Причем 20 из них пошли на преподавательскую работу за рубеж, 8 заняли ответственные посты в центральной администрации, включая пост вице-президента США, 9 стали директорами соответствующих русских центров.¹⁵⁰

Советологические институты и кафедры в послевоенные годы создаются также при других американских университетах, например: Институт по изучению внешней политики при Пенсильванском университете, Центр русских и восточноевропейских исследований Мичиганского университета, исследовательский центр под таким же названием в Стэнфордском университете, Исследовательский институт по коммунистической стратегии и пропаганде в Лос-Анджелесе и т. д. Крупнейшими научно-исследовательскими учреждениями советологического характера становятся: Центр стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете в Вашингтоне, Гудзоновский институт и организация «РЭНД корпорейшн». Директором Гудзоновского института, в частности, длительное время был Герман Кан, специалист по проблемам термоядерной войны, обнаруживший в 1968 г. программу поэтапной ликвидации социализма в странах Восточной Европы. Что касается «РЭНД корпорейшн», то не только ее непосредственные политологические исследования, но и сугубо технологические изыскания в подавляющем большинстве связаны с выполнением чисто политических задач.¹⁵¹ В 1966 г. создается специальное учреждение по подготовке и переподготовке антикоммунистических кадров — Центр по изучению проблем защиты свободы (штат Вирджиния), в котором ежегодно проходят стажировку до 400 слушателей.

В целом к концу 70-х годов в США создается более 200 советологических центров и учреждений, что в десятки раз пре-

¹⁵⁰ См.: Реальный социализм в СССР и его буржуазные фальсификаторы. М., 1977. С. 361.

¹⁵¹ См.: Седов В. Послесловие // Диксон П. Фабрики мысли. М., 1976. С. 441.

вышает их количество в довоенный период. Только с 1950 по 1965 г. в США защищается более тысячи диссертаций по СССР и социалистическим странам. В 1962 г., например, в различных американских вузах готовились 253 работы по СССР и 114 работ по другим европейским странам, в том числе 30 — по Польше, 25 — по Югославии, 13 — по Венгрии и т. д.¹⁵² В качестве координационного центра американской советологии, который распределяет заказы и средства от различных фондов, выступает Американская ассоциация развития славяноведения, созданная сразу же после второй мировой войны. К концу 70-х годов она объединяла 2400 членов, в том числе 1500 историков, более 400 политологов и около 300 специалистов по международным отношениям и внешней политике СССР. Наряду с уже оstepенненными советологами эта ассоциация включает в себя также немало студентов, специализирующихся по СССР и социалистическим странам Восточной Европы.¹⁵³

Заказы на советологические исследования поступают от правительственных и монополистических организаций. Оформляются эти заказы «преимущественно через кафедры политических наук при университетах в Беркли (штат Калифорния), Кливленде (штат Огайо), Сиэтле (штат Вашингтон), Блумингтоне (штат Индиана), Лоуренсе (штат Канзас), а также при Вашингтонском, Мичиганском, Нотрдамском университетах»,¹⁵⁴ а оплачиваются, как правило, все теми же благотворительными фондами, о которых говорилось раньше. Об этом свидетельствуют сами американские советологи. Так, Дж. Армстронг в предисловии к своей книге «Политика тоталитаризма» писал, что она «является одной из серии трудов, издаваемых в порядке осуществления Программы научно-исследовательской работы по истории Коммунистической партии Советского Союза. Щедрая финансовая помощь за счет субсидии, представленной Фондом Форда, дала мне возможность путешествовать, собрать материалы и, что самое главное, посвятить около полутора лет спокойной работе над завершением ... книги».¹⁵⁵

Хотя сами советологи и пытаются убедить общественное мнение в объективности и беспристрастности анализа теоретических и практических проблем политики в социалистических странах, тем не менее откровенно антикоммунистический характер их деятельности не вызывает сомнений. Это обусловлено многими причинами. Американский советолог Стивен Коэн в книге, посвященной переосмыслению советского политического

¹⁵² См.: Бурлацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. С. 179.

¹⁵³ См.: Долинин А. Антисоветские идеологические центры // Международная жизнь. 1979. № 9. С. 146.

¹⁵⁴ Николаев П. А. Зловещий альянс: Советология на службе психологической войны. С. 55.

¹⁵⁵ Armstrong J. The Politics of Totalitarianism (The Communist Party of the Soviet Union from 1934 to the Present). New York, 1961. P. 5.

и исторического опыта с 1917 г. по настоящее время, среди прочих выделяет, в частности, следующие причины.¹⁵⁶ Прежде всего это — общий курс на конфронтацию с СССР, взятый за основу как внешней, так и внутренней политики США, который не только придал советологии вполне определенную политико-идеологическую заданность, но и породил «такое отрицательное для академической жизни явление, как „единомыслие“ практически по всем основным вопросам интерпретации советской действительности».¹⁵⁷ Менялись формы и методы осуществления этого курса (в период «холодной войны», разрядки, обострения международной напряженности), но оставалась его неизбежность.

В качестве главного ориентира курса на конфронтацию была выдвинута идея «защиты национальных интересов». Руководствуясь данной идеей, советологи рассматривали свою деятельность лишь как поле борьбы «свободного мира против социализма». По мнению авторов этой идеи, нельзя ограничиваться простой констатацией того, что «коммунизм — это зло». Необходимо подвергать критике каждый аспект советской действительности, развенчивать любые ссылки на советские успехи и достижения.¹⁵⁸ Ориентация работы на «национальные интересы Америки» привела к неразборчивости в выборе тем, утилитаристскому к ним подходу. Так называемые «уроки» советского опыта и прогнозы по поводу деформации социалистического общественного строя заняли в работах американских советологов центральное место. На сложные вопросы давались упрощенные, стандартные ответы. При интерпретации прошлого, настоящего, а порой и будущего Советского Союза они опирались на набор выводов-аксиом. Исследования приобрели односторонний и стереотипный характер. Объективный анализ политических проблем был подменен в них примитивной схемой. Идеология «холодной войны», сложная внутривнутриполитическая обстановка, отмечает С. Коэн, наложили на советологию политический и интеллектуальный отпечаток, выковали и закрепили у американских советологов стереотип политической запрограммированности, препятствующий правильному толкованию советской действительности. Они сузили возможность для исследовательской работы, сделали специалистов людьми с притупленным восприятием нового.¹⁵⁹

Другая причина антикоммунистической направленности деятельности американских советологов — это их непосредствен-

¹⁵⁶ См.: Реферат главы «Кризис советологии» из книги: Cohen S. F. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917. New York; Oxford, 1985, — подготовленный М. Е. Безруковым (США — экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 97—104).

¹⁵⁷ Там же. С. 98.

¹⁵⁸ Там же. С. 100—101.

¹⁵⁹ Там же. С. 102.

ная зависимость от финансового капитала США, от административных и специальных служб, включая Центральное разведывательное управление. Идеологическая и политическая запрограммированность американской советологии, подчеркивает С. Коэн, усиливалась как под воздействием общей международной и внутренней обстановки, так и в результате целенаправленного финансирования со стороны правительственных учреждений, в том числе ЦРУ.¹⁶⁰ Боязнь лишиться необходимых источников финансирования, а еще хуже — впасть в немилость политико-административных органов лишала советологов самостоятельности, глушила в них любое стремление к объективным исследованиям, стирала грань между пропагандой и настоящей наукой. Различного рода проверки на лояльность, ставшие обычной нормой послевоенного времени, касались и советологов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Доказательством тому служит, например, тот факт, что Американо-русский институт, созданный еще в 1926 г. в Нью-Йорке и занимавший благожелательную позицию в отношении СССР, в конце 40-х годов попал в «черный список» министерства юстиции и в 1950 г. прекратил свое существование, а один из его сотрудников предстал перед комиссией палаты представителей по антиамериканской деятельности. Не менее показательным является также то, что между Русским исследовательским центром Гарвардского университета и ФБР в свое время было заключено «частное соглашение» относительно борьбы с подрывными элементами, а все авторы правительственного издания «Проблемы коммунизма» с начала его выхода в 1952 г. и до 1977 г. подлежали проверке на благонадежность.¹⁶¹ В этих условиях, отмечает С. Коэн, свободный от предубеждений поиск сплошь и рядом уступил место попыткам подтвердить устоявшуюся в политическом истеблишменте точку зрения.

И, наконец, третья причина антикоммунистической направленности американской советологии обусловлена особенностями профессионального состава самих советологов. Дело в том, что советологом в Америке становится далеко не каждый обществовед, в том числе политолог. Для того чтобы стать таковым, нужны определенные политические и идеологические установки. В основе этих установок лежит нескрываемая враждебность к Советскому Союзу, постоянно поддерживаемая и всячески поощряемая неприязнь к его внутренней и внешней политике. Отсюда не случайно, что среди американских советологов значительную часть составляют те ее представители, «советологический статус» которых был во многом predetermined как общей антикоммунистической истерией в стране, так

¹⁶⁰ Там же. С. 100.

¹⁶¹ Там же. С. 101.

и опытом работы в соответствующих политико-идеологических учреждениях. Теоретическая деятельность такого рода советологов нередко сочетается с практической деятельностью в сфере внутригосударственного или внешнеполитического аппарата. Как пишет Б. И. Марушкин, «с самого начала изучение СССР на Западе стало монополией наиболее консервативных элементов общества».¹⁶² Примером тому служат М. Банди, У. Росту, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Р. Пайпс, Дж. Кирпатрик и др. В числе американских советологов немало также «специалистов», которые в свое время порвали связи с собственными странами и антикоммунистический пыл которых, по свидетельству С. Козна, намного превосходит их реальные знания.¹⁶³ Это советологи типа Б. Мейснера, И. Свитака, А. Пшеворского и др.

Анализируя деятельность 32 ведущих советологов США Н. В. Загладин отмечал, в частности, что 1/2 из них — бывшие или нынешние сотрудники и консультанты госдепартамента США, 1/4 часть непосредственно участвует в пропагандистской работе, входит в комиссию по международному радиовещанию и в редколлегии главных антикоммунистических изданий, 28% — эмигранты из Центральной и Восточной Европы.¹⁶⁴ Своеобразие профессионального состава американских советологов, равно как и специфические принципы отбора и рекрутирования их в конечном счете привели к тому, что в США, по мнению С. Козна, возникла целая интеллектуальная индустрия «обличителей коммунизма», которую он назвал «контркоммунизмом».¹⁶⁵ Подлинную суть подобного рода «обличителей коммунизма» весьма точно охарактеризовал в свое время В. И. Ленин: «...общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, — писал он, — что пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху».¹⁶⁶ Конечно, в числе американских советологов есть и такие, которые пытаются выйти за рамки существующих идеологических стереотипов. Но они составляют считанные единицы. Как отмечает в данной связи С. Козн, неидеологизированный подход в советологической среде США был редкостью в условиях бушевавших антикоммунистических страстей.¹⁶⁷

Откровенно выраженный антикоммунистический характер

¹⁶² Марушкин Б. И. Советология: Расчеты и просчеты. С. 20.

¹⁶³ США — экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 99—100.

¹⁶⁴ См.: Загладин Н. В. Американские буржуазные концепции советской внешней политики и их банкротство // Вопросы истории КПСС. 1978. № 11. С. 60.

¹⁶⁵ США — экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 100.

¹⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 364.

¹⁶⁷ США — экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 101.

американской советологии отнюдь не способствовал повышению ее значимости. Напротив, он еще более углубил кризис, в котором она оказалась с момента своего зарождения и который особенно четко дал о себе знать на рубеже 60—70-х годов, когда начался переход от «холодной войны» к разрядке международной напряженности. Сами американские советологи связывают проявление этого кризиса с трудностями в финансировании их деятельности со стороны благотворительных обществ. Однако суть заключается не столько в них, сколько в кризисе интеллектуальном, который куда более опасен, чем кризис финансовый.¹⁶⁸ В его основе лежит разрыв между реальным социализмом и тем его образом, который был создан за долгие годы американскими советологами. Причем такого рода разрыв становился тем большим, чем в большей степени информированнее относительно положения дел в Советском Союзе и других социалистических странах становилась американская общественность.

По мнению С. Коэна, углублению кризисных явлений в американской советологии способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, серьезные перемены в международных отношениях в период разрядки, которые показали, что, несмотря на принципиальные разногласия между США и СССР, есть, однако, пути к их позитивному разрешению. Во-вторых, качественные изменения, происходящие в СССР, которые разрушили устоявшиеся на Западе представления. И, в-третьих, приход в американскую советологию нового поколения, в гораздо меньшей степени, чем предшествующее, обремененного путами «холодной войны».¹⁶⁹

В поисках выхода из интеллектуального кризиса американские советологи начали перестраивать свою деятельность, стремясь приспособиться к новой обстановке в мире, к политике гласности и открытости, которую проводят СССР и другие социалистические страны. Однако перестройка эта касается главным образом форм и методов работы американских советологов, но не ее содержания. Пусть в меньшей степени, чем раньше, заключает С. Коэн, но дух «холодной войны» по-прежнему ощутимо присутствует в изучении СССР. Он находит свое выражение, в частности, в нетерпимости к инакомыслящим коллегам. Советологов, сочувствующих новым переменам в мире, все также упрекают в «попустительстве», в «идеологическом разоружении Америки».¹⁷⁰ Особенно усердствуют в данном отношении те перебежчики из Советского Союза и других социалистических стран, которые настойчиво цепляются за от-

¹⁶⁸ Там же. С. 98.

¹⁶⁹ Там же. С. 102—103.

¹⁷⁰ Там же. С. 104.

жившие мифы и стереотипы.¹⁷¹ Дух «холодной войны» находит свое подтверждение в выводе, к которому пришли сами американские исследователи на основе изучения мнений советологов и суть которого состоит в том, что многие советологи, а также некоторые политические деятели и сотрудники государственных ведомств до сих пор «носят свой антисоветизм как почетную награду» и все еще очень далеки от здравого смысла по отношению к Советскому Союзу.¹⁷²

¹⁷¹ См., напр.: Письмо представителей «интернационала сопротивления». «Пусть Горбачев предоставит нам доказательства» // Московские новости. № 13. 1987. 29 марта; *The Soviet Union and the Challenge of the Future. Vol. 1. Status and Change* / Ed. by A. Shtromas and M. Kaplan. New York, 1988; Корнионов В. В поисках нового «динамита» // Правда. 1988. 6 сент.

¹⁷² См.: Карпычев А. Когда же настанет «фаза разума»? // Правда. 1987. 7 сент.

Глава II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОРНИ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Становление политической науки в США — сложный, длительный и крайне противоречивый процесс, который проходил под влиянием как внутренних (экономических, социальных, политических и духовных), так и внешних (и прежде всего международных) условий. На его развитие несомненное влияние оказали и сами ее представители, которые, хотя и придерживались разных взглядов на понимание буржуазной политологии как науки, тем не менее активно отстаивали ее роль и значение во всех областях жизни американского общества. Среди многих американских политологов, оставивших след в развитии данной области буржуазного общественного знания, особого внимания заслуживают Чарльз Мерриам, Гарольд Лассуэлл и Ганс Моргентау. Именно они, опираясь на поддержку Чикагского университета, создали и утвердили в американской политологии школу прагматизма и политического реализма. Именно им принадлежит наибольшая заслуга в обосновании новых методов исследования внутренней и внешней политики США. Именно в их лице американская монополистическая буржуазия приобрела усердных защитников капиталистического строя.

§ 1. ЧАРЛЬЗ МЕРРИАМ

Первым в ряду названных представителей по праву стоит Чарльз Мерриам (1874—1953), которого буржуазные исследователи считают не только одним из основателей американской политической науки, но и отцом бихевиористского направления в ней.¹ По свидетельству Б. Крика, Ч. Мерриам был «признан-

¹ См.: Karl B. Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago; London, 1974. P. VIII.

ным дуайеном американской политической науки»,² отдавшим ей более 50 лет своей жизни. «Как Либер и Барджесс утверждали политическую науку в качестве академической дисциплины, — пишет он, — так Мерриам больше, чем кто-либо другой, утвердил ее в качестве общественной науки».³ Свою профессиональную карьеру Ч. Мерриам начал в 1900 г. в Чикагском университете, где прошел путь от рядового преподавателя до известного профессора. В числе первых курсов, читаемых им в этом университете, были курсы по истории американской политической мысли, американским политическим партиям, гражданскому и государственному управлению в США. Одновременно с Ч. Мерриамом в Чикагском университете в 1900—1905 гг. читали свои лекции такие видные ученые, как Джон Дьюи («История политической этики»), Элбион Смолл («Социологические понятия», «Философия государства и управления»), Торстейн Веблен («История политической экономии», «Сфера и методы политической экономии»), Уэсли Митчелл («Экономическая и социальная история») и др. Общение с названными учеными, в особенности с У. Митчеллом, было весьма плодотворным для Ч. Мерриама. Оно выразилось, в частности, в совместной разработке и осуществлении ряда проектов.⁴

Преподавательскую деятельность в Чикагском университете Ч. Мерриам постоянно сочетал с активной политической работой в местных и федеральных органах США, а также с организаторской работой по линии Американской ассоциации политической науки. До 1920 г. он был членом разного рода комиссий в Чикагском муниципалитете, с 1929 по 1932 г. исполнял обязанности вице-председателя Гуверовского комитета по новым общественным тенденциям. В период президентства Ф. Рузвельта работал в Комиссии по общественному служебному персоналу (1935 г.), в Комиссии по общественным исследованиям (1932—1935 гг.), в Отделе по планированию национальных ресурсов (1933—1943 гг.) и в Комитете по административному управлению (1935—1937 гг.). В 1940 г. он стал Председателем Чикагской плановой комиссии — органа особой важности в то время. Одновременно Ч. Мерриам выступал в качестве руководителя многих исследовательских проектов, осуществляемых в рамках Американской ассоциации политической науки, Совета по исследованию в области общественных наук, а также других организаций.⁵ В частности, как Председатель Комитета по политическим исследованиям он провел три национальные конференции по научной политике (1923—

² Crick B. The American Science of Politics: Its Origins and Conditions. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 135.

³ Ibid.

⁴ См.: Karl B. Charles E. Merriam and the Study of Politics. P. 45.

⁵ См.: Crick B. The American Science of Politics. P. 152.

1925 г.), основная цель которых состояла в том, чтобы «изучить возможность разработки и применения более научных методов для проверки теорий и гипотез современной политической науки».⁶

Необычайно продуктивной была теоретическая деятельность Ч. Мерриам. Им опубликовано множество работ, посвященных различным аспектам исследования политики, среди них: «История суверенитета со времени Руссо» (1900 г.), «История американских политических теорий» (1903 г.), «Первичные выборы» (1908 г.), «Американские политические идеи: 1865—1917» (1920 г.), «Современное состояние исследования политики» (1921 г.), «Американская политическая система» (1922 г.), «История политических теорий: новое время» (1924 г. — в соавторстве с Г. Бэрнсом), «Новые аспекты политики» (1925 г.), «Чикаго: подробнейшее изучение городской политики» (1929 г.), «Политическая власть» (1934 г.), «Пролог к политике» (1939 г.), «Новая демократия и новый деспотизм» (1939 г.). «Систематическая политика» (1945 г.). Как пишет сам Ч. Мерриам, основу его теоретической деятельности составляли такие принципы, как: убеждение относительно неотъемлемых достоинств человека и его постоянного стремления к их совершенствованию; идея о том, что достижение общего блага есть результат деятельности самих масс; вера в возможности человеческого разума и мирный характер общественных изменений.⁷

Заслуга Ч. Мерриам перед американской буржуазной политической наукой состоит в том, что он, во-первых, настойчиво доказывал необходимость укрепления ее связи с практикой, с реальной жизнью. Ч. Мерриам хотел видеть политическую науку обращенной к таким исследованиям, которые могли бы быть полезными как деловым, так и политическим кругам Америки, даже если эти круги относятся к политической науке недоверчиво. Больше того, представители политической науки, по его мнению, должны быть не только связаны с политической практикой, но и активно вовлечены в нее. Призыв Ч. Мерриам к тесному взаимодействию между теорией и практикой нашел поддержку у многих американских политологов того времени. Говоря об этом, Ч. Бирд отмечал, в частности, что «политологи сыграли главную роль в реорганизации управления в штатах и муниципалитетах, а члены Американской ассоциации политической науки были практически вовлечены в каждое важное исследование деятельности местной и федераль-

⁶ Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. New York, 1982. P. 123.

⁷ См.: Merriam Ch. The Education of Charles Merriam // The Future of Government in the United States / Ed. by L. D. White. Chicago, 1942. P. 20.

ной администрации, проведенное в последние два десятилетия».⁸

Ч. Мерриам стремился не только подвести под политическую практику соответствующую теоретическую базу, но и сделать эту практику научной. Для обозначения качественно нового характера политической практики он ввел в оборот даже специальный термин — «политическое благоразумие», призванный ориентировать практических политиков на более ответственное отношение к исполнению своих служебных обязанностей и на более широкое привлечение американских граждан к политическому правлению.⁹

Во-вторых, Ч. Мерриам активно настаивал на внедрении в политические исследования новых методов анализа, в том числе и особенно количественных. И здесь его усилия оказались не безрезультатными. Как свидетельствуют А. Соумит и Дж. Таненхаус, к началу 30-х годов почти каждый ведущий политолог взял на свое вооружение такого рода методы исследования.¹⁰ Отстаивая важность и необходимость новых методов исследования политики, Ч. Мерриам, как об этом уже говорилось раньше, не отвергал и традиционные методы, в частности историко-сравнительный и юридический. В ряде случаев, подчеркивал он, указанные методы могут обеспечить такое понимание политических проблем, которое не в состоянии сделать точное измерение и проверка. Отсюда главная задача, по мнению Ч. Мерриама, состоит не в том, чтобы использовать одни методы анализа за счет умаления значения других, а в том, чтобы всякий раз избирать такие методы исследования политических проблем, которые максимально способствуют их уяснению и решению.¹¹

И, наконец, в-третьих, Ч. Мерриам фанатически верил в американскую демократию, рассматривая ее как такую форму политического правления, которая в наибольшей степени соответствует естественной природе человека.¹² Развитие американской демократии, по его мнению, должно привести к раскрытию творческих возможностей человека и в конечном итоге — к установлению нового типа политических отношений. «Величайшим результатом всех революций в истории человечества,—писал он,—является признание творческой эволюции как подлинной цели человека. Именно она открывает широкий путь для реализации самых высоких и самых прекрасных ценностей человеческой жизни и в конечном счете трансформирует дух, а также институты образования, промышленности и управления в такую форму ассоциации, в которой лидеры больше не

⁸ Цит. по: Somit A., Tanenhaus J. The Development of American Political Science. P. 139.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 111.

¹² См.: Karl B. Charles E. Merriam and the Study of Politics. P. 41.

кричат, не ругаются и не угрожают, а люди больше не хитрят, не раболепствуют и не боятся, а сохраняют полное достоинство, свободу и говорят спокойными голосами о том, что можно видеть невооруженным глазом».¹³ В условиях новых политических отношений, считал Ч. Мерриам, станет возможным и новый мировой порядок, важную роль в котором будет играть так называемый «уравновешенный» тип личности. Формированию подобного типа личности призван способствовать «интернациональный компонент», который Ч. Мерриам предлагал ввести в систему гражданского и политического образования.¹⁴

По своим философским и общественно-политическим взглядам Ч. Мерриам был типичным представителем «прогрессистского» направления в американском буржуазном общественном, которое оформилось в первые десятилетия XX в. и для которого характерна позитивная постановка ряда общественно-политических проблем. Обосновывая мысль об общественно-политических явлениях как продукте столкновения интересов отдельных групп людей, «прогрессисты» исходили из того, что человек и общественно-политические институты могут вмешиваться в такого рода столкновения и регулировать их в нужном направлении. В понимании роли субъективного фактора в политике «прогрессисты» находились под сильным воздействием философии прагматизма, согласно которому «сама природа мысли, форма и сущность сознания предполагают способность думающего осуществлять выбор, занимать активную, целеполагающую, избирательную позицию в отношении окружающих его людей и среды»¹⁵ Немалое влияние на «прогрессистов» оказала также философия инструментализма, ведущий представитель которого Дж. Дьюи определял демократию как «образ жизни, контролируемый действенной верой в возможности человеческой природы».¹⁶

Восприняв основные идеи «прогрессистов», «прагматистов» и «инструменталистов», умело препарируя их к анализу политической жизни США, Ч. Мерриам тем не менее не смог добиться осуществления тех целей, к которым стремился в своей теоретической и практической деятельности. Это объясняется многими причинами. Наиболее важными из них, на наш взгляд, являются следующие. Прежде всего это — неудачные попытки Ч. Мерриама создать общую, синтетическую науку о политике, претендующую на всестороннее осмысление и объяснение политической реальности. В его работах содержится немало призывов к созданию такой науки. Есть в них также интересные

¹³ Merriam Ch. Prologue to Politics. Chicago, 1939. P. 73.

¹⁴ См.: Merriam Ch. The Making of Citizens. Chicago, 1931.

¹⁵ Гаджиев К. С. Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии. М., 1982. С. 29.

¹⁶ Classic American Philosophy. New York, 1951. P. 391.

наблюдения и ценные суждения (например, о взаимосвязи общественных наук и социального прогресса, о координации усилий ученых разных специальностей в исследовании политики, о роли философского знания в интерпретации накопленного политического опыта и т. д.). Но нет, к сожалению, четких теоретических и методологических оснований, на которых подобного рода наука может строиться. Например, политическую власть как центральную категорию политической науки Ч. Мерриам анализировал не в тесной связи с экономическими и социально-классовыми факторами, ее порождающими, а под углом зрения индивидуальной человеческой воли, индивидуальных человеческих страстей, в особенности психобиологической жажды к обладанию этой властью. Экономические, социальные, религиозные, расовые и иные противоречия, писал он, приходят и уходят, но остается длительная борьба «за регулирование и приспособление противоречивых типов человеческих личностей, обусловленных нашим социальным и биологическим наследием и модификацией этих типов посредством бесконечно многообразного социального опыта».¹⁷

Весьма важной причиной, препятствующей успешной реализации поставленных Ч. Мерриамом целей, является также преувеличенное понимание им роли и значения количественных методов политического анализа. Хотя к концу своей жизни Ч. Мерриам и пришел к выводу, что количественные методы анализа не являются единственным способом превращения политологии в науку, тем не менее и тогда он отдавал предпочтение именно этим, а не другим методам в конструировании научной методологии. Трагедия Ч. Мерриама, пишет в данной связи Б. Крик, в том и состоит, что «он зашел слишком далеко в своем стремлении превратить привычный прагматизм в абстрактный и позитивистский поиск научной методологии».¹⁸

Будучи оторванными от анализа качественного (от рассмотрения политики как сферы взаимодействия и борьбы классовых интересов), не обладая достаточной ценностью вне общей методологии, количественные методы в политологии обречены на голый практицизм.¹⁹ Сами по себе они не привели и не могут привести к созданию новой науки о политике, ибо опирались и опираются на традиционные формы буржуазного политического мышления. Как отмечал Ф. Энгельс, «исключительная эмпирия, позволяющая себе мышление в лучшем случае разве лишь в форме математических вычислений, воображает, будто она оперирует только бесспорными фактами. В действительности же она оперирует преимущественно традиционны-

¹⁷ Merriam Ch. *Political Power: Its Composition and Incidence*. Glencoe, 1950. P. 30.

¹⁸ Crick B. *The American Science of Politics*. P. 153—154.

¹⁹ См.: Мелихов С. В. Количественные методы в американской политологии. М., 1979. С. 194—199.

ми представлениями, по большей части устаревшими продуктами мышления своих предшественников... Последние служат ей основой для бесконечных математических выкладок, в которых из-за строгости математических формул легко забывается гипотетическая природа предпосылок».²⁰

Нельзя, наконец, не сказать и о том, что сама политическая практика США выступала в качестве мощной преграды на пути реализации оптимистических устремлений Ч. Мерриама. Отмечая общий недостаток школы прагматизма и политического реализма Чикагского университета, Б. Крик подчеркивал, в частности, что самым вопиющим противоречием в деятельности ее представителей было противоречие между их собственным политическим опытом и тем, что они писали о политике в своих теориях.²¹ Не соответствовал, например, реальной Америке тезис Ч. Мерриама о том, что «основные властные полномочия должны быть в руках народа».²² В период деятельности «прогрессистов» произошло расширение властных полномочий, но не народа, а ведущих групп монополистической буржуазии, а также самого президента США. Примером тому является правление В. Вильсона, разрекламированная «новая демократия» которого была справедливо названа «ящиком с двойным дном».²³ Не произошло передачи политической власти в руки американского народа и во времена «нового курса» Ф. Рузвельта, начавшегося в 1933 г. Хорошо известно, что меры, предпринятые администрацией Ф. Рузвельта в период этого курса, привели к еще большему усилению позиций буржуазного государства, которое, по-прежнему оставаясь коллективным капиталистом, начало действовать не только как политическая, но и как экономическая сила.

§ 2. ГАРОЛЬД ЛАССУЭЛЛ

Учеником и последователем Ч. Мерриама был Гарольд Лассуэлл (1902—1979), являвшийся, как об этом пишет Б. Крик, самым известным специалистом в области американской политической науки и оказавший наибольшее влияние на ее развитие по сравнению с другими американскими политологами.²⁴ Учебно-педагогическая и научная карьера Г. Лассуэлла началась в Чикагском университете, где он работал с 1922 по 1938 г., затем была продолжена в других американских и зарубежных вузах, включая Йельский и Тэмилский университеты США, а также различные университеты Индии и Чили.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 455—456.

²¹ См.: Crick B. The American Science of Politics. P. 150.

²² Ibid. P. 151.

²³ См.: Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968. С. 372—373.

²⁴ См.: Crick B. The American Science of Politics. P. 176.

Что касается общественно-политической карьеры, то она включала в себя активную работу на различных должностях в Американской ассоциации политической науки, а также деятельности на посту сопредседателя Нью-Йоркского центра политических ориентированных наук (1926 г.) и на посту директора исследования военных коммуникаций библиотеки Конгресса США в Вашингтоне (1939—1945 гг.).

Весьма внушительно выглядит теоретическая продукция Г. Лассуэлла, важное место в которой занимают такие работы, как «Техника пропаганды в мировой войне» (1927 г.), «Психопатология и политика» (1930 г.), «Мировая политика и личная ненадежность» (1935 г.), «Политика: кто получает что, когда и как» (1936 г.), «Демократия посредством общественного мнения» (1941 г.), «Политика перед лицом экономики» (1946 г.), «Анализ политического поведения» (1947 г.), «Власть и личность» (1948 г.), «Язык политики: исследования в области количественной семантики» (1949 г., в соавторстве), «Власть и общество: контуры политического анализа» (1950 г., в соавторстве), «Мировая революция нашего времени» (1951 г.), «В защиту общественного порядка» (1961 г., в соавторстве), «Будущее политической науки» (1963 г.), «Власть, коррупция и честность» (1963 г., в соавторстве), «Политически ориентированные науки и население» (1975 г., в соавторстве). В приведенных работах Г. Лассуэлла, как об этом пишет американский политолог Барри Карл, нашли отражение идеи как Ч. Мерриама, так и других представителей политической и общественной мысли, причем не только американской, но и европейской, например Л. Гумпловича, Г. Ратценхофера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, З. Фрейда, В. Парето, Р. Михельса и др.²⁵ На некоторых работах Г. Лассуэлла сказалось также влияние марксизма, методология которого, по его собственному признанию, стоит «неизмеримо выше любой другой из уже известных».²⁶

Значение работ Г. Лассуэлла для американской буржуазной политологии состоит прежде всего в том, что в них большое внимание уделяется методологическим проблемам исследования политики. Излагая эти проблемы, Г. Лассуэлл обратился к фрейдистскому подходу, сформулировав на его основе теорию политического психоанализа. «Может показаться странной мысль о применении психоанализа к исследованию политики, — писал он. — Психоанализ возник как отрасль психиатрии и был первоначально ориентирован на терапию душевнобольных. Специалисты политической науки только изредка интересовались психопатологией политических лидеров. Они всегда разделяли равнодушие историков к наличию или

²⁵ См.: Karl B. Charles E. Merriam and the Study of Politics. P. 146.

²⁶ Цит. по: Crick B. The American Science of Politics. P. 179.

отсутствию психических болезней или дефектов у власть имущих». ²⁷ Однако по мере роста популярности психоанализа «новые категории были довольно быстро применены к симптомам исторических персонажей». ²⁸

Согласно теории политического психоанализа, важнейшим фактором, обуславливающим отношение индивида к политике, объявляется психологический механизм его личности. Чем является политика для управляющих и управляемых, какие психологические черты личности формируют то или иное отношение ее к политике и вместе с тем каким образом сама политика формирует нужные ей психологические черты личности — таковы основные проблемы теории политического психоанализа. Важное место в этой теории отводится разработке типологии политических личностей. Так, руководствуясь критерием склонности личности к выбору той или иной политической роли, Г. Лассуэлл выделял три основных типа политиков: администратор, агитатор и теоретик. Характеризуя названные типы политиков, отмечая позитивные и негативные качества, свойственные каждому из них, он отдавал предпочтение так называемому «смешанному типу». Примером такого рода политика Г. Лассуэлл считал В. И. Ленина, который, по его мнению, олицетворял редкое соединение всех трех «чистых типов политика». ²⁹

Было бы неверным, конечно, отрицать значимость психологических черт личности в процессе исследования политики, равно как и важность предлагаемых на их основе классификаций. Если иметь в виду, например, приведенную классификацию Г. Лассуэлла, то она указывает на весьма существенную сторону проблемы психологических аспектов политики — связь определенных типов личности с соответствующими политическими ролями. Человек, относящийся к определенному типу личности, может в совершенстве выполнять функции политического администратора, но не обладать чертами теоретика. С другой стороны, он может быть хорошим теоретиком и даже замечательным агитатором, но не иметь абсолютно никаких административных способностей. Как пишет польский политолог Ежи Вятр, «в реальной политической жизни ключом к успеху часто является такой подбор политической руководящей группы, при котором отдельные члены выполняют функции, наилучшим образом соответствующие их чертам личности». ³⁰

Вместе с тем нельзя и преувеличивать роль психологических факторов в политике, как это делает Г. Лассуэлл, пытавшийся объяснить типы лидеров исходя из особенностей их психики. По его мнению, «вождями-агитаторами» движет чув-

²⁷ Lasswell H. Psychopathology and Politics. New York, 1960. P. 270.

²⁸ Ibid. P. 271.

²⁹ Ibid. P. 54.

³⁰ Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 294.

ство вины. Они «ищут облегчения посредством таких механизмов, как обличение других».³¹ Идеологические лидеры — это «индивиды, которые пережили в детстве крушение многих надежд». Психопатологическая личность, обуреваемая страстью к лидерству, поясняет Г. Лассуэлл, часто подвизается на политическом поприще. «Отвергнутые искатели власти имеют возможность выхода в бизнес, профсоюзы, организованную преступность, где они могут надеяться... господствовать над другими».³² Им безразлично, где утвердиться, лишь бы обладать властью над людьми. Такой подход к проблеме политического лидерства не может быть признан научным, поскольку в нем за основу объяснения берется то, что само нуждается в объяснении. Стремление к власти над другими людьми, к лидерству, отмечает в данной связи Г. К. Ашин, сторонниками данного подхода объясняется «свойством человеческой натуры», т. е. «берется за данное как аксиоматическое положение, которое не объясняется, а, напротив, с его помощью объясняются другие общественные явления, в частности и сам феномен лидерства».³³

Между тем, как об этом сказал К. Маркс, сущность личности «составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*».³⁴ Отсюда следует, что не психические качества человека определяют тип политической личности (в том числе тип политического лидера), а, наоборот, сами они являются производными от соответствующего типа общества, характера социально-классовой структуры, сложившейся в нем, особенностей политической идеологии и т. д. Так, представитель класса, находящегося в экономической зависимости, или представитель меньшинства, подвергающегося эксплуатации, может оценивать политическую систему как чуждую по отношению к его группе и не создающую возможности для его участия в политической деятельности, хотя для представителей других классов или этнических групп эта система предоставляет достаточные возможности для участия в политической жизни. Во всех этих случаях политическая пассивность вытекает не из черт личности, а из ситуации, в которой она оказалась. «Поэтому справедливы, — подчеркивает Е. Вятр, — указания на ошибочность многих западных исследований, в которых политическая активность или ее отсутствие связываются всегда с теми или иными чертами личности и полностью исключаются структурные особенности самой политической системы».³⁵

³¹ См.: Lasswell H. Psychopathology and Politics. P. 280.

³² Ibid. P. 303.

³³ Ашин Г. К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978. С. 74.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 242.

³⁵ Вятр Е. Социология политических отношений. С. 295.

Важное место в работах Г. Лассуэлла занимают также проблемы политической власти и ее распределения в обществе. Сказанное объясняется тем, что Г. Лассуэлл рассматривал власть в качестве центральной категории политической науки. «Когда мы говорим о науке в области политики, — писал он, — мы имеем в виду науку о власти».³⁶ По мнению Г. Лассуэлла, «процесс властвования — это не отдельная и отличающаяся часть общественного процесса, а только аспект взаимодействия целого».³⁷ Существенную роль в этом процессе играют ценности, а также характер распределения их в обществе. «Кто, что, когда и как получает — таков коренной вопрос при анализе политических действий и политического процесса»,³⁸ — отмечал он. Исходя из сказанного, и сама политическая наука, по определению Г. Лассуэлла, есть не что иное, как исследование вопроса о распределении ценностей в зависимости от распределения и использования власти.³⁹ Чтобы понять политический процесс, политическая наука должна решить следующие задачи: определить его цели и объекты; выявить основные тенденции в распределении ценностей; изучить условия, объясняющие эти тенденции; наметить возможные изменения в будущем; выбрать такие способы действий, которые должны привести к максимальному достижению ценностей.⁴⁰

В своих ранних работах в качестве основных субъектов политического властвования, от которых зависит распределение ценностей в обществе, Г. Лассуэлл называет элиты. В книге «Политика: кто получает что, когда и как», написанной еще в 1936 г., он определяет элиты «как более влиятельные по сравнению с массами» группы, а главную задачу политического анализа видит в изучении роли «влияющих и находящихся под влиянием».⁴¹ Элитарные группы, доказывал он, существуют в любом обществе, в том числе и демократическом. Демократия, по его мнению, отличается от олигархии не отсутствием элиты, а «закрытым» или «открытым», «представительным» или «непредставительным» ее характером. Элита западного общества объявляется Лассуэллом лучшей из элит по сравнению с элитами феодального или рабовладельческого общества, поскольку она якобы открыта для всех способных людей, а ее члены обладают знаниями и умением, в наибольшей степени отвечающими потребностям политического лидерства. Совер-

³⁶ Lasswell H., Leites N. e. a. *The Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics*. New York, 1949. P. 8.

³⁷ Lasswell H., Kaplan A. *Power and Society: A Framework for Political Enquiry*. London, 1952. P. XVII.

³⁸ Lasswell H. *A Study of Power*. Glencoe, 1950. P. 3.

³⁹ Ibid. P. 57.

⁴⁰ См.: Lasswell H. *Politics: Who Gets What, When, How*. New York, 1936.

⁴¹ Ibid. P. 443—444.

шенно очевидно, что такого рода подход к анализу политической власти и политического процесса неоправданно возвеличивал роль буржуазной демократии и одновременно вуалировал свойственные ей пороки.

В последующих работах, в частности в книге «Демократия посредством общественного мнения», впервые опубликованной в 1941 г., Г. Лассуэлл отходит от элитарного истолкования политической власти и политического процесса, подчеркивая ведущую роль в распределении ценностей не столько элитарной группы, сколько общественного мнения, которое рассматривается им в качестве важного показателя демократического управления и легитимности в обществе.⁴² Отдавая должное стремлению Г. Лассуэлла выйти за пределы толкования общественного мнения, данного в свое время У. Липпманом, следует вместе с тем отметить, что и его подход к исследованию данной проблемы страдает по меньшей мере двумя весьма существенными пороками. Во-первых, он исходит из слишком абстрактного рассмотрения общественного мнения — вне его связи с конкретно-историческим контекстом и без учета тех глубинных противоречий американского капитализма, которые определяют в конечном итоге как состояние общественного мнения, так и его развитие. И, во-вторых, при обилии общих рассуждений и частных эмпирических наблюдений в нем не дается оценка роли и места американского общественного мнения с точки зрения борьбы различных политических сил, не учитываются связь и соотношение между спонтанностью общественного мнения и «инспирируемостью» тех или иных его состояний.

В послевоенные годы взгляды Г. Лассуэлла на политическую власть и процесс распределения ценностей в обществе претерпевают еще большие изменения. В качестве главной фигуры указанного процесса им выдвигается сама личность, причем отнюдь не рядовая, а политическая, власть и влияние которой зависят от обладания соответствующими ценностями. Каждая личность, выступающая в качестве политического деятеля и располагающая определенными экономическими, идеологическими, дипломатическими и другими возможностями, отмечает Г. Лассуэлл, оказывает свое воздействие на существующую систему ценностей и характер их распределения в обществе. Взаимодействие разных политических личностей внутри страны находит свое выражение в изменении ценностей и их распределении, в перераспределении власти и влияния. Вот почему основное внимание политологов, исследующих проблему власти, подчеркивал Г. Лассуэлл, должно быть сосредоточено на

⁴² См.: Lasswell H. *Democracy Through Public Opinion*. New York, 1941.

«межличностных отношениях, а не на абстрактных институтах и организациях», которые представляют собой не что иное, как механическое соединение личностей.⁴³

Концепция власти, разработанная Г. Лассуэллом, нашла поддержку у многих буржуазных политологов, придерживающихся разных школ и направлений. Ее широко использовал в своих работах Д. Эптер, исследуя проблему политической модернизации и обосновывая идею о трех системах распределения власти: иерархической, сегментарной и пирамидальной.⁴⁴ О политической системе как системе авторитарного (властного) распределения ценностей в обществе говорил У. Джонсон, рассматривая особенности федеративного устройства в Камеруне.⁴⁵ Об этом же писал Д. Истон в книге, посвященной системному анализу политической жизни. Основное назначение политической системы, писал он, состоит в том, чтобы выполнять две главные функции: во-первых, распределять ценности в обществе и, во-вторых, побуждать большинство членов общества принять это распределение как обязательное по крайней мере в течение длительного времени. Именно эти две функции позволяют отграничить политическую систему от других подсистем общества. Именно они «являются *существенными переменными* политической жизни».⁴⁶ Если политическая система не в состоянии успешно выполнять указанные функции, возникает напряженность и даже кризис, который в конечном итоге может привести к распаду системы.

И, наконец, говоря о Г. Лассуэлле, нельзя не оставить без внимания его идеи о пропаганде, оказавшие влияние на развитие теории средств массовой информации в США. Г. Лассуэлл был сторонником тезиса, согласно которому пропаганда представляет собой «продуманный отбор символов», распространяющихся с целью «оказать влияние на поведение масс».⁴⁷ Отводя особую роль в процессе функционирования пропаганды символам, он отграничивал их от знаков. «Знак», отмечал Г. Лассуэлл, обычно применяется в виде слов или образов и является способом их воспроизведения, а «символ» определяет значение передаваемых слов и образов.⁴⁸ Стремясь все трудности в мире свести к отсутствию однозначно понимаемых терминов, Г. Лассуэлл обосновывал особую теорию политической семантики, исходные принципы которой формулируются

⁴³ См.: Lasswell H., Kaplan A. Power and Society. P. XXIV.

⁴⁴ См.: Apter D. Politics of Modernization. Chicago, 1967.

⁴⁵ См.: Johnson W. The Cameroon Federation. Political Integration in Fragmentary Society. Princeton, 1970. P. 24.

⁴⁶ См.: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. Second Edition. New York, 1967. P. 24.

⁴⁷ См.: Smith B., Casey R., Lasswell H. Propaganda, Communication and Public Opinion. Princeton, 1946. P. V.

⁴⁸ Ibid. P. 82—85.

им в отрыве от ощущений, возникающих в процессе отражения объективной действительности.⁴⁹

Основная цель этой теории — создать такую систему пропаганды, которая была бы «незаметной», «ненавязчивой», «непреднамеренной» и в то же время обладала бы большей силой воздействия на людей, чем непосредственная политическая пропаганда. В качестве модели подобного рода системы Г. Лассуэлл предложил систему «education», призванную с помощью методов «образования», «просвещения» и «воспитания» вырабатывать такие качества и навыки личности, которые бы в наибольшей степени отвечали господствующим в американском обществе образцам политического поведения.⁵⁰ Разработанная Г. Лассуэллом система «education», равно как и теория политической семантики в целом, легла в основу так называемого «символического мышления», сила которого в том и состоит, что «оно формирует рефлексы политического поведения»⁵¹ и позволяет буржуазии искусно манипулировать этим поведением в собственных интересах.

§ 3. ГАНС МОРГЕНТАУ

Крупнейшим представителем американской буржуазной политологии был также Ганс Моргентау (1904—1980) — общепризнанный глава школы прагматизма и политического реализма, ведущий внешнеполитический теоретик США. Г. Моргентау родился в Германии, с 1931 по 1936 г. преподавал во Франкфуртском, Женевском и Мадридском университетах. В 1937 г. прибыл в США и работал там в разных университетах: Канзасском, Гарвардском, Колумбийском, Йельском и др. Значительная часть теоретической и учебно-педагогической деятельности Г. Моргентау приходится на Чикагский университет, где он преподавал в 1943—1945 гг., а с 1950 г. возглавлял Комитет международных отношений. В 1949—1951 и 1961 гг. Г. Моргентау — консультант Министерства обороны, в 1966 г. — консультант госдепартамента США, с 1961 по 1966 г. — почетный член Совета по религиозным и международным делам.

Г. Моргентау — автор многих работ, в том числе таких, как: «Ученый против властной политики» (1946 г.), «Политика наций» (1948 г.), «Принципы и проблемы международной политики» (1950 г., в соавторстве), «В защиту национального интереса» (1951 г.), «Дилеммы политики» (1958 г.), «Цель американской политики» (1960 г.), «Политика в 20-м веке» (1962 г.), «Новая внешняя политика для Соединенных Штатов»

⁴⁹ См.: Lasswell H., Leites N. e. a. The Language of Politics.

⁵⁰ См.: Lasswell H. World Politics and Personal Insecurity. New York, 1935. P. 251.

⁵¹ Сковорцов Л. В. Об особенностях кризиса современной буржуазной идеологии. М., 1970. С. 254.

(1969 г.), «Истина и власть» (1970 г.), «Наука: хозяйка или служанка» (1971 г.). Г. Моргентау принадлежал к числу тех американских ученых, которые, хотя и негативно реагировали на потерю Соединенными Штатами «исключительной» роли на международной арене, тем не менее проявляли определенную трезвость в подходе к ряду международных проблем. Он был, в частности, объявлен «главным в Америке критиком вьетнамской войны»⁵² и призывал к «отказу от ядерной войны как инструмента государственной политики».⁵³

Не будучи американцем по происхождению, Г. Моргентау выступал в качестве убежденного защитника национальных интересов США на международной арене. Обращение Г. Моргентау к понятию «национальные интересы» не является случайным. Оно послужило отправной точкой для построения теории, прикрывающей и оправдывающей практику империалистической внешней политики США. Акцентирование внимания на национальных интересах США позволило Г. Моргентау не только обойти вопрос об их социально-экономической природе, но и представить интересы правящей американской верхушки как интересы всей нации, придать захватническим целям американских монополий видимость общенациональной заинтересованности. «Искусственно оторванные от их классово-идеологического содержания, — справедливо замечает в данной связи В. Ф. Петровский, — национальные интересы ставятся „политическими реалистами“ во главу угла поведения государств. Подчинение любых международно-правовых обязательств национальным интересам „реалисты“ называют „железным законом международной жизни“».⁵⁴

Подчеркивая главенствующую роль «национальных интересов» во внешней политике государств, Г. Моргентау и другие представители школы «прагматизма и политического реализма» пытались дать им соответствующую классификацию. С одной стороны, они выделяли постоянные, основополагающие интересы: защита территории, населения и государственных институтов от внешней опасности; развитие внешней торговли и рост инвестиций, защита интересов частного капитала за границей; взаимоотношения с союзниками и выбор внешнеполитического курса. С другой стороны, они различали преходящие, промежуточные интересы: интересы выживания (угроза самому существованию государства); жизненные интересы

⁵² См.: Brzezinski Z. Tragic Dilemmas of Soviet World Policy // Encounter. 1983. Dec. P. 17.

⁵³ Morgenthau H. Changes and Chances in American-Soviet Relations // Foreign Affairs (Washington). 1971. April. P. 430.

⁵⁴ Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. Критический обзор организации, методов и содержания буржуазных исследований в США по вопросам международных отношений и внешней политики. М., 1976. С. 81.

(возможность нанесения серьезного ущерба безопасности и благосостояния нации); важные интересы (потенциально серьезный ущерб для страны); периферийные, или мелкие, интересы (интересы локального характера).⁵⁵ Высшим критерием «национального интереса» любой крупной державы, считал Г. Моргентау, является достижение региональной или мировой гегемонии. Советский Союз, добавлял он, борется за «удовлетворение извечных национальных интересов России так же, как боролись Петр Великий и Александр I».⁵⁶

Объявляя «национальные интересы» стержнем внешней политики любого государства, Г. Моргентау особое предпочтение отдавал американским национальным интересам. Именно они, по его мнению, требуют постоянного учета первостепенного значения политического преобладания США в Европе, равно как и обеспечения баланса сил в Европе и в Азии. «В своем простейшем выражении, — писал он, — национальные интересы Соединенных Штатов требуют, чтобы они политически преобладали в Западном полушарии. Это преобладание будет под угрозой, если Европа или Азия окажутся под контролем державы или группы держав, достаточно сильных для того, чтобы самостоятельно или с помощью стран Западного полушария напасть на США. Отсюда следует, что для американской безопасности жизненно важно, чтобы в Европе и Азии поддерживалось равновесие в системе баланса сил, а именно: две или больше групп держав противостояли друг другу, не позволяя ни одной из них усилить свою мощь военными или политическими захватами в Западном полушарии».⁵⁷

Таким образом, концепция «национальных интересов» как по своей сути, так и по своей форме служила и служит идеологическим оправданием высшей цели США — достижению мирового господства. В ее основе лежит философия эгоцентрического, крайнего индивидуализма, принявшего затейливо извращенную форму «мессии» XX в., «исторического предопределения» американского владычества над миром. Вот почему эта концепция получила широкое распространение в американской буржуазной политике и нашла активную поддержку у практических политиков. Об этом свидетельствует, в частности, книга Д. Грейбера «Кризис дипломатии», в которой предпринята попытка применить концепцию «национальных интересов» к новым условиям, созданным в мировой политике запуском советского спутника. Хотя автор и выступает против мировой

⁵⁵ См.: Morgenthau H. In Defence of the National Interest. New York, 1952. P. 92; Morgenthau H. Politics in the XXth Century. Vol. 1. Chicago, 1962. P. 91; Nuechterlein D. United States National Interest in a Changing World. Lexington, 1973.

⁵⁶ Morgenthau H. In Defence of the National Interest. P. 97—98.

⁵⁷ Цит. по: Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. С. 89.

войны, но тем не менее заявляет, что «национальные интересы» оправдывают любое вмешательство США в дела других государств. Д. Грейбер утверждает, что только на пути постоянной, истощающей врага интервенции возможна надежда на успех в борьбе с «мировым коммунизмом». В изменившейся обстановке политика вмешательства должна быть более тонкой, дальновидной, умело сочетающей «методы прямой и косвенной интервенции».⁵⁸ Что касается практических политиков, то об их отношении к названной концепции красноречиво свидетельствует деятельность администрации Р. Рейгана, за восьмилетний период существования которой было совершено немало интервенционистских акций под предлогом защиты «национальных интересов» США.

Разрабатывая концепцию «национальных интересов», Г. Моргентаву первостепенное значение в ее обосновании придавал силе. Политика «национальных интересов», по его мнению, не может быть успешной, если она не подкреплена силой. Понятие силы в интерпретации Г. Моргентаву выступает как главная отличительная черта государства, как нечто органически, «внутренне присущее» ему. Это понятие в известной степени интегрирует определенные стороны внутренней политики, представляя собой, с точки зрения внешнеполитического анализа, как бы ее исходный и конечный результат. Особая трактовка понятия силы в работах Г. Моргентаву обусловлена характером международных отношений в условиях империализма. Она складывалась также «под непосредственным воздействием оценки Г. Моргентаву итогов второй мировой войны как результата превосходства государств антигитлеровской коалиции в суммарной военной, экономической, политической, научно-технической и т. д. мощи».⁵⁹

Многие неудачи внешней политики США в послевоенный период Г. Моргентаву видит в том, что эта политика не в полную меру использовала фактор силы, поскольку страдала такими недостатками, как «утопизм» — слепая вера в то, что в отношениях между США и другими государствами нет каких-либо корыстных целей, а господствуют «моральные принципы»; «легализм» — привычка надеяться на некие абстрактные юридические схемы, полагая, что при помощи договоров и законов можно решить все политические вопросы; «сентиментализм» — неустанная забота о «всеобщем благополучии» в ущерб интересам собственной страны; «неоизоляционизм» — стремление установить отношения со всем миром только на «американских условиях», на основе «иллюзии об американском всемогуществе».⁶⁰

⁵⁸ Graber D. Crisis Diplomacy. Washington, 1959. P. 367.

⁵⁹ Кривохижа В. И. Понятие «сила» в американских исследованиях // США — экономика, политика, идеология. 1975. № 9. С. 116.

⁶⁰ См.: Morgenthau H. In Defence of the National Interest. P. 122.

Согласно Г. Моргентау, понятие «сила» в широком смысле (как выражение национальной мощи) включает в себя следующие основные компоненты: географическое положение; природные ресурсы; промышленный потенциал; военную подготовленность (в том числе уровень развития военной техники, военного руководства, количество и качество вооруженных сил); численность населения; «национальный характер» (отношение населения к войне); «национальную мораль» (отношение населения к правительственной политике); качество дипломатии, которая выступает как «самый главный фактор, определяющий мощь страны». Как пишет Г. Моргентау, дипломатия—«это искусство совмещения различных элементов национальной мощи вокруг достижения внешнеполитических целей», это—качество правительства, т. е. его способность обеспечить поддержку своей внешней политики со стороны общественного мнения.⁶¹

Называя качество дипломатии важнейшим фактором национальной мощи, Г. Моргентау не умалял тем самым роли и значения военной силы, поскольку эффективность политико-дипломатических возможностей, по его мнению, находится в прямой зависимости от военной мощи каждого конкретного государства. В международной политике, пояснял он, именно «военная сила, которая может быть применена на практике или использована как угроза, является наиболее важным материальным фактором, обеспечивающим политическое могущество государства».⁶² Акцент на военную силу в исследованиях Г. Моргентау и других представителей школы «прагматизма и политического реализма» не является случайным. Он отражает общую тенденцию, свойственную внешней политике капиталистических государств, в основе которой был и остается так называемый силовой подход. Силовой подход, подчеркивал В. И. Ленин, вытекает из самой сущности капитализма. Разбирая в свое время лозунг Соединенных Штатов Европы и показывая, что реализация его на практике означала бы «соглашение о дележе колоний», В. И. Ленин добавлял, что «при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы».⁶³

Примат силовых тенденций в общей системе факторов, определяющих внешнюю политику капиталистических государств, логически предполагал отказ Г. Моргентау и его последователей от нравственных запретов в международных делах, освобождение внешней политики от моральных и других гуманистических соображений. Неудивительны в этой связи рассуждения Г. Моргентау о том, что политический реализм безразличен к политическим идеалам и моральным принципам, что он не в

⁶¹ См.: Morgenthau H. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, 1972. P. 106—144.

⁶² Ibid. P. 29.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 353.

состоянии сводить международную политику к законным правилам и институтам.⁶⁴ При таком подходе моральным объявлялось главным образом то, что было полезно сильной стороне, а роль международного права сводилась преимущественно к тому, чтобы «юридически санкционировать завоевания силы».⁶⁵ На эту сторону буржуазной политической мысли обращал внимание К. Маркс, который писал, что «начиная с Макиавелли, Гоббса, Спинозы, Бодена и других мыслителей нового времени, не говоря уже о более ранних, сила изображалась как основа права; тем самым теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали...».⁶⁶

К чести Г. Моргентау следует сказать, однако, что, обосновывая роль силового фактора в международной политике, он в то же время пытался реалистически осмыслить ее в ядерную эпоху. Если условия внутренней и международной жизни, писал он, резко изменились под воздействием ядерного века, то мышление людей, их социальные, политические и идеологические институты остались на уровне доядерного века. Противоречие между традиционным подходом к силовому фактору и возможностью возникновения ядерной войны породило, по его мнению, четыре парадокса в ядерной стратегии современных государств: приверженность к использованию ядерной или иной силы в международных отношениях и боязнь к ней прибегнуть перед лицом всеобщей ядерной катастрофы; стремление выработать такую ядерную политику, при которой можно было бы избежать вероятных последствий ядерной войны; продолжение гонки ядерных вооружений наряду с попытками ее остановить; проведение политики, опирающейся на союзы, в условиях, когда наличие ядерного оружия сделало эту политику устаревшей.⁶⁷

Следствием первого парадокса, по мнению Г. Моргентау, явилось резкое падение значимости военной мощи в условиях ядерного века. Характеризуя кризисные ситуации, возникшие в 50—60-х годах в разных уголках земного шара (Венгрия, Южный Вьетнам, Западный Берлин, Куба и т. д.), в условиях которых ни одна из ведущих держав не рискнула воспользоваться ядерной мощью, Г. Моргентау приходит к выводу: «Чем большей силой наделена та или иная страна, тем меньше она способна ее использовать».⁶⁸ Сознание неразумности ядерной войны, препятствующее применению ядерной силы, отмечает

⁶⁴ См.: Morgenthau H. Politics among Nations. P. 31.

⁶⁵ См.: Генов И. Соотношение права и силы в международных отношениях // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 94.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 314.

⁶⁷ См.: Моргентау Г. Четыре парадокса ядерной стратегии // Американцы размышляют, американцы критикуют: Проблемы внешней политики США / В. В. Городнов и др. М., 1967. С. 320—354.

⁶⁸ Там же. С. 326.

он, преграждает путь и к использованию сил обычного типа, причем в такой степени, в какой применение последних может означать подготовку к применению ядерной силы.

Ядерные державы могут прибегнуть к обычной мощи с относительной безопасностью для себя лишь при условии, что они применяют эту мощь для достижения цели, ограниченной либо по своему характеру, например, в географическом отношении, либо с точки зрения возможности локализации конфликта в политическом плане при наличии воли у конфликтующих сторон. В этом отношении неядерные государства оказываются менее скованными в сравнении с ядерными державами. Сказанное объясняется тем, что опасность эскалации в результате вмешательства одной из ядерных держав с применением ядерного оружия представляется им отдаленной. Однако и здесь, предупреждает Г. Моргентау, большая ответственность возлагается на ядерные державы, которые должны проявлять необходимую сдержанность в использовании силы не только в отношениях друг с другом, но и тогда, когда речь идет об их отношениях с неядерными державами. Это обусловливается постоянно присутствующей опасностью того, что другая ядерная страна может использовать силу от имени неядерного государства, выступающего как противная сторона в споре.⁶⁹

Раскрывая смысл второго парадокса, Г. Моргентау доказывает абсурдность «ограниченной ядерной войны» в современную эпоху. Идея «ограниченной ядерной войны», пишет он, возникала в разные периоды и в разных вариантах (так называемая «чистая» водородная бомба, тактическая ядерная война, дозированное сдерживание, стратегия контрсилы). Она подкреплялась большим количеством специально подобранной литературы, призванной показать разумность такого рода войны. В основе этой идеи лежало стремление примирить непримиримое, найти такой путь для ведения ядерной войны, который не повлечет за собой собственного уничтожения. «Однако, — подчеркивает Г. Моргентау, — безмерная разрушительная сила, заключенная в ядерном оружии, от которой зависит вся динамика войны, делает любые попытки примирить ядерную войну со здравым смыслом безнадежной затеей».⁷⁰ Неосуществимость «ограниченной ядерной войны», по мнению Г. Моргентау, обусловливается тремя факторами: неизбежной неясностью исхода военной акции, неопределенностью намерений противника и, наконец, огромным и непоправимым риском ядерной войны, связанным с возможными ошибками в ходе интерпретации намерений противника.

Суть третьего парадокса, разъясняет Г. Моргентау, состоит

⁶⁹ Там же. С. 327.

⁷⁰ Там же. С. 328.

в том, что количественный и качественный рост ядерного оружия, в отличие от количественного и качественного роста обычных вооружений, имеет свои пределы. «Как только та или иная страна, — пишет он, — получает в свое распоряжение систему доставки, способную перенести последствия первого удара и доставить ядерные боеголовки до всех возможных целей, она одновременно достигает разумного предела в области производства ядерных вооружений. После того как обе стороны достигли этого предела, сколько-нибудь разумное оправдание для продолжения гонки ядерных вооружений отпадает».⁷¹ И тем не менее гонка ядерных вооружений продолжается, и причиной ее, справедливо замечает Г. Моргентау, является тот факт, что привычные мысли и действия, подсказанные опытом, выработанным в период с начала возникновения истории и до конца второй мировой войны, переносятся в век, для которого они совершенно непригодны. Ни соображения стратегии контрсилы, ни перспективы технических усовершенствований, подчеркивает он, не могут оправдать продолжения этой гонки.

И, наконец, характеризуя четвертый парадокс, Г. Моргентау отмечает, что «возникновение ядерного оружия радикально изменило традиционные отношения между союзниками».⁷² Традиционный союз, располагающий ядерным оружием, пишет он, устарел в политическом отношении, поскольку этот союз или не может быть надежной защитой, или же предоставляет одному из его членов право вершить судьбу другого члена в жизненно важных вопросах. Союз, исходящий из необходимости сохранения статус-кво, не может рассчитывать на согласие основных неядерных держав. Союз, в котором ядерным оружием располагает более чем одно государство, не встретит сочувствия со стороны любого члена, вооруженного ядерным оружием. Распространение же ядерного оружия среди отдельных стран, до сих пор им не владеющих, ведет к всеобщей катастрофе. Таким образом, заключает Г. Моргентау, парадокс остается неразрешенным, а методы мышления и деятельности, с помощью которых ядерные державы хотели бы воздействовать на его преодоление, могут в лучшем случае лишь отсрочить обусловленные им разрушительные силы.

Общий вывод, к которому приходит Г. Моргентау на основе анализа четырех указанных парадоксов, выглядит весьма убедительным: «Любая попытка, независимо от ее изобретательности и дальновидности, направленная на увязывание ядерной мощи с целями и методами государственной политики, сводится к нет необычной разрушительной силой ядерного оружия».⁷³ Не менее убедительным выглядит и общее положение, высказанное Г. Моргентау с учетом сделанного выво-

⁷¹ Там же. С. 343.

⁷² Там же. С. 349.

⁷³ Там же. С. 353.

да, — вместо того, чтобы приспособливать ядерную мощь к целям и методам государственной политики, необходимо сами эти цели и методы приспособить к потенциальным возможностям ядерной мощи. Правда, для этого, поясняет он, «нужна радикальная переоценка — психологически мучительная и политически рискованная — традиционных моральных ценностей, методов мышления и привычных форм деятельности».⁷⁴ О том, что такого рода переоценка все-таки идет в современном мире, свидетельствует вступление в силу в июне 1988 г. Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, подписанного руководителями СССР и США в декабре 1987 г.⁷⁵

§ 4. ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Отдавая должное самим американским политологам, нельзя оставить без внимания и европейских представителей буржуазной политической мысли, влияние которых до сих пор ощутимо как в политической теории, так и в политической практике США. Речь идет прежде всего о таких представителях, как итальянский мыслитель и государственный деятель Н. Макиавелли, французский социолог и политический деятель А. Токвиль, австрийский социолог и юрист Л. Гумплович, немецкий ученый М. Вебер, итальянский социолог В. Парето и французский социолог Э. Дюркгейм.

Никколо Макиавелли (1469—1527) — фигура сложная и неоднозначная. На протяжении двух столетий в политической мысли США вокруг его теоретического наследия ведутся острые полемические бои, в ходе которых обнажаются самые разные, подчас прямо противоположные, позиции. С одной стороны, — стремление приспособить макиавеллизм к теоретическим и политическим потребностям американской буржуазии, превратить Макиавелли в «великого учителя», сделать его «своим», истолковать его учение в желаемом духе.⁷⁶ А с другой — представить макиавеллизм как синоним политического, гражданского и человеческого коварства, двуличия, лицемерия, предательства, аморализма, жестокости и т. д. Причем такого рода подход характерен для тех американских политологов, которые, не желая видеть пороков буржуазной политики, обвиняют в аморализме и всех прочих грехах политику социалистическую.

Предпринимаются и другие попытки, в частности объявить

⁷⁴ Там же. С. 354.

⁷⁵ См.: Совместное заявление на высшем уровне в Москве // Правда. 1988. 2 июня.

⁷⁶ Степанов И. А. Макиавеллизм и политическая мысль США. Минск, 1982. С. 143.

Маркса последователем Макиавелли на том основании, что он проявлял большой интерес к его теоретической и практической деятельности. Нет необходимости доказывать, что такого рода попытки лишены оснований, поскольку в трактатах Макиавелли дано истолкование теории и практики политики с позиций буржуазной идеологии. «Макиавелли,—писал А. Грамши,—является полностью человеком своей эпохи; и его политическая наука представляет собой философию времени, которая стремится к организации абсолютных монархий, политической формы, которая позволяет и облегчает дальнейшее развитие буржуазных производительных сил».⁷⁷

Макиавеллизм как совокупность взглядов включает в себя следующие основные идеи: положение о постоянстве и несовершенстве человеческой природы, которая определяющим образом воздействует на характер и динамику политической жизни общества (идея о «всеобщей коррупции»); мысль о том, что государство с его интересами является самоцелью; утверждение о решающей роли в политике фактора силы или отождествление политики с борьбой за силу (власть, могущество); положение о разделенности политики и морали, следовательно, оправдание формулы: в политике «цель оправдывает (любые) средства».⁷⁸ Эти идеи были изложены в важнейших сочинениях Макиавелли: «Государь», «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия», «Военное искусство» и «История Флоренции». Влияние указанных идей на американскую буржуазную политологию, обращает внимание И. А. Степанов, началось в период становления США как самостоятельного, суверенного государства (свидетельством может служить «Федералист»). Это влияние стало еще более заметным в период становления империализма в США и его активной экспансии, а также накануне и в годы второй мировой войны. Однако наиболее бурно процесс ассимиляции идей Макиавелли с американской буржуазной политологией протекал в 50-е и последующие годы. Как отмечал Дж. Хатчисон, «справедливость идей Макиавелли более очевидна в 1950 г., чем в 1850 или даже в 1900 г., для большей части читателей Запада».⁷⁹

В 50-е годы также появились критические интерпретации идей Макиавелли. Среди них наиболее значительны выступления Дж. Крафта, который утверждал, что Макиавелли — не ученый и не реалист, что он «больше вреден, чем полезен», и Л. Стросса, по мнению которого Макиавелли — не патриот и не политический ученый, а всего лишь эгоист и «учитель

⁷⁷ Цит. по: Долгов К. Вступительная статья // Никколо Макиавелли. Избр. соч. М., 1982. С. 50.

⁷⁸ См.: Степанов И. А. Макиавеллизм и политическая мысль США. Минск, 1982. С. 5—6.

⁷⁹ Hutchison J. The Two Cities. New York, 1957. P. 86.

зла».⁸⁰ Из тех, кто разделял основные идеи макиавеллизма, были представители школы «прагматизма и политического реализма», в частности Г. Моргентау, речь о котором шла выше. Как справедливо замечает И. А. Степанов, «для „политических реалистов” характерна двойственность критериев в оценке макиавеллизма: свой макиавеллизм они восхваляют; безосновательно приписывая его другим, они его осуждают».⁸¹ В 60-х годах была предпринята попытка приспособить макиавеллизм к потребностям менеджмента, о чем свидетельствует книга А. Джея «Менеджмент и Макиавелли».⁸² В 1969 г. по инициативе американских политологов в США и Италии были проведены научные конференции, посвященные 500-летию со дня рождения Макиавелли. В 1973 г. в Нью-Йорке вышло четвертомое издание Словаря истории идей (главный редактор Филип Винер), в третьем томе которого помещена статья «Макиавеллизм», написанная Ф. Гилбертом. И в 80-е годы нет сколько-нибудь заметных признаков того, что макиавеллистские тенденции в политологии США пошли на убыль.⁸³

Немалый вклад в американскую буржуазную политологию внес и Алексис де Токвиль (1805—1859). Он сформулировал новую для своего времени теорию демократии, которая заложила основы политической науки в капиталистических странах. В поисках страны для обоснования теории демократии А. Токвиль обратился к США и ее истории, куда и совершил поездку в 1832 г., чтобы иметь возможность непосредственно наблюдать нравы ее политической жизни и составить более точное представление о них. Из всех народов, осуществивших демократическую революцию, он «выбрал такой, у которого она достигла наиболее полного и спокойного развития», с тем чтобы «ясно различить ее естественные последствия и, если возможно, отыскать средства для того, чтобы сделать ее полезною людям».⁸⁴ Не случайно свою книгу о теории демократии А. Токвиль назвал «О демократии в Америке». Отмечая оригинальность ее жанра, авторы коллективного труда по истории политических учений пишут: «С одной стороны, это первое в мировой литературе социологическое исследование американского общества, его политического строя и нравов. Одновременно это работа по общей теории демократии, где Токвиль изложил все основные положения своей политической философии, взгляды на такую узловую проблему, как соотно-

⁸⁰ Цит. по: Степанов И. А. Макиавеллизм и политическая мысль США. С. 116—117.

⁸¹ Там же. С. 121.

⁸² См.: Jay A. Management and Machiavelly: An Inquiry into Politics of Corporate Life. New York, 1967.

⁸³ См.: Степанов И. А. Макиавеллизм и политическая мысль США. С. 136.

⁸⁴ Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897. С. 10.

шение равенства и свободы. В ней содержатся наиболее известные социологические прогнозы Токвиля — об общих перспективах буржуазной демократии, о наиболее вероятных тенденциях ее развития».⁸⁵

Основные идеи книги А. Токвиля могут быть сведены к следующему. Во-первых, во всем мире, считает он, наблюдается неодолимый процесс упадка аристократии и утверждения демократии. «Куда бы мы ни обратили наш взгляд, — писал А. Токвиль, — всюду мы видим такую же революцию (речь идет о революции во Франции. — А. Ф.), простирающуюся на весь христианский мир. Всюду оказывалось, что различные общества, случавшиеся в жизни народов, обращались на пользу демократии». Любые попытки приостановить этот процесс, по его мнению, означали бы сопротивление «божьей воле», поскольку «постепенное развитие равенства есть факт providенциальный и имеет все главные признаки такового: оно существует во всем мире... и все события, как и все люди, служат этому развитию».⁸⁶

Во-вторых, хотя демократия, считает А. Токвиль, имеет меньший по сравнению с аристократией опыт исторического развития, а средства, используемые ею, далеко не совершенны и зачастую работают против самой же демократии, тем не менее преимущества ее весьма очевидны. Несмотря на свои недостатки, правление с помощью демократии способно содействовать гораздо большему процветанию общества. «Законы демократии, — пояснял А. Токвиль, — вообще стремятся к благу наибольшего числа, так как они исходят из большинства всех граждан, которое может ошибаться, но не может иметь интересов, противоположных ему самому. Законы аристократии стремятся, напротив, монополизировать в руках немногих богатство и власть, так как аристократия по природе своей составляет меньшинство. Значит, можно сказать вообще, что цель, преследуемая в своем законодательстве демократией, полезнее для человечества, чем цель аристократии».⁸⁷

В-третьих, свое наиболее полное воплощение демократия, по мнению А. Токвиля, находит в политической жизни США, в американской конституции, структуре государственных органов, политических нравах американского народа. Отмечая достоинства конституции США, А. Токвиль объясняет их, помимо всего прочего, тем фактом, что эта конституция в силу счастливого стечения обстоятельств была создана самыми выдающимися людьми Америки — знаменитыми «аристократами духа и знаний» — Дж. Мэдисоном, Дж. Уилсоном, Б. Франкли-

⁸⁵ Политические учения: история и современность. Марксизм и политическая мысль XIX века / Под ред. В. Е. Гулиева, П. С. Грацианского и В. С. Нерсисянца. М., 1979. С. 72.

⁸⁶ Токвиль А. О демократии в Америке. С. 3—4.

⁸⁷ Там же. С. 188.

ном, Дж. Вашингтоном, А. Гамильтоном и др. «Главная причина превосходства союзной конституции, — подчеркивал А. Токвиль, — заключается в самом характере ее составителей... законодатели Союза были почти все людьми замечательными своими знаниями и еще более своим патриотизмом».⁸⁸

И, наконец, в-четвертых, говоря о преимуществах американской демократии, А. Токвиль не обходил вниманием и ее недостатки. Эти недостатки он видел прежде всего в том, что те, на кого в США возлагается ведение общественных дел, часто по своим способностям и нравственности стоят ниже тех людей, которых могла бы привести к власти аристократия. Правда, тут же А. Токвиль добавляет, что совершение людьми, наделенными политической властью в Америке, бесчестных дел или ошибок — это якобы дело временное и поправимое, поскольку «они никогда не будут систематически действовать в направлении, враждебном... большинству, и с ними не может случиться, чтобы они направили правительство на исключительный и опасный путь».⁸⁹ Недостатки американской демократии А. Токвиль усматривал также в господстве общественного мнения, которое обладает огромной принудительной властью, не сравнимой ни с какими законами. «Когда люди по положению равны, — замечал он, — то общественное мнение всегда громадной силой давит на ум каждого индивидуума; оно управляет им, охватывает и подавляет его... По мере того, как люди делаются все более сходными, каждый чувствует себя все более и более слабым перед лицом всех».⁹⁰

Деформации американской демократии, по мнению А. Токвиля, способствует, кроме того, и тот факт, что она парадоксально сочетает в себе несовместимые начала: реальную свободу для проведения дискуссий, с одной стороны, и недопущение независимости мышления — с другой. «В Америке, — по словам А. Токвиля, — большинство ограничивает мысль грозным кругом. Внутри его пределов писатель свободен; но горе ему, если он осмелится выйти из него. Это не значит, чтоб ему грозило ауто-да-фе, но он подвергнется неприятностям всякого рода и повседневному преследованию. Политическая карьера для него закрыта, потому что он оскорбил единственную власть, которая может ее открыть... Он наконец уступает, сгибается под ежедневными усилиями и снова замолкает, как будто бы он чувствовал угрызения совести оттого, что сказал правду».⁹¹ Демократии в Америке, согласно А. Токвилю, угрожает индивидуализм, который приводит к такому отрицательному последствию, как отказ граждан от участия в общественной жизни. «В демократические времена, — свидетельство-

⁸⁸ Там же. С. 120—121.

⁸⁹ Там же. С. 189.

⁹⁰ Там же. С. 522.

⁹¹ Там же. С. 208.

вал он, — частная жизнь так деятельна, так беспокойна, так переполнена стремлениями и трудами, что у каждого человека почти не остается ни энергии, ни досуга для политической жизни».⁹²

Взгляды А. Токвиля на буржуазную демократию вообще, на американскую демократию в частности оцениваются далеко не одинаково в США. Эти взгляды импонируют тем политическим и общественным кругам, которые верят в устойчивость американской демократии, в ее способность противостоять тоталитарному режиму и отстаивать принципы конституционализма и политической свободы. Они весьма близки также тем теоретикам и практикам, которые в религиозности американцев видят истоки «консенсуса» американского общества и для которых именно религия выступает своего рода стержнем американской системы ценностей, эффективным средством социальной интеграции.⁹³ Их широко используют в своих работах сторонники структурного функционализма⁹⁴ и критики конформизма.⁹⁵ Что касается критиков взглядов А. Токвиля на американскую демократию, то их количество возрастало по мере нарастания массового движения протеста в США. В свете этого движения все более обнаруживались скрытые до этого социально-политические противоречия американского общества. Под влиянием идеологии «новых левых» усилилось критическое отношение к истории Америки, в том числе к идеализированному А. Токвилем периоду так называемой «джексоновской демократии»,⁹⁶ «который отнюдь не был свободен от проблемы неравенства, классовых противоречий и партийной борьбы и для которого было характерно усиление власти президента, бросившего вызов верховному суду и навязавшего свою волю конгрессу».⁹⁷

О Людвиге Гумпловиче (1838—1909), который был профессором государственного права в Австрии и даже вице-президентом Международного института социологии в Париже (в 1895 г.), в Америке пишут гораздо меньше, чем о А. Токвиле, хотя заслуг его перед американской буржуазной политологией не отрицают. Американцы особо подчеркивают важность критики А. Гумпловичем спекулятивно-метафизической философии государства (различных эпигонских вариантов кан-

⁹² Там же. С. 545.

⁹³ См., напр.: Boorstin D. The Genius of American Politics. Chicago, 1958; Lipset S. The First New Nation. New York, 1963.

⁹⁴ См.: Almond G., Verba S. Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Boston, 1965.

⁹⁵ См.: Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven, 1969.

⁹⁶ Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. Ill., 1969. P. 39—58; Zeitlin I. Liberty, Equality and Revolution in Alexis de Tocqueville. Boston, 1971. P. 48—62.

⁹⁷ Политические учения: история и современность. С. 100.

тианства (шеллингианства и гегельянства), которая под видом системы логических выводов из априорного принципа, из «идеи» безудержно восхваляла определенные конкретно-исторические политические взгляды и учреждения. Эта критика в значительной степени была направлена против идеологических функций и демагогии в политической науке. Увлечшись подобного рода критикой, Л. Гумплович гипертрофировал различия между политикой и идеологией, противопоставил их друг другу и тем самым стремился доказать возможность существования деидеологизированной науки о государстве и политике. При этом, как замечает советский исследователь В. Д. Зорькин, он и его сторонники «игнорировали то обстоятельство, что политическая наука уже в силу специфики предмета своего исследования не может быть беспартийной и индифферентной к классовым интересам и политическим ценностям».⁹⁸

Догматизму и метафизике Л. Гумплович противопоставил свой, социологический подход к государству и политике в целом. В книге «Социология и политика», опубликованной в конце прошлого века, он подчеркивал, что «лишь опираясь на социологию, политика станет позитивной наукой». Социология, по мнению Л. Гумпловича, имеет то значение для практической политики, что устанавливает закономерное, а потому неизбежное направление социального развития. В этом смысле социология, отмечал он, — это философская основа всех социальных наук, призванная осуществлять связь между ними. В отличие от философии истории, задача которой состоит в том, чтобы выяснить, откуда и куда движется человечество, социология занимается исследованием социальных групп и отношений между ними.⁹⁹ Л. Гумплович считал также, что непрерывная и беспощадная борьба между различными социальными группами составляет главный фактор не только политической, но и общественной жизни. В качестве основного социологического закона он объявлял «стремление каждой социальной группы подчинить себе каждую другую социальную группу, встречающуюся на ее пути, стремление к порабощению и господству».¹⁰⁰

Опираясь на этот закон, Л. Гумплович пытался подменить материалистическую теорию происхождения государства «теорией насилия», а марксистскую теорию классовой борьбы — борьбой рас и племен. «История не предъявляет нам ни одного примера, — писал он, — где бы государство возникло не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе. Кроме того, это

⁹⁸ См.: История политических и правовых учений / Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1983. С. 506—507.

⁹⁹ См.: Гумплович Л. 1) Социология и политика. М., 1895. С. 68; 2) Социологические очерки. Одесса, 1899. С. 14.

¹⁰⁰ Гумплович Л. Социология и политика, С. 159.

всегда являлось насилием одного племени над другим; оно выражалось в завоевании и порабощении более сильным чужим племенем более слабого, уже оседлого населения».¹⁰¹ В результате такого насилия образуется единство противоположных элементов государства: властвующих и подвластных, правящих и управляемых, господ и рабов, победителей и побежденных. Не божественное провидение, общественный договор или идея свободы, а столкновение враждебных племен, грубое превосходство силы, борьба, войны, опустошение, словом, насилие — вот что, по мнению Л. Гумпловича, создает государство и характеризует его деятельность. С появлением государства, подчеркивал он, международные конфликты не исчезают, а продолжают в новой форме: «... что на примитивнейшей ступени было борьбой антропологически различных орд... то на высшей ступени развития, достигнутой нами, обращается в борьбу социальных групп, классов, сословий и политических партий».¹⁰²

Как это ни парадоксально, но свою теорию насилия Л. Гумплович стремился сочетать с апологией социал-реформизма, что и дало основание идеологам американского капитализма рассматривать его учение как респектабельную альтернативу марксизму. Дело в том, что свою характеристику государства как инструмента насилия, угнетения и господства одного класса над другим Л. Гумплович относил преимущественно к прежним эпохам (азиатскому деспотизму, античному полису, феодальной монархии). Применительно же к капитализму он пытался доказать, что перечисленные формы властвования значительно смягчаются и выступают в менее суровом виде.

Политическое развитие в условиях капитализма, согласно Л. Гумпловичу, идет «по направлению возрастающего равноправия низших слоев с высшими, подвластных с властвующими», в результате чего образуется «современное культурное государство», существенными чертами которого являются: равноправие граждан и законность; режим либеральной демократии, парламентаризм, участие всех классов и групп в решении государственных дел, в законодательстве и управлении посредством народного представительства; обеспечение всеобщего народного благосостояния в материальной и духовной сферах.¹⁰³ В этой связи нельзя не согласиться с В. Д. Зорькиным, который отмечает, что «буржуазный социал-реформизм оказывается тем пределом, которым, по Гумпловичу, завершается история. Весь пафос разоблачения и критики эксплуататорского характера государства в данной теории оказывается

¹⁰¹ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб., 1910. С. 47.

¹⁰² Гумплович Л. Основы социологии. СПб., 1899. С. 194.

¹⁰³ См.: История политических и правовых учений. С. 508.

повернутым в прошлое, чтобы на этом фоне лучше продемонстрировать социал-реформистский идеал «современного культурного государства».¹⁰⁴

Весьма большой резонанс в американской буржуазной политологии получили работы М. Вебера (1864—1920), который, как и Л. Гумплович, подчеркивал, что «задачей социальной науки является теоретическое обоснование имеющейся политической программы», но который в отличие от последнего в основу своей «государственной социологии» положил особую схему «идеальных типов господства», включающую следующие разновидности: господство «традиционное», основывающееся на вере в незыблемость и святость определенных традиций; господство «харизматическое», в основе которого лежит убеждение, вера в сверхъестественные качества вождя, лидера, и, наконец, господство «рациональное», основанное на вере людей в законность (легитимность) существующей политической и государственной системы. Отдавая предпочтение господству рациональному, М. Вебер обосновывал свою теорию государственной бюрократии, которая получила широкое распространение и дальнейшее развитие в американской буржуазной политологии, в частности в работах Р. Мертон, Селзника, Гоулдера и др.¹⁰⁵

Выдавая концепцию государственной бюрократии М. Вебера за универсальную модель государственного управления любого современного общества, американские буржуазные политологи при этом всячески возвеличивают самого М. Вебера, ставя его чуть ли не в один ряд с К. Марксом.¹⁰⁶ Однако, как справедливо заметил во вступительной статье к книге «Американская социология» Г. В. Осипов, постановка буржуазными обществоведами «в один ряд основоположника научного коммунизма К. Маркса и немецкого буржуазного социолога М. Вебера лишена всякого основания».¹⁰⁷ Дело заключается в том, что теоретические послышки учения М. Вебера, и прежде всего его политическая часть, содержат немало противоречивых моментов. Подчеркивание либеральных, псевдодемократических методов в политике сочетается в этом учении с апологией политической реакции, реформистские тенденции (в частности, призывы к сотрудничеству с реформистскими деятелями и оппортунистически настроенными руководителями германской социал-демократии) — с необходимостью проведения твердой

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ См.: Merton R. e. a. (eds.), Reader in Bureaucracy. Glencoe, 1952; March J. and Simon H. Organizations. New York, 1967.

¹⁰⁶ См.: Смелсер Н. Социология экономической жизни // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1972. С. 200.

¹⁰⁷ Там же. С. 21.

государственной политики в отношении трудящихся,¹⁰⁸ стремление к рационализму в теории с иррационализмом на практике, что особенно видно на примере отрицательной оценки им действий пролетариата и его партии, поскольку они направлены на изменение политического господства буржуазии.¹⁰⁹

С теорией государственной бюрократии М. Вебера тесно связана и его теория демократии.¹¹⁰ Разрабатывая данную теорию, М. Вебер опирался на те изменения, которые произошли в капиталистическом обществе в связи с переходом от «свободного предпринимательства» к государственно-монополистическому капитализму и которые сопровождались изменениями в его социальных и политических структурах. Суть этих изменений заключается в тотальной бюрократизации, являющейся неотвратимой судьбой всех современных демократий, у которых нет иного выбора.¹¹¹ Чтобы справиться с тотальной бюрократизацией, нужны новые механизмы контроля, разработкой которых и призваны заниматься специалисты в области теории демократии. Важное место в этом механизме М. Вебер отводил харизматическому политическому лидерству, в котором он видел существенный противовес тотальной бюрократизации. Обосновывая конструктивный характер харизматического лидерства, М. Вебер оставил открытым вопрос о возможном перерастании его в систему тоталитарного правления, что послужило поводом для самого разного толкования предложенной им теории демократии.¹¹²

Формулируя концепцию «вождистской демократии», М. Вебер, по существу, сводил к минимуму фактическое участие масс в осуществлении политической власти. Сказанное объясняется тем, что основную задачу «демократизации» политической системы он видел не в последовательном осуществлении буржуазно-демократического принципа «правления от имени народа», а в устранении засилья неконтролируемой бюрократии. Массам в такой системе предоставлялось лишь право выбора между конкурирующими элитами, а также возможность оказания им необходимой поддержки. Демократия, по М. Веберу, не предусматривает ответственности политических элит перед народом, равно как и каких-либо форм контроля с его стороны, за принятием политических решений. В этой связи не

¹⁰⁸ См.: Шабад Б. А. Империализм и буржуазная социально-политическая мысль. Критический анализ некоторых новых тенденций в идеологии империалистических реакций. М., 1969. С. 180—181.

¹⁰⁹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1921. S. 784.

¹¹⁰ См.: Ожиганов Э. Н. Теория «демократии» Макса Вебера // Проблемы политических наук: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1979. М., 1980. С. 173—184.

¹¹¹ См.: Weber M. *Staatssoziologie*. München, 1966. S. 47—55.

¹¹² См.: Mommesen W. *The Age of Bureaucracy: Perspectives on the Political Sociology of Max Weber*. Oxford, 1974. P. 91.

случайно, что, открыто защищая интересы буржуазии, М. Вебер призывал к формированию такой политической системы, «моделью которой служила для него буржуазная демократия США и в которой главный упор делался на „сильный парламент” и активность национальных политических партий. Данная система предназначалась прежде всего для нейтрализации политической активности как правых, так и левых, прежде всего коммунистических, партий и организаций».¹¹³

Несомненное влияние на американскую буржуазную политологию оказали работы итальянского экономиста и социолога Вильфредо Парето (1843—1923), в особенности его четырехтомный «Трактат по общей социологии», вышедший в Италии в 1915—1919 гг., впервые опубликованный в США на английском языке в 1935 г. и затем неоднократно переиздававшийся там.¹¹⁴ Высоко оценивая этот «Трактат...», Т. Парсонс писал, в частности, что в нем ничего нет такого, что может быть отброшено с теоретической или методологической точки зрения.¹¹⁵ Еще более четко высказался по данному поводу Л. Козер, заявив, что труды В. Парето следует рассматривать как «буржуазный ответ Марксу или как его консервативный функционалистский эквивалент».¹¹⁶ О большом интересе к работам В. Парето среди американских политологов свидетельствует также тот факт, что именно в США (при Гарвардском университете) еще в начале 30-х годов был организован специальный семинар по изучению его концепций, в котором принимали участие такие крупные впоследствии ученые, как Т. Парсонс, Р. Мертон, Дж. Хоманс, У. Уайт, К. Клакхон и др.

Как видно из работ американских буржуазных, советских и зарубежных марксистских авторов,¹¹⁷ наибольший интерес для политологов и социологов США представляли следующие элементы учения В. Парето. Во-первых, это — методология исследования политической жизни общества. Как известно, в основе этой методологии у В. Парето был системный подход к

¹¹³ Ожиганов Э. Н. Теория «демократии» Макса Вебера. С. 181—182.

¹¹⁴ См.: Pareto V. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. New York, 1963.

¹¹⁵ Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York, 1961. P. 300.

¹¹⁶ Coser L. *Masters of Sociological Thought*. New York, 1971. P. 423.

¹¹⁷ См., напр.: Borkenau F. *V. Pareto*. New York; London, 1936; Lasswell H., Derner D., Rothwell A. *The Comparative Study of Elites*. Stanford, 1952; De Grazia A. *Political Behaviour*. New York; London, 1966; Lipset S., Solari A. (eds.). *Elites in Latin America*. New York, 1967; Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites*. New York, 1973; Кузьмин Э. Л. Идейное банкротство буржуазной демократии. М., 1977; Ашин Г. К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. М., 1978; Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978; Вятр Е. Социология политических отношений; История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И. С. Кона. М., 1979; История политических и правовых учений; Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. М., 1985.

обществу, отрицающий однолинейный характер причинно-следственных отношений в пользу совокупности переменных, находящихся в состоянии функционального взаимодействия. Опираясь на этот подход, В. Парето рассматривал политическую систему в состоянии постепенно нарушаемого и восстанавливаемого равновесия. Модель равновесия, в которой все части жестко взаимосвязаны между собой и механически влияют друг на друга, — это и есть, по его мнению, реальный образ политической системы, существующей в обществе. Изменения в одной части системы, писал он, немедленно передаются другой ее части, и вся система благодаря этому приходит в движение, пока вновь не восстанавливается «динамичное равновесие».¹¹⁸

Согласно В. Парето, важнейшими факторами, определяющими характер и развитие политической системы, являются не объективные законы, а человеческие чувства, которые, хотя и не осознаются чаще всего самими людьми, тем не менее служат главной пружиной, приводящей в движение всю систему. Человеческие чувства проявляются главным образом в форме так называемых «нелогических» действий, которые потому так и называются, что люди, их совершающие, не знают истинных связей между явлениями и вследствие этого используют неадекватные средства для достижения целей, «нелогически» соединяя цели и средства. В реальной жизни человеческие чувства, как правило, маскируются людьми и выступают в форме «логических» действий, объясняемых с помощью различного рода теорий и аргументов. Объясняется это тем, писал В. Парето, что человек в отличие от животного «имеет способность мыслить и поэтому набрасывает покрывало на свои инстинкты и чувства».¹¹⁹ Ошибку всех предшествующих исследователей В. Парето видел в том, что они пренебрегали «нелогическими» действиями людей и изучали лишь их «логические» действия, т. е. ограничивались анализом субъективного аспекта политической и общественной действительности. Отдавая приоритет чувствам и считая их истинными движущими силами человеческой истории, В. Парето, по справедливому замечанию Е. В. Осиповой, «вынужден был встать на позиции биологизма и психоанализа»,¹²⁰ что предопределило не только индивидуалистический, но и иррационалистический характер его учения.

Во-вторых, американские буржуазные политологи широко используют теорию элиты В. Парето, служащую обоснованием социально-классового неравенства в капиталистическом обществе. С точки зрения В. Парето, в любом обществе всегда пра-

¹¹⁸ Pareto V. *Sociological Writings* / Selected and Introduced by S. E. Finer. New York, 1966. P. 104.

¹¹⁹ Pareto V. *Trattate di Sociologia Generale*. Milano, 1964. Vol. 2. P. 4.

¹²⁰ История буржуазной социологии XIX — начала XX века. С. 316.

вит элита, которая представляет собой избранную часть населения¹²¹ и которой противостоит остальная часть, приспособляющаяся «к полученным от нее стимулам».¹²² В зависимости от того, в какой сфере образуется элита (в политической, экономической или интеллектуальной), она подразделяется на управляющую (господствующую) элиту и неуправляющую (не господствующую) элиту.¹²³

Возникновение и существование «правлящей (господствующей) элиты» обусловлено психологическими качествами людей, которые определяют их способность руководить массами, господствовать над подчиненными «классами», навязывать свою волю другим. Политическая жизнь в обществе осуществляется в форме борьбы и смены различного рода элит, путем их «циркуляции», круговорота: ранее господствующая элита постепенно теряет свои первоначальные качества и вырождается, уступая место новой элите, стремящейся к власти. Причем новая элита рекрутируется из наиболее одаренных представителей низших слоев общества, которые поднимаются вверх, пополняя ряды правящей элиты. В свою очередь, члены последней, деградируя, опускаются вниз, в массы. Циклы подъема и упадка, возвышения и падения элит, по мнению В. Парето, составляют закономерность существования человеческого общества.

В политическом процессе, отмечал В. Парето, как правило, выделяются два типа элит — элита «львов» и элита «лис». Каждому из названных типов элит соответствует свой стиль правления: элите «львов» — агрессивность, авторитарность и склонность к применению насилия, элите «лис» — лавирование, спекуляция и обман. Правительства, писал он, правят, либо применяя силу, либо при помощи соглашательства и уговоров. «Согласие и сила являются инструментами управления на всем протяжении истории».¹²⁴ Ключ к объяснению взлетов и падений правящих элит, их возвышения и упадка, согласно В. Парето, находится во взаимоисключающем характере указанных двух типов правления. Эпоха монополистического капитализма, считал он, характеризуется правлением элиты «лис», которую В. Парето называл «демагогической плутократией».

Отдавая должное такого рода правлению, В. Парето вместе с тем подчеркивал, что оно страдает несовершенством, поскольку одних лишь методов манипулирования недостаточно, чтобы правящий класс мог сохранить свою власть. Он должен уметь вовремя применить силу. Неспособность сделать это свидетельствует о слабости правящей элиты, порождает кризис

¹²¹ Pareto V. *Trattate di Sociologia Generale*. Vol. 2. P. 530.

¹²² Ibid. Vol. 1. P. 168.

¹²³ Ibid. Vol. 2. P. 531.

¹²⁴ Ibid. P. 678.

политической системы и открывает широкие возможности для социалистических и революционно-демократических движений. Отсюда вполне понятна критика со стороны В. Парето буржуазного либерализма с его проповедью гуманизма и компромиссов. Отсюда не случайно заимствование его элитистских идей представителями реакционных кругов империалистической буржуазии.

И наконец, в-третьих, весьма популярной среди американских буржуазных политологов была паретовская концепция идеологии. Исследуя идеологию, В. Парето доказывал, что она представляет собой чисто словесный покров, систему ловких демагогических ухищрений, облаченных в теоретическую форму и призванных замаскировать истинные побудительные мотивы политических действий, корни которых лежат в иррациональных пластах человеческой психики. Для обозначения различного рода идеологий В. Парето использовал специальный термин — «деривации» («производные»), стремясь тем самым подчеркнуть их вторичный, производный от чувств характер. Противопоставляя деривации (идеологии) истине, В. Парето вместе с тем не отрицал их роли и значения в обществе. Он отмечал, в частности, что «деривации принимаются не столько потому, что кого-то убеждают, но потому, что ясно выражают идеи, которые люди уже имели в неосознанном виде. Этот последний факт всегда является главным моментом ситуации. Поскольку деривация была принята, она придала силу и агрессивность соответствующим эмоциям, которые теперь нашли путь к проявлению».¹²⁵

Рассматривая идеологии как ложные формы общественного сознания, В. Парето не делал исключения и для марксистской идеологии. С его точки зрения, ни одна из существовавших или существующих идеологий не имеет научной ценности. Каждая из них представляет собой псевдологическое обоснование уже совершенного или совершаемого действия. Меняются лишь формы идеологий, заменяется одна система аргументаций другой, одни словесные формулировки другими, более гибкими и изощренными. В. Парето утверждал, что псевдологические рассуждения, пустые разглагольствования, ложные аргументы и фальшивые оправдания являются продуктом «мыслительного голода, испытываемого человеческим существом».¹²⁶ Утолить этот голод оказались не в состоянии ни язычники, ни христиане, ни сторонники прогресса и гуманизма, ни представители демократии или плутократии. Не смог сделать этого, по его мнению, и марксизм.

Отрицая заслуги Маркса в политэкономии, резко критикуя исторический материализм и решительно выступая против на-

¹²⁵ Ibid. P. 312.

¹²⁶ Ibid. P. 5.

учного социализма, В. Парето пытался тем самым опровергнуть и марксистскую идеологию, рассматривая ее в качестве «нового евангелия» современности.¹²⁷ Как отмечает в данной связи Е. В. Осипова, суть «опровержений» марксизма, применяемых В. Парето, состоит в том, что «он стремился представить марксистскую теорию одним из частных случаев своей „более широкой“ концепции. Учение о классовой эксплуатации должно было быть растворено в более „широкой“ концепции чередования элит, классовые различия оказывались частным случаем „более широких“ — психологических — различий и т. п. Марксистской партийности противопоставлялось требование придерживаться логико-экспериментальной установки на свободную от ценностных суждений позицию и нейтральную объективность».¹²⁸ Совершенно очевидно, что такое понимание марксизма не могло не встретить благожелательного отношения со стороны американских буржуазных политологов, о чем свидетельствуют их собственные признания.¹²⁹

Говоря о влиянии европейской общественно-политической мысли на американскую буржуазную политологию, нельзя не упомянуть имя Эмиля Дюркгейма (1858—1917), который в свое время считался главой социологической школы во Франции и который с самого начала своей деятельности выступил против марксизма, что обусловило популярность его взглядов в буржуазных кругах Европы и Америки.¹³⁰ Э. Дюркгейм — один из авторов теории «социальной солидарности», затуманивающей классовую сущность общественно-политических отношений при капитализме. Социальная солидарность, по его мнению, формируется под влиянием разделения труда в обществе. Именно разделение труда, писал он, все более и более осуществляет ту роль, «которую некогда исполняло общественное сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрега-

¹²⁷ См.: Pareto V. *Sociological Writings / Selected and Introduced by S. E. Finer*. P. 11.

¹²⁸ История буржуазной социологии XIX — начала XX века. С. 330—331.

¹²⁹ См.: De Grazia A. *Political Behaviour*. P. 47.

¹³⁰ В американской литературе учению Э. Дюркгейма посвящено много работ, в том числе: Gouldner A. *Introduction // Durkheim E. Socialism and Saint-Simon*. Ohio, 1958; Emile Durkheim: A Collection of Essays / Ed. by K. Wolff. New York, 1960; Parsons T. *Durkheim Emile // International Encyclopedia of the Social Science*. New York; London, 1968; Nisbet R. *Sociology of Emile Durkheim*. New York, 1974; Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. — Из работ советских авторов наибольший интерес представляют: Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964; Коржева Э. М. Категория политического сознания и ее роль в концепции Эмиля Дюркгейма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия. 1968. № 4; Гофман А. Б. «Социологизм» как концепция: Эмиль Дюркгейм // Историко-философский сборник. М., 1972; Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977; История буржуазной социологии XIX — начала XX века.

ты высших типов».¹³¹ Понимая под разделением труда его профессиональную специализацию, Э. Дюркгейм доказывал, что наиболее полное выражение оно достигает в условиях высоко-развитого общества.

Чем более совершенный характер получает разделение труда в обществе, тем более выраженной становится социальная солидарность его членов. В архаических обществах, которые отличаются низким уровнем разделения труда, одинаковостью исполняемых индивидами функций, имеет место лишь механическая солидарность, основанная на поглощении индивидуальности коллективом, на полном растворении индивидуального сознания в коллективном сознании. Иначе обстоит дело с развитыми обществами, в которых каждый индивид выполняет какую-либо одну специальную функцию в соответствии с разделением общественного труда, ставя себя в зависимость от других индивидов и тем самым способствуя формированию органической солидарности. Обмениваясь своей деятельностью в условиях все увеличивающейся специализации труда, выполняя взаимодополняющие функции, индивиды невольно составляют единое целое. При органической солидарности меняется качественно и коллективное сознание. По мере развития разделения труда оно становится слабее, неопределеннее и все более превращается в рационалистическое сознание, ориентированное на отдельного индивида.¹³²

Отстаивая идею социальной солидарности и рассматривая ее в качестве высшей и универсальной ценности, признаваемой всеми членами общества, Э. Дюркгейм в то же время пытался проанализировать причины, препятствующие ее полной реализации в капиталистическом обществе. К числу этих причин он относил: аномию (состояние, характеризующееся отсутствием норм), социальное неравенство и неадекватную организацию разделения труда. Нарушение органической солидарности обусловлено, по его мнению, прежде всего отсутствием или недостаточной разработанностью правил, регулирующих отношения между социальными функциями, которые «не приспособлены друг к другу».¹³³ Игнорирование нормативного регулирования экономических отношений в угоду стихийно действующему рынку ведет к дезорганизации производства, а она, в свою очередь, разрушает солидарность.

К отклонению от органической солидарности ведет также социальное неравенство, в особенности порождаемое сохраняющейся традицией наследования семейного имущества, которая, согласно Э. Дюркгейму, является анахронизмом. Подразделяя социальное неравенство на «внутреннее» (обусловленное спо-

¹³¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 137.

¹³² См.: Там же. С. 122.

¹³³ Там же. С. 284.

собностями и талантами индивидов) и «внешнее» (связанное с несправедливым распределением собственности), Э. Дюркгейм отдавал предпочтение первому. Он утверждал, в частности, что «труд разделяется спонтанно только тогда, когда общество организовано таким образом, что социальное неравенство точно соответствует естественному неравенству».¹³⁴ Из сказанного отнюдь не следует, что Э. Дюркгейм отрицал частную собственность в условиях капитализма. Она была для него такой же незыблемой, как и само социальное неравенство. То новое, что предлагал Э. Дюркгейм, состояло не в ликвидации частной собственности, а в устранении порядка наследования ее по закону, который, с его точки зрения, порожден примитивными обществами с их коллективной собственностью и обречен на скорое исчезновение.¹³⁵

И, наконец, устой социальной солидарности, по мнению Э. Дюркгейма, подрываются тогда, когда отсутствует должная координация профессиональных функций работников, вследствие чего сами они проявляют недостаточную профессиональную активность. «В административной машине, — писал он, — в которой должностные лица не имеют достаточно занятий, движения плохо приспособляются друг к другу, операции происходят без единства, словом, солидарность ослабляется, появляются беспорядок и несвязность».¹³⁶ При этом Э. Дюркгейм добавлял, что не социальные революции, разрушающие существующие общественные связи и отношения, а регламентирование и постоянное совершенствование организации труда в состоянии придать эффективность административной машине и привести капиталистическое общество к подлинной солидарности.

Другими словами, выделяя основные причины, влекущие за собой деформацию социальной солидарности, Э. Дюркгейм наивно полагал, что они могут быть устранены в условиях капиталистического общества. Преодоление «ненормальных форм» разделения труда при капитализме, замечает по данному поводу Е. В. Осипова, «мыслилось Дюркгеймом на пути мирного разрешения конфликтов, уменьшения борьбы и конкуренции до приемлемых размеров, установления устойчивого свода правил, регламентирующих отношения классов, введения справедливости и равенства „внешних условий“, т. е. равенства социальных возможностей, чтобы воздать всем по заслугам».¹³⁷ Как об этом свидетельствует история капитализма, подобного рода пути преодоления пороков буржуазного общества, предложенные Дюркгеймом, оказались нереальными, утопичными.

Под углом зрения идеи социальной солидарности Э. Дюрк-

¹³⁴ Durkheim E. Selected Writings. Cambridge, 1972. P. 182.

¹³⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. С. 312.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. С. 124.

гейм истолковывал также роль и значение государства в капиталистическом обществе. Государство, в его представлении, — это «коллективный разум», поставленный на место «темного инстинкта», это надклассовый орган, обеспечивающий единство и внешнюю безопасность общества. Его главная задача — «думать» и «действовать» за все остальное общество, а наиболее важная функция — защищать права и интересы личности, обеспечивать достижение ею собственной автономии. «Существенной функцией государства, — писал он, — является освобождение индивидуальных личностей».¹³⁸ Счастье и благополучие личности, полагал Э. Дюркгейм, зависит от состояния государства, от степени упорядоченности общественной жизни. Они тем полнее и больше, чем упорядоченнее общественная жизнь и, следовательно, чем более гарантируются права и свободы индивидов.¹³⁹ Отвергая учение Маркса о классовой борьбе и сломе буржуазной государственной машины, Э. Дюркгейм считал, что улучшение экономического положения рабочего класса должно быть результатом не социалистической революции, а дальнейшего развития экономических функций буржуазного государства. «Улучшение судьбы рабочих, — подчеркивал он, — не является особой задачей: это одно из следствий сосредоточения экономической деятельности в руках управляющих органов общества».¹⁴⁰

Подчеркивая важную роль государства в защите прав и интересов личности, Э. Дюркгейм в то же время предостерегал от чрезмерного преувеличения его функций при капитализме. С этой целью он предлагал создание в обществе наряду с государством различного рода промежуточных или вторичных групп и ассоциаций, призванных ограничивать политическую власть государства, уравнивать ее влияние в обществе. «Коллективная сила, какой является государство, — отмечал он, — чтобы быть освободительницей индивида, сама нуждается в противовесе; она должна поддерживаться другими коллективными силами, а именно вторичными группами».¹⁴¹ К числу такого рода промежуточных групп он относил прежде всего профессиональные группы и профессиональные корпорации, регулирующие поведение индивидов с позиции партикулярной системы моральных норм. Причем эффективность действия партикулярных норм ставилась Э. Дюркгеймом в прямую зависимость от стабильности и внутренней организации самих промежуточных групп. «Профессиональная группа, — пояснял он, — обладает всем, чем нужно, чтобы охватить индивида и вырвать его из состояния морального одиночества, а ввиду нынешней слабости других групп только она может исполнять

¹³⁸ См.: Там же. С. 187.

¹³⁹ См.: Там же. С. 126.

¹⁴⁰ Там же. С. 49.

¹⁴¹ Там же. С. 188.

эту необходимую службу».¹⁴² Что касается профессиональных корпораций, то это такие объединения, которые включают в себя как предпринимателей, так и рабочих. Они выполняют не только экономические, но и социальные, моральные и политические функции. Прослеживая историческую эволюцию профессиональных корпораций, Э. Дюркгейм «делал утопический вывод о возможности примирения на их базе интересов предпринимателей и рабочих».¹⁴³

Как отмечают сами буржуазные исследователи,¹⁴⁴ подход Э. Дюркгейма к анализу взаимоотношения государства и личности отражал противоречивый характер его учения: с одной стороны, признание приоритета общества и государства по отношению к индивиду, зависимости морали и права от нравов народов, авторитета общества и государства, социального происхождения всех государственных идей, языка, его роли и религии, а с другой — вера в право человека на свободу, равенство и братство. Отдавая предпочтение обществу и государству, а не личности, социальному, а не индивидуальному, Э. Дюркгейм, однако, не смог материалистически объяснить это социальное, поскольку сводил его преимущественно к идеологическому, точнее — к моральному, чем значительно обеднил характер своего учения.

¹⁴² Там же. С. 40.

¹⁴³ Там же. С. 192.

¹⁴⁴ См.: Wallwork E. Durkheim: Morality and Milieu. Cambridge, 1972. P. 118—119.

Глава III

АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В ПОИСКАХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБНОВЛЕНИЯ

Появление и развитие американской буржуазной политологии сопровождалось различными теоретическими и методологическими поисками, которые осуществлялись в целях утверждения и идеологического обновления этой области буржуазного общественного знания. Такого рода поиски нашли свое отражение: во-первых, в разработке концептуальных парадигм, объясняющих характер политического развития американского общества; во-вторых, в широком использовании для обоснования политики нравственной и религиозной идеологии; и, в-третьих, в выявлении альтернатив, призванных компенсировать отсутствие общетеоретической и общеметодологической основы в структуре буржуазного политологического знания.

§ 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Стремление американских буржуазных политологов разработать теоретическую концепцию, служащую образцом политического развития США, можно проиллюстрировать на примере трех основных парадигм, которые в разное время определяли, а во многом определяют и сейчас понимание сущности политики.¹

Первая парадигма — «парадигма конфликта» — нашла свое начальное отражение в теории «классового конфликта». С ее обоснованием еще в прошлом веке выступили так называемые «прогрессисты». Действуя от имени бедных слоев населения, они противопоставляли себя так называемым «федералистам», отождествляемым ими с богатыми. Важнейшей чертой «прогрессистов» было подчеркивание, с одной стороны, роли мате-

¹ Huntington S. American Politics: The Promise of Disharmony. Cambridge (Mass.); London, 1981.

риальных интересов как основных мотивов поведения людей, а с другой — значения борьбы между двумя ведущими политическими группировками: партией «популистов» и партией «элитистов». Будучи радикальной (разумеется, в буржуазно-демократическом смысле) и в то же время недостаточно четкой в концептуальном плане, теория «классового конфликта» не могла быть взята на вооружение представителями господствующего класса США в своей первоначальной основе. Действительно, как отмечает американский политолог С. Хантингтон, конфликт между богатыми и бедными в этой теории не отражает всю сложность и многообразие политической борьбы в американском обществе. Кроме того, этот конфликт характеризует не столько объективную суть самой американской политики, сколько ее субъективную интерпретацию сторонниками данной теории.²

Существенную модификацию претерпела «парадигма конфликта» в теории «заинтересованных групп» А. Бентли и его последователей. Эта теория была изложена А. Бентли в книге «Процесс управления», опубликованной в 1908 г., но получившей подлинное признание лишь десятилетия спустя.³ А. Бентли исходил из того, что политическая жизнь представляет собой арену столкновения и борьбы различных групп, имеющих специфические интересы. В ходе этой борьбы одни, более сильные, группы доминируют, подчиняя и заставляя повиноваться другие, более слабые группы. Роль государственного управления, по его мнению, в том и должна состоять, чтобы регулировать возникающие конфликты и обеспечивать равновесие между соперничающими группами. «Все явления государственного управления, — писал он, — есть явления групп, давящих друг на друга, образующих друг друга и выделяющих новые группы и групповых представителей (органы или агентства правительства) для посредничества в общем соглашении».⁴

Отрицая решающую роль экономических факторов в формировании социальных групп и их интересов, относя классы к группам со «множественными интересами», склонным к стабильному существованию и потому не имеющим большого значения для его «динамической» модели, А. Бентли критиковал К. Маркса за то, что тот имел дело со слишком общими и стабильными коллективами, которые якобы не столь важны для анализа политики.⁵ Именно пренебрежение классовым подходом к политике, пишет в данной связи С. А. Егоров, обусловило «апологетическую социальную и морально-ценностную позицию А. Бентли, сугубо реформистское видение им перспектив

² Ibid. P. 8.

³ Bentley A. The Process of Government: A Study of Social Pressures. Cambridge (Mass.), 1967.

⁴ Ibid. P. 269.

⁵ Ibid. P. 465—468.

преодоления злоупотреблений в социально-политической системе США и ее совершенствования».⁶

Одной из форм практической реализации теории «заинтересованных групп» в политике является лоббизм, получивший чрезвычайно широкое распространение в США.⁷ Лоббизм представляет собой относительно самостоятельное явление политической жизни США, своеобразный механизм воздействия на аппарат законодательной и исполнительной власти (точнее — на служащих данного аппарата). В узком смысле под лоббизмом понимается непосредственное воздействие на законодателей с помощью личных встреч (так называемый «прямой лоббизм»), в широком смысле с ним связывают любое воздействие на должностное лицо, следствием которого является осуществление поставленной цели. Лоббизм — это прежде всего институт, служащий интересам американской буржуазии, которая использует его «в межгрупповой конкурентной борьбе за право иметь решающее влияние в органах государственной власти, за перераспределение бюджета, за выгодные правительственные заказы и, кроме того, против тех мероприятий буржуазного государства, которые хотя и проводятся в интересах господствующего класса, но могут не совпадать с интересами отдельных монополистических группировок».⁸ К лоббизму прибегают, конечно, и представители других классов американского общества, но их возможности по сравнению с монополистической буржуазией, безусловно, ограничены как материальными, так и организационными рамками. Используя лоббизм, представители профсоюзных, левых и иных прогрессивных организаций могут добиться и подчас добиваются определенных результатов. Но эти результаты не разрешают социальных конфликтов, а загоняют их внутрь. Они порождают лишь иллюзию удовлетворения интересов всех социальных групп общества в рамках буржуазной демократии.

Последний вариант «парадигмы конфликта» представлен в «теории позитивно-функционального конфликта» Л. Козера и в «общей теории конфликта» К. Боулдинга. Исходные принципы названных теорий обстоятельно проанализированы в нашей литературе.⁹ Согласно этому анализу, их пороки состоят в сле-

⁶ Современная буржуазная политическая наука: Проблемы государства и демократии / Под ред. Г. Х. Шахназарова. М., 1982. С. 71.

⁷ Зяблюк Н. Г. Лоббизм и политика. М., 1976.

⁸ Там же. С. 204.

⁹ Семенова Л. А. О методологических принципах исследования социального конфликта в американской социологии (критический анализ концепции Л. Козера) // Социологические исследования. 1975. № 2; Ручка А. А., Танчер В. В. От идеологии «равновесия» к социологии конфликта // Социологические исследования. 1977. № 3; Доронина Н. И. Буржуазные исследования международного конфликта // Вопросы философии. 1977. № 6; Лёве В. П. Классовая борьба или социальный конфликт? М., 1976; Нечипоренко Л. А. Буржуазная «социология конфликта». М., 1982.

дующем. Во-первых, понимание социальных (в том числе политических) конфликтов названными авторами «оказывается безмерно широким. Сюда включаются, например, такие явления, как „холодная война“, движение за равноправие женщин, студенческие протесты, расовые волнения, война, преступность, экономические кризисы, и т. д.»¹⁰ Во-вторых, сущность и содержание социальных конфликтов отрываются от экономических отношений, их порождающих, а также всячески субъективируются и психологизируются. Как пишет Л. Козер, социальные конфликты — это «напряжение между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с чувствами определенных групп или индивидов...»¹¹ В-третьих, реальные антагонистические противоречия современного капитализма в работах указанных авторов подменяются отношениями «несовместимости», «взаимоисключаемости» и «враждебности», заимствованными из психологии и других областей знаний. Хотя эти отношения, справедливо замечает Л. А. Нечипоренко, «и являются существенным признаком противоречия, но последнее практически не существует без другого своего признака и аспекта — единства противоположностей».¹² И, наконец, в-четвертых, «остроконфликтные отношения, свойственные политической системе современного капитализма, представителями данных теорий безосновательно переносятся на политическую действительность социалистических стран, а марксистская теория материалистической диалектики, с помощью которой эти отношения исследуются, объявляется если и не ошибочной полностью, то, по меньшей мере, односторонней».¹³

Вторая парадигма — «парадигма согласия» — получила свое классическое выражение в работах Токвиля. Она была переформулирована в националистическом духе так называемыми «патриотическими историками» в конце XIX в. и затем появилась вновь в своей непосредственной и законченной форме в 50 — 60-х годах нашего столетия, чему в немалой степени способствовали работы Р. Хофштадтера, Д. Бурстина, Т. Парсонса, Д. Портера, Д. Белла, С. Липсета и в особенности Л. Хартца. Популярность этой парадигмы явилась следствием введения и осуществления «нового курса» президента США Ф. Рузвельта, а также относительно стабильного развития американского общества после кризисных потрясений конца 20-х — начала 30-х годов. Эта популярность в определенной степени была обусловлена и либеральной традицией, пустившей глубокие корни в по-

¹⁰ Ручка А. А., Танчер В. В. От идеологии «равновесия» к социологии конфликта. С. 235.

¹¹ См.: Там же. С. 236.

¹² Нечипоренко Л. А. Буржуазная «социология конфликта». С. 137.

¹³ См.: Przeworski A., Wallerstein M. The Structure of Class Conflict in Democratic Capitalist Societies // American Political Science Review. 1982, Vol. 76 (June), N 2. P. 215—236.

литическом сознании США.¹⁴ С точки зрения названной парадигмы ключ к пониманию американской политики лежит не в конфликте между двумя классами, а в преобладающем влиянии так называемого «среднего класса», который является носителем «общего согласия». Как пишет С. Хантингтон, «существовавшие в американской политике конфликты были ограничены относительно узкими сферами экономической и личной жизни в рамках всеохватывающего согласия».¹⁵

Свое наиболее полное отражение в американской буржуазной политологии «парадигма согласия» нашла у сторонников ценностно-нормативного подхода к обществу. В основу этого подхода были положены два понятия. С одной стороны, это ценности, ориентирующие индивидов «на достижение желаемого», а с другой — нормы, под которыми имеются в виду «акты психологического и морального отношения людей к поступкам и мыслям какого-либо индивида».¹⁶ Следование нормам должно было вызывать одобрение со стороны окружающих людей. В свою очередь, получение или неполучение одобрения трактовалось как механизм связи индивида и общества, т. е. как критерий «нормативности действия».¹⁷ При такой трактовке общество представлялось не системой определенных (материальных и идеологических) отношений, а в виде организма, поведение элементов которого подчинено сбалансированным ценностно-нормативным ориентациям и проявляется в социально значимых реакциях на внешние стимулы.

Аналогично и содержание нормативного, государственно-правового регулирования общественных, в первую очередь политических, отношений сводилось к соответствию поведения индивида требованиям его непосредственного окружения. В итоге так называемое «отклоняющееся поведение» индивидов выступало не как результат внутренней противоречивости социально-классовой структуры буржуазного общества, а как следствие несовершенства самой личности, отрицательной «внешней» оценки поведения индивида и его низкой «самооценки». Другими словами, порочными объявлялись не сами общественные отношения политической власти, а взгляды, представления и действия людей по поводу этих отношений.

Под углом зрения ценностно-нормативного и бихевиористского, поведенческого подхода к анализу политической власти буржуазные идеологи занимались разработкой многих политических (в особенности государственных, а также правовых)

¹⁴ См.: Современное политическое сознание в США / Э. Я. Баталов, Б. В. Михайлов, А. Ю. Мельвиль и др.; Отв. ред. Ю. А. Замошкин. Э. Я. Баталов М., 1980. С. 66—122.

¹⁵ Huntington S. *American Politics*. P. 7.

¹⁶ Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки / Под ред. М. А. Дынина. М., 1964. С. 382—383.

¹⁷ Toward a General Theory of Action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, 1951. P. 106.

концепций. Важное место среди них занимает концепция «господства права». В этой концепции буржуазное право выступает как одна из основных ценностей общества и ведущая нормативная система, призванная не только сбалансировать разнообразные акты политического поведения индивидов и обеспечить соответствующий контроль за ними, но и уберечь буржуазное общество от нежелательных конфликтов и перемен. «Именно на право, — отмечает советский ученый С. В. Боботов, — возлагается задача устранять социальные противоречия, упреждать социальные конфликты и создавать некоторое равновесие интересов, а в ряде случаев и тождество поведенческих мотивов».¹⁸

Важнейшие цели буржуазной концепции «господства права»¹⁹ во внутриполитическом плане выражались в том, чтобы обеспечить социально-политический компромисс на основе отражения в праве «всеобщей воли», формулирования принципа «высшего морального права», которому следует государственная власть в своей деятельности и которым должны руководствоваться индивиды, подчиняя свое поведение требованиям права. Здесь процесс общественного развития предстает в форме истории господства тех или иных сменяющих друг друга «законов». Буржуазными идеологами этот вопрос всегда интерпретировался таким образом, что реальное содержание социально-экономических отношений отходило в общественном сознании на задний план, за основу этих отношений принималась их правовая оболочка.²⁰ Такой способ мышления Энгельс назвал юридическим мировоззрением буржуазии.²¹

Что касается идеологических целей данной концепции, то они заключались в том, чтобы всячески превозносить роль капиталистического государства как объекта, воплощающего понятие права, и, напротив, в антикоммунистическом духе истолковывать теорию и практику социалистического государства. Для осуществления указанных целей буржуазные идеологи, и прежде всего представители политической и государственно-правовой науки США (Е. Бири, Г. Макдональд, Дж. Муссати, Дж. Гудмэн и др.), ссылаются на конституцию как основную форму «высшего права», якобы связывающую государственную власть своими установлениями. Пропагандистским отражением этих теоретических установок являются ежегодно отмечаемые национальные дни в США: «День права» и «Всемирный день права». Внешне-

¹⁸ Боботов С. В. Буржуазная социология права. М., 1978. С. 202.

¹⁹ Деев Н. Н. Кризис доктрины «господства права» // Политико-правовые доктрины современного империализма / Под ред. В. Е. Гулиева, С. Л. Зивса. М., 1974.

²⁰ См.: Moore R. Legal Norms and Legal Science: A Critical Study of Kelsen's "Dure Theory of Law". Honolulu (Haw.), 1979.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 496.

политическим следствием господства в буржуазной политической жизни указанных догм стала провокационная шумиха в защиту «прав человека» социалистических стран, проводимая империалистической буржуазией США и других капиталистических стран.

Теория «господства права» в буржуазной политологии тесно связана с идеей легитимности (законности). Именно юридическая процедура придает власти институционный характер, делает ее законной в глазах граждан. «Господство права, — отмечали авторы специального доклада о причинах и предупреждении правонарушений в США, — представляет собой идею, согласно которой народ добровольно признает законность права как средства упорядочения и контроля поведения правителей и управляемых, богатых и бедных, довольных и недовольных».²² Отсюда основная цель политологов и социологов, занимающихся разработкой проблемы политической власти, состоит прежде всего в том, чтобы исследовать источники законности, а также факторы, укрепляющие или ослабляющие поддержку населением существующей политической системы. К числу таких важнейших источников легитимности буржуазные политологи относят идеологию, политический режим и политическое лидерство. В зависимости от характера и степени выраженности указанных источников американско-канадский политолог Д. Истон подразделяет легитимность на следующие три типа: идеологическую, в основе которой лежит моральная убежденность индивидов в ценности того или иного общественно-политического строя и провозглашаемых им принципов; структурную, опирающуюся на приверженность индивидов механизму и нормам политического режима как такового; персональную, связанную с верой индивидов в личные качества политических лидеров, в их способность должным образом применять политическую власть.²³

Надо сказать, что подход к анализу политической жизни с позиций теории «господства права», как и ценностно-нормативный подход к обществу в целом, сыграл и играет до сих пор немаловажную роль в идеологическом обосновании буржуазной политической власти и в обеспечении соответствующих условий для ее непосредственного функционирования.

Однако нельзя не видеть и существенных пороков ценностно-нормативного подхода к обществу. С одной стороны, сторонники этого подхода абсолютизируют его, выдавая чуть ли не за универсальную концептуальную схему. Между тем есть множество проблем, которые не могут быть решены с этих позиций. Одной из них является проблема изменения самой обще-

²² Law Order Reconsidered: A Staff Report to the National Commission on the Causes and Prevention of Violence. Washington, 1968. P. 8—9.

²³ Easton D. A Systems Analysis of Political Life. New York, 1967. P. 278—310.

ственно-политической системы. Представители ценностно-нормативного подхода отвечают на вопрос, как воздействовать на общественно-политическую систему (в том числе и особенно правовыми средствами), чтобы обеспечить ее «равновесие», «стабильность» и «интегрированность». Но они не могут дать сколько-нибудь вразумительного, а тем более четкого ответа на вопрос, как изменить эту систему. Подобная постановка вопроса, с их точки зрения, якобы вообще выходит за рамки академической науки. «Согласно моему представлению, — подчеркивает Т. Парсонс, — социология занимается лишь одним, преимущественно функциональным аспектом социальных систем, а именно изучает структуру и процессы, имеющие отношение к интеграции этих систем, включая, конечно, и случаи неудавшейся интеграции, равно как и силы, благоприятствующие или же препятствующие ей». То же самое относится и к политической науке, которая, по его мнению, «занимается в первую очередь изучением организации социальных систем в контексте достижения коллективных целей».²⁴

С другой стороны, сторонники ценностно-нормативного подхода в идеалистическом плане истолковывают характер общественных отношений, сводя их к психическому взаимодействию индивидов. Как пишет, в частности, И. Смелсер, «концептуальные рамки, которые применяются для организации описания поведения, есть психологическая система человека... его мотивы, установки, эмоции, навыки и чувства идентичности».²⁵ Идеализм в трактовке общественных отношений находит проявление и в выборе критериев для классификаций общественно-политических систем. Примером тому служит классификация, предложенная Т. Парсонсом и Г. Беккером, в основу которой положен не экономический строй общества, а соответствующие виды ценностно-нормативных ориентаций индивидов.

Наконец, очевиден и еще один порок теории «господства права». Сторонники ценностно-нормативного подхода навязывают обществу модель политической системы, которая имеет явный охранительный характер и очерчивает своего рода нормы-рамки для социально-политической организации буржуазного общества. Эта модель выступает в качестве внешней оболочки поведения индивида, скрывая действительные, содержательные мотивы его деятельности. Однако представление о характере общественно-политической жизни, о личном успехе и благополучии индивида связано не с тем, что прокламируется авторами ценностно-нормативной модели, не с нормами-рамками, а с нормами-целями, которые служат подлинными регуляторами жизнедеятельности индивидов в буржуазном обществе. Не

²⁴ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1972. С. 364, 365.

²⁵ Sociology: An Introduction / Ed. by N. Smelser. New York, 1967. P. 34.

ориентации на ожидание других, а расчет на себя — таков основной принцип буржуазного индивидуализма. Господство этого принципа приводит к тому, что в условиях буржуазного общества возникает постоянный и внутренний неразрешимый конфликт между нормами-целями и нормами-рамками, причем главной, детерминирующей стороной в этом конфликте, как правило, являются нормы-цели.

Отмеченные пороки ценностно-нормативного подхода в 60-х годах проявились настолько четко, что престиж «парадигмы согласия» оказался существенно подорванным и она стала вызывать критику со стороны многих буржуазных политологов.²⁶ В немалой степени этому способствовали кризисные процессы, которые разрушили иллюзии о том, что капитализм будто бы может развиваться бесконечно.

И, наконец, третья парадигма — «парадигма плюрализма» — занимает своего рода промежуточное положение между «парадигмой конфликта» и «парадигмой согласия». С одной стороны, она имеет дело с различными социальными группами, выражающими противоречивые, а подчас и противоположные интересы, а с другой — пытается примирить, уравновесить их в рамках общего политического согласия. Не случайно, имея в виду данную парадигму, С. Хантингтон признает, что «конфликты между заинтересованными группами по частичным проблемам могут быть истолкованы как происходящие в рамках широкого согласия по основным политическим ценностям».²⁷ Не случаен и весьма большой интерес к этой парадигме со стороны многих представителей буржуазной философии, социологии и политологии. Как отмечал П. Н. Федосеев, «именно идея плюрализма во всех ее многообразных проявлениях и аспектах представляет собой ядро, центр притяжения всей современной буржуазной философской и социально-политической мысли».²⁸

Исходные принципы «парадигмы плюрализма» особенно четко выражены в теории плюрализма, получившей широкое распространение в американской буржуазной политологии, о чем свидетельствуют работы таких ее представителей, как К. Левенштейн, Р. Даль, К. Дойч и др.²⁹ По мнению авторов

²⁶ См., напр.: Dahrendorf R. *Toward a Theory of Social Conflict* // *Social Change* / Ed. by A. Etzioni. New York, 1964; Coser L. *Conflict: Social Aspects* // *International Encyclopedia of Social Sciences*. New York, 1967; Smith A. *The Concept of Social Change: A Critique of the Instrumental Theory of Social Change*. London, 1973.

²⁷ Huntington S. *American Politics*. P. 8.

²⁸ Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки // *Вопросы философии*. 1978. № 12. С. 39.

²⁹ См., напр.: Lewenstein K. *Political Power and Governmental Process*. London, 1965; Dahl R. *Pluralist Democracy in the United States: Conflict and Consent*. Chicago, 1967; Deutsch K. *Politics and Government: How People Decide Their Fate*. Boston, 1974. — Критический анализ теории плюрализма дается во многих работах советских и зарубежных марксистских авторов. См., напр.: Ильин В. И. *Буржуазный плюрализм: истоки*

этой теории, не классы, а более дробные социальные образования и группы, организованные по принципу «общего интереса», характеризуют внутреннюю структуру современного индустриального (и прежде всего капиталистического) общества. Отношения между группами выступают как отношения борьбы «конфликтующих интересов». Однако эта борьба не носит классового характера и не подрывает экономических основ существующего строя. Как утверждают сторонники данной теории, классовая борьба при капитализме заменяется соревнованием многих конкурирующих групп: политической, экономической, военной, научной, культурной, религиозной, административной, идеологической и т. д. Конкурируя между собой, эти группы будто бы в конечном счете уравнивают друг друга, чем обеспечивается некая «демократичность» правления, невозможность установления диктатуры той или иной группы, в том числе «тирании большинства».³⁰ За основу взаимодействия организованных групп буржуазные политологи в данном случае принимают не объективные закономерности социального развития, а «всеобщие правила игры», вырабатываемые государством в целях «упорядоченного выравнивания» различных интересов. Эти правила объявляются обязательными для всех групп. Они представляют собой своего рода политический механизм «свободной борьбы сил», аналогичный экономическому механизму «спроса и предложения».

Подобная трактовка социальной конфликтности неоправдана, так как несостоятельна сама концепция плюрализма. Ведя свою родословную от Э. Дюркгейма, А. Бентли, от социальных концепций Дж. Локка, О. Гирке и Дж. Ст. Милля, теория плюрализма в определенной степени отражает взаимосвязи различного типа общностей и индивидов внутри них в ходе развития социально-политических процессов. Однако, отвергая классовое деление и выводя отношения власти исключительно из взаимодействия отдельных социально значимых элементов общества, она гипертрофирует значение групп, организаций и других общностей, искажает действительную картину социальных отношений.

Несостоятельность теории плюрализма состоит в том, что она, во-первых, скрывает классовую природу политической власти при капитализме, изображая ее как форму выражения воли самых различных (в том числе оппозиционных) групп в обществе, как результат их «соучастия в политике», отрывая эту власть от экономических факторов, ее предопределяющих, наделяя взаимодействующие группы одинаковой силой и возможностями реализации интересов. Тем самым эта теория по-

и классовый смысл. М., 1983; Идеологический плюрализм: видимость и сущность / Сергеев Г. М., Огородников В. П., Шкуринов П. С. и др.; Под ред. Б. Н. Бессонова, И. С. Нарского. М., 1987.

³⁰ Deutsch K. Politics and Government. P. 304.

рождает иллюзию интеграции всех классов и слоев буржуазного общества в социально-политическую систему современного государственно-монополистического капитализма и одновременно отрицает открытую основоположниками марксизма историческую закономерность классовой борьбы и смены общественно-экономических формаций. Как отмечал В. И. Ленин, в период германской буржуазной революции 1848 г. К. Маркс также включал в понятие «народ» не только рабочих, но и демократическую буржуазию. Однако, «употребляя слово: „народ“, Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию».³¹

Во-вторых, теория плюрализма весьма искаженно истолковывает характер отношений между различными слоями и группами капиталистического общества. Она, по существу, игнорирует классовую природу этих отношений, выдавая их за отношения отнюдь не классовой, а конкурентной борьбы в политической области, сводя последнюю преимущественно к соперничеству ведущих буржуазных партий. Необоснован также ее вывод о допустимости классовых компромиссов, о взаимном уравнивании этих интересов и власти отдельных групп, о возможности «государственного», независимого от буржуазного класса, регулирования воздействующих на него «групп интересов» («концепция государства-брокера»). Не придает указанная теория решающего значения и самим классам, ставя их на одну доску с другими социальными группами буржуазного общества, стремясь подобным образом дискредитировать идеи классовой борьбы и социальной революции.

В-третьих, теория плюрализма неправильно трактует социальные сдвиги внутри самого господствующего класса. Хотя его структура действительно значительно изменилась, тем не менее каждая его часть твердо придерживается позиции сохранения капитализма, системы общественно-политических отношений, покоящейся на эксплуатации наемного труда, на принципе господства и подчинения. Поэтому, как бы ни конкурировали между собой различные буржуазные элиты, некоторое расхождение их функциональных обязанностей отнюдь не мешает им добиваться сохранения и укрепления существующего государственного строя.

Именно эти аспекты несостоятельности концепции плюрализма явились причиной попыток ее «усиления», с одной стороны, путем включения в нее «конфликтной модели», с другой стороны, разработки элитарной концепции политической власти в буржуазном обществе. У многих авторов, отстаивающих точку зрения плюрализма, теория правления элит соединилась

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 124.

с теорией демократии, что привело к появлению концепций «демократического элитизма».³²

Анализируя названные парадигмы, С. Хантингтон приходит к выводу, что все они имеют сильные и слабые стороны.³³ «Парадигма конфликта» обращает внимание на существование в Америке значительного неравенства. Вместе с тем она недостаточно четко проводит линию социального раздела этого неравенства. В свою очередь, «парадигма согласия» указывает на отсутствие в США классово выраженных идеологий европейского типа и на этом основании полагает, что идеологический конфликт там получил менее широкое распространение, чем в Европе. Наконец, «парадигма плюрализма» фиксирует столкновение противоречивых интересов в американской политике, но не идет дальше «парадигмы согласия» в объяснении причин их возникновения. «Все три парадигмы, — заключает С. Хантингтон, — объединяет одна общая черта: каждая объясняет политику в терминах социальной структуры».³⁴

Отсюда, поясняет он, вытекают две другие особенности. Во-первых, структурные характеристики американской политики статичны в своей основе. «Каждая парадигма, — пишет он, — довольно четко характеризует картину того, как американская политика функционирует в конкретный период времени; но ни одна из них не показывает, как эта политика изменяется со временем».³⁵ И, во-вторых, все три парадигмы постулируют в той или иной форме определяющую роль экономических (и более широко — материальных) интересов в политике и умаляют значение идеальных факторов. «Они, — подчеркивает Хантингтон, — почти полностью игнорируют роль политических идеалов и идеализма, моральных факторов и чувственных символов веры в политике».³⁶

Рассматривать американскую политику просто как отражение социальной структуры, поясняет он, значит, пренебрегать телеологическим анализом этой политики. Хотя США не имели идеологического конфликта европейского образца, их политика «настоена» на гораздо большем моральном конфликте, чем политика европейских стран. «Америка избежала классовых конфликтов, — пишет С. Хантингтон, — чтобы иметь моральные потрясения. Именно ведущая роль моральных факторов отли-

³² См.: Гаджиев К. С. О теории «демократического элитизма» // Рабочий класс и современный мир. 1976. № 3. С. 88—99; Золотарев Р. В. К критике концепций «элитарной демократии»: Критика современных буржуазных, ревизионистских и реформистских концепций в области идеологии, экономики и права. М., 1976. С. 51—61; Ожиганов Э. Н. Концепция «демократического элитизма» в современной буржуазной политологии США // Правоведение. 1975. № 6. С. 90—96.

³³ Huntington S. American Politics. P. 8—9.

³⁴ Ibid. P. 9.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 10.

чает американскую политику от политики других обществ; именно эта характеристика является самой трудной для понимания у иностранцев».³⁷

Исходя из сказанного, С. Хантингтон предлагает еще одну парадигму — «парадигму дисгармонии». Суть этой парадигмы состоит в постоянном стремлении индивидов к идеальным ценностям и в постоянном несоответствии между этими ценностями и ценностями реальными, между идеально-нормативным порядком и порядком фактическим. В гармоническом обществе идеально-нормативный и фактический порядки совместимы друг с другом. В дисгармоническом обществе они в конфликте. «В гармоническом обществе неравенство не только существует фактически, но и признается законом. В дисгармоническом обществе неравенство несовместимо с законностью, хотя сосуществует с ним фактически. Противоположность между нормативным и фактическим порядками в США гораздо более резкая, чем в других странах».³⁸ По мнению С. Хантингтона, США — типичное дисгармоническое общество, в котором особенно четко реализуется предложенная им парадигма.

Предложенная С. Хантингтоном новая парадигма несет в себе особый идеологический и методологический заряд. Прежде всего она имеет своей целью представить американскую политику как покоящуюся на широком моральном основании и таким образом «растворить» политические конфликты в конфликтах нравственных. Кроме того, парадигма стремится возродить так называемую «американскую мечту», веру в американскую исключительность, в особую историческую миссию США, которая в последнее время потерпела полный крах.³⁹ Как известно, эта вера родилась более 200 лет назад, когда была принята Декларация независимости США. Она служила мощным импульсом ускоренного развития американского капитализма в XIX в., и она же способствовала формированию откровенно шовинистических, «джингоистских»⁴⁰ настроений среди значительной части американского населения в XX в., в особенности в период «холодной войны». Наконец, «парадигма дисгармонии» призвана «вплести» идеалистическую диалектику в еще одно шаткое методологическое обоснование современной американской политики, использовать ее (пусть даже ограниченные) возможности для сохранения и укрепления капитализма.

Все сказанное о парадигмах американской буржуазной по-

³⁷ Ibid. P. 11.

³⁸ Ibid. P. 12.

³⁹ Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981.

⁴⁰ Термин «джингоизм» возник в буржуазной литературе в 70-х годах прошлого столетия. Он широко использовался и используется для обозначения особой формы шовинизма, а именно «крайнего шовинизма, связанного с пропагандой силы, империалистической экспансии и интервенционизма» (Шестаков В. П. Два «нимиджа» президента: от морализма к джингоизму // США — экономика, политика, идеология. 1980. № 9. С. 23).

литологии дает основание в принципе согласиться с теми ее представителями, которые анализируют общественную жизнь США под углом зрения двух политических традиций — «индивидуальной самостоятельности» и «взаимной зависимости»,⁴¹ — однако, с одной весьма существенной оговоркой: разумному сочетанию этих традиций в условиях американского общества препятствовала и будет препятствовать его частнокапиталистическая природа.

§ 2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИМИ БУРЖУАЗНЫМИ ПОЛИТОЛОГАМИ НРАВСТВЕННОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

В своем стремлении еще более укрепить ведущее положение в общей системе буржуазного общественного знания американская буржуазная политология широко опирается на нравственную и религиозную идеологию. Весьма активно она взаимодействует прежде всего с нравственной идеологией. Как отмечал еще в конце 60-х годов А. И. Титаренко, это — одна из важнейших тенденций эволюции буржуазного мировоззрения последних десятилетий». ⁴² Опираясь на такое взаимодействие, американские буржуазные политологи преследуют далеко идущие цели. Во-первых, подобным образом они пытаются приостановить падение доверия к буржуазным ценностям вообще, к буржуазной политике в частности. Будучи порождением и отражением общего кризиса капитализма, кризис доверия охватил все стороны и сферы буржуазной политики: политику внутреннюю и внешнюю, хозяйственную и социальную, государственную и идеологическую. Он выработал у американцев своеобразный стереотип как в отношении к самой буржуазной политике, так и в отношении к ее непосредственным носителям. Подтверждением тому служит «индекс отчуждения», измеряемый службой Харриса, который в 1980 г. по сравнению с 1966 г. вырос с 29 до 60, а в период с 1981 по 1985 г., несмотря на личную популярность Р. Рейгана, а также националистическую, ура-патриотическую риторику его администрации, колебался в пределах 55 и 62. ⁴³ Углублению кризиса доверия к американской буржуазной политике способствовали многие факторы, в том числе: ложь и дезинформация общественного мнения со стороны представителей официальных властей; коррупция, пронизавшая все звенья государственного и политического механизма США; отход американской буржуазной политики от тех

⁴¹ Heclo H. General Welfare and Two American Political Traditions // Political Science Quarterly (Centennial Year 1886—1986). 1986. Vol. 101, N 2.

⁴² Титаренко А. И. Мораль и политика. М., 1969. С. 100.

⁴³ Замошкин Ю. А. Национализм и особенности национального самосознания в США // США — экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 64.

принципов, которые в свое время были провозглашены «отцами демократии». Подведение моральных оснований под буржуазную политику призвано, по мнению американских политологов, поднять престиж политики в США.

Во-вторых, апеллируя к морали, американские буржуазные политологи желают тем самым вывести политическую идеологию за рамки классовых отношений, представить ее в качестве надклассовой категории, в основе которой якобы лежат не узкоэгоистические интересы империалистической буржуазии, а так называемые всеобщие принципы морали. Причем под моралью в данном случае понимается все то, что служит интересам господствующего класса США. Отсюда не случайно стремление к морализированию в политике как наиболее характерная черта американской общественно-политической жизни. Это стремление нашло свое выражение в деятельности не только президентов США (в частности, Картера и Рейгана), но и таких ультраправых политических организаций, как «Моральное большинство», которое насчитывает в своих рядах около 300 тыс. человек и ставит перед собой задачу ни больше, ни меньше, как «нравственно оздоровить человечество».⁴⁴

В-третьих, характеризуя свою политическую идеологию как «моральную», американские буржуазные политологи стремятся обвинить в «аморализме» марксистскую политическую идеологию. Они ставят марксизм в один ряд с самыми реакционными (в том числе фашистскими) политическими идеологиями, утверждая, что для всех этих идеологий «главным действующим лицом является не индивидуальная душа, а раса, нация или класс». Особенно усердствовали в данном отношении представители администрации Рейгана. Подтверждением тому служат неоднократные заявления самого Рейгана о том, что Советский Союз превратился в «империю зла» («центр зла»), с которой надо всеми силами бороться. И хотя большая часть американцев к концу его президентства перестала верить в этот вздор, мнение, что «Советский Союз представляет собой серьезную угрозу для США», живо среди американцев.⁴⁵ Оно и является источником настроений, мешающих улучшению советско-американских отношений.

И, наконец, в-четвертых, прикрывая политическую идеологию моралью, американские буржуазные политологи стремятся отвлечь трудящиеся массы от политической борьбы за ее радикальное изменение, убедить их, с одной стороны, в бесперспективности такого рода борьбы, а с другой — в необходимости собственного нравственного совершенствования. Причем в качестве ориентиров для такого самоусовершенствования пред-

⁴⁴ Александрович Г. Жрецы морали // Правда. 1981. 31 мая.

⁴⁵ См.: Результаты опроса // Правда. 1988. 24 авг.

лагается и традиционная буржуазная мораль, и так называемая «новая мораль», суть которой американский социолог Д. Янкелович характеризует двумя основными принципами: «не насилуй самого себя» и «делай, что хочешь».⁴⁶ Как свидетельствуют сами буржуазные политологи, «новая мораль» на самом деле есть не такая уж и новая, а несколько видоизмененная старая, т. е. традиционная буржуазная мораль, верная самой главной своей заповеди — самовыражению индивидуалистической природы личности и удовлетворению ее необузданных желаний.⁴⁷ Другими словами, это все та же внеклассовая и внеисторическая мораль, лишенная чувства долга, ясного понимания различия между подлинными и мнимыми ценностями, а стало быть, и не способствующая действительному обновлению нравственной жизни современного американского общества.

Однако на пути реализации указанных целей у американских буржуазных идеологов возникают серьезные препятствия, прежде всего это — пролетарская мораль, основные принципы и цели которой находятся в противоречии с моралью буржуазной. «Трудность, с которой мы сталкиваемся, говоря о ценностях, — откровенно признавал вице-президент Фонда Рокфеллера К. Томпсон, — возникает от того, что существует не одна мораль, а много. Мораль и ценности на каждом уровне теснятся, соревнуются и конкурируют».⁴⁸ Поэтому, «освящая» политическую идеологию собственной моралью, американские буржуазные идеологи в то же время всячески ограждают ее от моральной оценки со стороны противоположных классов, выдвигая идею о неспособности подвластных давать правильную оценку политической идеологии властвующих. «Демократия, — подчеркивал американский политолог А. Каплан, — не предполагает, чтобы каждый гражданин был экспертом в области морали».⁴⁹ Абсурдность идеи о «некомпетентности подвластных» и «непогрешимости властвующих» доказана не только марксистскими, но и прогрессивно мыслящими буржуазными представителями.

Так, в книге, посвященной анализу привычек и нравов в современной жизни США,⁵⁰ группа американских ученых, беря за основу «средний класс» как особую социально-политическую общность и выделяя в нем определяющие нравственно-политические параметры, приходит к выводу, что у представителей

⁴⁶ Этика и идеология. Критика современных буржуазных этических концепций. М., 1983. С. 322.

⁴⁷ Там же. С. 323.

⁴⁸ Thompson K. Moral Values and International Politics // Political Science Quarterly. 1973. Vol. 88 (September), N 3. P. 371.

⁴⁹ Kaplan A. American Ethics and Public Policy. New York, 1963. P. 75.

⁵⁰ См.: Белла Р., Мэдсен Р., Салливан У., Суиндлер Э., Типтон С. Привычки и нравы. Индивидуализм и служение обществу в жизни американцев. Нью-Йорк, 1986 (Реферативное изложение, подготовленное В. М. Зубоком) // США — экономика, политика, идеология. 1987. № 8—12.

этого класса имеется свое, во многом не совпадающее с господствующими классами, понимание и своя оценка политики.

С одной стороны, политика понимается американцами как способ достигнуть мира и согласия в местной общине, в небольшом городе. Главная черта такой политики — совместное обсуждение жизненно-важных проблем, диалог лицом к лицу. В таком понимании политика рассматривается американцами как синоним демократии. Подобную политику они приветствуют, подчеркивая, что «нет на свете ничего похвальнее, моральнее, чем судьба местного общественника, активиста».⁵¹

С другой стороны, политика понимается рядовыми американцами как деятельность, которая протекает по согласованным правилам и преследует соответствующие групповые интересы. В ней участвуют коалиции из различных групп, разгораются невероятные страсти, а посредничество осуществляется профессиональными политиками. Эту политику значительное число американцев отвергает, ибо видит в ней больше дурного, чем здорового. Такого рода политика для американцев — «не совсем приличное дело, чтобы избрать ее своей профессией».⁵²

Перечисленным двум противостоит еще одно понимание политики — истолкование ее под углом зрения «национальных целей», «национального самосознания». Это — так называемая «национальная политика», в которой частные интересы отходят на второй план перед государственными задачами, судьбой страны и т. д. Всячески приветствуя национальную политику, многие американцы считают, что она есть выражение их подлинных национальных чувств, даже если эти чувства питаются лишь политическими иллюзиями и символами. С их точки зрения, «когда дело касается внешней политики и особенно отношения к войне, на первый план выступает нерассуждающее чувство принадлежности к нации; это чувство становится как бы смыслом жизни».⁵³

Моральные устои американской буржуазной политической идеологии серьезно подрывают также те ее представители, которые действуют по принципу: «в политике все средства хороши, даже если они противоречат морали». Не случайны в этой связи сомнения ряда буржуазных политологов относительно способности буржуазной политической идеологии «морально осудить» марксистскую политическую идеологию. Американский политолог Арнольд Брехт назвал «трагедией политической мысли двадцатого века» тот факт, что политическая философия «свободного мира», зараженная макиавеллистскими представлениями, не в состоянии морально осудить большевизм

⁵¹ Там же. № 12. С. 79.

⁵² Там же. С. 80.

⁵³ Там же. С. 80—81.

и не может показать преимуществ политики капиталистических государств перед политикой стран социалистического лагеря.⁵⁴

Не случаен также тот факт, что каждый новый президент Соединенных Штатов в целях вуалирования агрессивной сущности своей политики пытается выразить ее суть некой броской, рекламной формулой, которая должна, по его мысли, кратко определить характер стратегической линии новой администрации. Например, Трумэн назвал свою политику «справедливым курсом», Кеннеди — «новыми рубежами», Джонсон — «путем к великому обществу», Никсон — «законом и порядком», Картер — «новыми горизонтами». Президент Рейган, исходя из позиции гегемонизма, провозгласил курс «возрождения могучей Америки».⁵⁵ «Если отбросить пропагандистскую шелуху, обильно насыпанную на „эти курсы“, „программы“, „пути“, — пишет в данной связи Д. А. Волкогонов, — то станет ясно, что во внешнеполитическом плане все они исходят из главного — необходимости ведения самой ожесточенной антикоммунистической борьбы».⁵⁶

На пути «морализации» американской буржуазной политической идеологии, далее, встает сама империалистическая практика, и прежде всего практика международная, связанная с авантюристическими военными действиями США в ряде районов земного шара. Чтобы как-то оправдать эту практику, американские буржуазные идеологи выдвинули тезис, что во внешней политике моральные соображения играют лишь ограниченную роль. Внешнеполитические решения, по их мнению, должны иметь, как правило, не моральную, а иную основу. Таким образом, монополистическая буржуазия США прибегает к нравственности в тех случаях, когда это выгодно для проводимой ею политики, и всякий раз отбрасывает ее, когда она расходится с такой политикой. Подобный подход американских буржуазных идеологов к морали очень напоминает того фарисействующего политикана, чье искусство, по меткому выражению Маркса, «в том именно и заключается, чтобы знать, в какой момент надо сказать „белое“, а в какой — „черное“, чтобы уметь в нужный момент сказать нужное слово».⁵⁷

Созданию нужного монополистической буржуазии США сплава политической и нравственной идеологии препятствует, наконец, деградация как политических, так и нравственных ценностей. «Реакционной политике буржуазии, — справедливо замечает А. И. Титаренко, — соответствует в общем и целом лицемерный характер ее морали, а также то нравственное разложение, которое сопутствует процессу ее исторического нис-

⁵⁴ Титаренко А. И. Мораль и политика. С. 103.

⁵⁵ Волкогонов Д. А. Оружие истины. М., 1987. С. 28.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 296.

хождения».⁵⁸ «Аморализм», «моральный нигилизм», «моральный хаос», «моральная пустота», «моральная анемия» — таков далеко не полный перечень оценок, даваемых самими буржуазными социологами моральной ситуации в современном капиталистическом, в особенности американском, мире. «Ужасная деморализация охватила наше общество, — пишет американский социолог П. Бергер. — В этом суть нашего кризиса, который проявляется не только в политической, но и в частной жизни. Мы потеряли уверенность в наших ценностях и в значимости самой жизни».⁵⁹ «Мы являемся обществом без моральной опоры, — вторят ему другие буржуазные социологи. — ... Многие молодые люди даже вздрагивают при слове „мораль“, а это является первым шагом на пути к аморализму».⁶⁰ Не случайно английский идеолог Дж. Гаммер в книге «Общество вседозволенности» констатировал: нынешний буржуазный мир «мертв» в нравственном отношении.⁶¹

Не менее активно американская буржуазная политология взаимодействует с религиозной идеологией. О важности такого взаимодействия говорят и пишут как политические, так и религиозные деятели. Как отмечал в свое время один из президентов США Д. Эйзенхауэр, американское правительство не имеет никакого смелого, если только оно не основывается на глубоко прочувствованной религиозной вере.⁶² Аналогичным образом рассуждал и Р. Рейган, объявивший 1983 г. «годом Библии» в США.⁶³ В своей речи перед участниками национальной ассоциации евангелистов в г. Орlando (штат Флорида) в марте 1983 г. он заявил также, что религиозные деятели должны оказывать сопротивление всем тем, кто не поддерживает «усилий администрации, направленных на то, чтобы Америка была сильной и свободной».⁶⁴ Что касается религиозных деятелей, то их мнение весьма откровенно выразил один из лидеров организации «Моральное большинство» американский пастор Дж. Робинсон. Выступая на съезде организации «Молодые американцы за свободу» в 1981 г., он сказал: «Пора нам, американцам, несущим бога в своем сердце, очистить страну от коммунистов и либералов, от красных и розовых, от атеистов и яйцеголовых умников, призывающих к „ограничению стратегических воору-

⁵⁸ Титаренко А. И. В. И. Ленин о взаимоотношении политики и морали // Коммунист. 1983. № 11. С. 25.

⁵⁹ Цит. по: Шварцман К. А. Современная буржуазная этика: иллюзии и реальность. М., 1983. С. 7.

⁶⁰ См.: Там же. С. 9.

⁶¹ Цит. по: Титаренко А. И. Антиидеи: Опыт социально-этического анализа. М., 1976. С. 210.

⁶² См.: The Christian Century. 1954. March 24.

⁶³ См.: Цоппи В. Церковь и бомба // Литературная газета. 1983. 2 марта.

⁶⁴ См.: Риторика времен «холодной войны» // Правда. 1983. 10 марта.

жений" и „мирному сосуществованию" с коммунизмом! Лично я предпочитаю крест в качестве оружия, но, если потребуется, без колебаний возьму в руки дубинку!». ⁶⁵

Стремление американских буржуазных деятелей прикрыть свою политическую идеологию религиозной оболочкой не ново. Как разъяснял В. И. Ленин, религия «всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей». ⁶⁶ Это стремление обусловлено тем, что в большинстве капиталистических стран, в том числе и в США, тяга к религии со стороны самых различных слоев населения довольно значительна. Так, по свидетельству американских политологов, более 90% американцев исповедуют ту или иную религию. Около 40% из них каждое воскресное утро посещают церковь. ⁶⁷ Причем религиозность американцев не носит сугубо отвлеченного характера. Она по своему влияет на их общественное, в том числе политическое, поведение. Как показали результаты опроса, проведенного в США, 80% американцев считают, что никогда не будут голосовать за кандидата в президенты атеиста, каким бы человеком он ни был и какую бы программу он ни выдвигал. ⁶⁸

Хотя церковь в США формально отделена от государства, ее идеология по-прежнему тесно связана с государственной идеологией, с политической идеологией американской буржуазии в целом. Конечно, отношения между религией и политикой никогда не носили и не носят в США идиллического характера. Как отмечает американский политолог А. Рейчли, «они всегда были довольно двусмысленны». ⁶⁹ Это, по его мнению, объясняется тем, что, с одной стороны, моральные и этические принципы, заимствованные из иудейско-христианской традиции, составляли главный источник демократических ценностей в США, а с другой — теоретики американской демократии, а также большая часть американской общественности с настороженностью относились к религиозным постулатам, претендующим на абсолютную истинность. ⁷⁰

Американские и советские исследователи ⁷¹ показывают, что

⁶⁵ См.: Александрович Г. «Интеллектуалы» с кольцом // Ленинградская правда. 1981. 24 дек.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 232.

⁶⁷ См.: Reichley A. Democracy and Religion // Political Science. Fall 1986. Vol. XIX, N 4. P. 803.

⁶⁸ Фурман Д. Е. Американский вариант секуляризации // Вопросы философии. 1973. № 12. С. 41.

⁶⁹ Reichley A. Democracy and Religion. P. 801.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ См., напр.: Угринович Д. Е. Философские проблемы критики религии. М., 1965; Великович Л. Н. Религия и политика в современном капиталистическом обществе. М., 1970; Религия в политической жизни США (70-е — начало 80-х годов) / Фурман Д. Е., Филатов С. Б., Фаликов Б. З. и др.; Под ред. Ю. А. Замоскина, Д. Е. Фурмана. М., 1985; Мчедлов М. П. Политика и религия. М., 1987. — Говоря о влиянии религии на политику, не следует, конечно, забывать и о влиянии политики на религию.

влияние религиозной идеологии идет главным образом в следующих трех основных направлениях. Во-первых, через пропаганду самой религии, которая не сводится только к отправлению религиозных культов, а включает в себя хорошо отлаженную систему различного рода действий политического характера, в том числе и политические проповеди. Во-вторых, через различные социальные учения, разрабатываемые религиозными идеологами и проповедуемые их организациями, в том числе и Ватиканом. И, в-третьих, через повседневную политическую деятельность церкви, т. е. через партийные, профсоюзные, молодежные, женские, спортивные и прочие организации, в работе которых она принимает самое активное участие. Обращаясь к религии, монополистическая буржуазия США стремится не только создать наиболее выгодный для себя сплав религиозной и политической идеологии, но и обеспечить поддержку своей политики специфически церковными средствами. В немалой степени сделать ей это удастся потому, что американская буржуазная политическая идеология в отдельных своих проявлениях очень схожа с религиозной идеологией, так как «предназначена для фиктивно-теоретического восполнения отсутствующих в условиях капитализма общественно-политических реальностей („свобода личности“, „гармония прав человека“, „демократия“, „равенство возможностей“, „социальный мир“ и т. п.)». ⁷²

Однако политико-религиозный альянс, как и альянс политико-нравственный, не повышает ценности американской буржуазной политической идеологии в глазах широких масс населения. Не придает он особой значимости и практической политике монополистической буржуазии США. Прежде всего чрезмерное вмешательство церкви в политические дела вызывает решительный протест со стороны различных групп населения американского общества. Как показывают результаты многочисленных опросов, проведенных в США и других капиталистических странах, на вопрос, чем не должна заниматься церковь, подавляющее число опрошенных отвечает: «Не должна вмешиваться в политические дела». Против злоупотребления религией в политических целях выступают и многие религиозные деятели, особенно представители левого направления в современном католицизме.

Далее. Не во всем согласуется с политической идеологией монополистической буржуазии США несколько модифицированная социальная доктрина церкви: многие церковники теперь вынуждены говорить о защите интересов трудящихся, о коло-

В условиях буржуазного общества эти явления взаимосвязаны. Как отмечал еще Маркс, «защитники государства стали на церковную точку зрения, а защитники церкви — на государственную» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 364).

⁷² Мшвениерадзе В. В. Современное буржуазное политическое сознание. М., 1981. С. 27.

ниализме и неоколониализме, об ограничении частной собственности и частичной национализации, о привлечении рабочих к управлению предприятиями и признании (хотя и с оговорками) их права на забастовку, о ликвидации неравенства между условиями жизни в развитых и отсталых странах, а также между отдельными группами внутри общества и т. д. Эти новые моменты, получившие название «аджорнаменто» (обновления церкви, ее осовременивания и приспособления к особенностям нынешней эпохи), отнюдь не ставят церковь в оппозицию к американскому капитализму, однако создают несомненные трудности для буржуазного манипулирования политическим поведением верующих. Больше того, они открывают новые возможности для диалога коммунистов и верующих, особенно по таким вопросам, как борьба против войны за упрочение мира, борьба против голода, нищеты и т. п.

Серьезным препятствием на пути взаимодействия политической и религиозной идеологии в США является все расширяющееся движение священнослужителей против угрозы новой ядерной войны. В качестве примера можно сослаться на пастырское послание о войне и мире, принятое в начале мая 1983 г. в Чикаго на специальном заседании совета национальной конференции католических епископов, выступающих от имени 50 млн американцев-католиков. «Люди, — говорится в послании, — должны открыто противостоять риторическим заявлениям о возможности „победить“ в ядерных войнах, „выживания“ при обмене ядерными ударами, стратегии „затяжной ядерной войны“». Послание призывает к незамедлительной выработке соглашения по прекращению разработки, производства и развертывания новых систем ядерного оружия, требует взять на себя обязательство не применять его первыми, отказываться от безумной концепции ведения ограниченной ядерной войны. Оценивая данное послание, газета «Нью-Йорк таймс» писала, что оно представляет собой «не что иное, как прямой вызов Белому дому, его опаснейшей ядерной стратегии».⁷³

И наконец, в США идет разложение не только буржуазных морально-политических ценностей, но и ценностей религиозных. Оно находит свое выражение в возрождении архаических форм христианской религиозности, а также в выходе за пределы привычных вероисповеданий, например в обращении к восточным религиям. Свидетельством тому служат многочисленные восточные секты и культы, созданные там, а именно: дзен-буддизм, популярный еще в 50-е годы в среде битников; тибетский ламаизм, привезенный бежавшими из Тибета ламами; буддизм японской секты Нихирен Сошу; индуизм йога, распространяющийся как в форме прикладной йоги, так и в форме философии йога; «Миссия божественного света» индийского гуру Махарадж

⁷³ См.: Епископы и миряне из Белого дома // Правда. 1983. 7 мая.

Джи, прибывшего в США в 1972 г.; международное общество сознания Кришны, основанное в 1966 г.; секта индийской гуру Мунтананда Параманханса-Баба; «Церковь унификации» — секта корейского «мессии» Муна.⁷⁴ Широкое распространение в США получает оккультизм. Возрождается, в частности, «черная» и «белая» магия, астрология, хиромантия, спиритуализм, алхимия, колдовство, заговоры, нумерология, некромантия и прочие виды гаданий. Заметно падает престиж и основного носителя религиозных ценностей — церкви, которая, хотя и не может пожаловаться на низкую посещаемость, однако все более лишается той силы воздействия на умы, которой она располагала ранее.

Кризисная ситуация, в которой оказалась религия в современном американском обществе, побуждает церковную и политическую иерархию США к новым действиям. Важную роль в системе этих действий играет евангелизация мира. С ее успехом связывается будущее церкви. Особая миссия при этом возлагается на самих священнослужителей. Их подготовкой занимаются духовные семинарии, теологические факультеты и различного рода евангелические колледжи. Не случайно религиозным организациям США принадлежит 80% частных школ. Только католическая церковь располагает 8149 начальными и 1592 средними школами, 236 колледжами и университетами. Дети католиков составляют 90% всех церковных начальных и средних школ. Религиозное обучение ведется также в воскресных школах и библейских классах.⁷⁵ Активную помощь религиозным школам оказывает правительство США, хотя это и противоречит американской конституции, в частности первому пункту Билля о правах, провозгласившему принцип отделения церкви от государства. «Позиция Белого дома в отношении религиозного обучения в государственных школах, — пишет в данной связи Л. Н. Великович, — поощрение со стороны правительства религиозных школ, широкое обсуждение этих вопросов в американской печати свидетельствуют о глубокой заинтересованности правящих кругов США в усилении религиозного воспитания детей и молодежи, в торможении процесса секуляризации, повышении роли религии в общественно-политической жизни и в повседневном быту американцев».⁷⁶

Процесс евангелизации, проводимый церковной и политической иерархией США, сопровождается усилением борьбы против атеизма. Как отмечалось на конгрессе «Евангелизация и атеизм», проведенном Высшим институтом по изучению атеизма при папском Урбанианском университете в Риме в октябре

⁷⁴ См.: Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981. С. 241.

⁷⁵ Великович Л. Н. Современный капитализм и религия. М., 1984. С. 135.

⁷⁶ Там же. С. 136.

1980 г., «атеизм стоит в ряду крупнейших явлений нашего времени и наступает на церковь с Запада и с Востока, из капиталистических и социалистических стран, от мира культуры и мира труда».⁷⁷ Задача теологов, по мнению участников данного конгресса, состоит в том, чтобы осмысливать формы проявления атеизма, будь то общество, где «теоретический атеизм находится у власти», или где он является «идеологически нейтральным, практическим атеизмом». В расчете на решение этой задачи в духовных семинариях, теологических университетах и колледжах США преподаются не только богословские, но и светские дисциплины — экономика, политика, юриспруденция и др., — имеющие своей целью вооружить будущих священнослужителей необходимыми социально-политическими знаниями. В некоторых из них преподается и марксизм, разумеется, в извращенном, фальсифицированном виде.

Наиболее мощными средствами евангелизации американского населения и борьбы против атеизма являются радио и телевидение США, которые выступают в качестве своего рода «электронной церкви». Начало функционирования «электронной церкви» в США относят к 1921 г., когда впервые из епископальной церкви богослужение передавалось по радио. В 1926 г. религиозные радиопрограммы передавали уже 600 радиостанций, причем 10% из них принадлежали религиозным организациям. С 50-х годов (начала эры телевидения) все большую роль в религиозной пропаганде евангелизма и антиатеизма берут на себя телевизионные компании. Одной из самых крупных является компания «Крисчен бродкастинг нетуорк» (Си-би-эн), которой руководит известный американский проповедник Дж. Робертсон. Си-би-эн рекламирует себя «видеоватиканом христианского вещания». Она транслирует для кабельных систем США круглосуточную программу, где религиозные беседы перемежаются политическими проповедями, телеспектаклями, спортивными репортажами, рекламой и т. д. Наряду с католической, имеют свои телевизионные сети и другие церкви США, например, баптистская, объединенная методистская, епископальная и объединенная пресвитерианская. Вследствие активной теледеятельности перечисленных и других церквей «в Соединенных Штатах практически нет ни одного дома, куда бы электронная церковь не могла направить в щедрых количествах свои песнопения, молитвы, увещевания».⁷⁸

Особенно изощренный характер пропаганда евангелизма и антиатеизма носит в американской армии. Ее ведут представители военного духовенства США, составляющие наиболее реакционное крыло монополистической буржуазии. Военные капелланы — неотъемлемая часть вооруженных сил США. К началу

⁷⁷ Там же. С. 140—141.

⁷⁸ Там же. С. 155.

80-х годов они насчитывали в своем корпусе 3 тыс. человек, а их содержание только в течение одного года обходилось американским налогоплательщикам в 75—80 млн долларов.⁷⁹ Военные капелланы—это не только духовные пастыри в армии и на флоте США, но и по существу политические воспитатели их личного состава, весьма активно влияющие на формирование политических взглядов и в целом политического облика американских солдат и офицеров. Для осуществления своей деятельности военные капелланы располагают большими возможностями. Они ведут воскресные школы по изучению Библии, заведуют библиотеками, беседуют с солдатами и с членами их семей, посещают армейские клубы, раз в неделю организуют специальные занятия, которые получили в американской армии название «час попа». В помощь священнослужителям американской армии издаются многочисленные бюллетени, а также журнал «Военный капеллан», в которых публикуется тематика занятий и дается инструктаж, как сочетать слово божье с воспитанием в духе милитаризма, как примирить библейскую заповедь «не убивай» с воинственными призывами к «крестовому походу» против коммунистов и атеистов.

Видное место в пропаганде евангелизма и антикоммунизма в США принадлежит «религиозному новому правому движению», представители которого пытаются внушить массам: если человек не является христианином, то он — антиамериканец.⁸⁰ Характеризуя «религиозное новое правое движение» и отмечая, что Америка для него — это «стартовая площадка» для евангелизации всего мира, директор американского Центра по изучению проблем религии и общества Ричард Нейхаус пишет, что оно выросло на основе «нового течения» в американской политике и культуре. Это движение стремится объединить все силы вокруг так называемых «моральных принципов» и опираться на «моральное большинство», охватывающее «не только христиан, но и иудеев и даже неверующих, лишь бы они придерживались „моральной повестки дня“ новых правых».⁸¹ По мнению Р. Нейхауса, «религиозное новое правое движение» — духовное отражение нынешней политики правительства США. Именно оно пытается возродить идеи фундаментализма о Библии как носителе конкретных ответов на все жизненные ситуации. Именно для него характерны такие качества, как одержимость, неприятные критики, отсутствие гибкости и, как следствие этого, — деформация политических и религиозных ценностей в Америке. Именно это движение ответственно за происходящую в США секуляризацию и бездуховность американского общества. Отмечая крайности «религиозного нового правого движения», Р. Ней-

⁷⁹ Там же. С. 24.

⁸⁰ См.: Maguire. D. The New Subversives. Anti-Americanism of the Religious Right. New York, 1982. P. 11.

⁸¹ Цит. по: Мчедлов М. П. Политика и религия. С. 39.

хаус делает вывод, что «абсолютная секуляризация общества и государства так же нежелательна, как и „религиозация” его».⁸²

С антикоммунистическими действиями «религиозных правых» в США тесно смыкается деятельность «русской зарубежной церкви», организационно оформившей свое самостоятельное существование на Карловацком соборе 1921 г. Идеино-политическая направленность названной церкви заключается в том, чтобы дискредитировать в глазах русской эмиграции и всех, кто ей сочувствует, советский общественный и государственный строй, насаждать воинствующий антисоветизм, возбуждать вражду и ненависть к социалистической революции и ее завоеваниям. «Весь смысл существования русской эмиграции, — говорится в одном из посланий «архиерейского синода», — состоит в ее непримиримости к Советской власти».⁸³ С этой целью лидеры русской церковной эмиграции подстрекали милитаристские силы Запада к новой интервенции в СССР, благословляли нашествие гитлеровских полчищ на нашу страну, призывали американских «ястребов» расправиться с коммунистами с помощью атомных бомб в послевоенный период, всячески препятствовали ослаблению напряженности между США и СССР, безудержно восхваляли программу «звездных войн». В сентябре 1985 г. в приветственной телеграмме епископскому собору Р. Рейган одобрил цели реакционных кругов русской церковной эмиграции. Он писал: «Вы заслуживаете высшей похвалы за ваши старания вернуть религиозную и гражданскую свободу русскому народу... В сохранении чудесной красоты и безвременного величия древней веры и культуры вашего отечества вы даете всему человечеству надежду на то, что эти блистательные учреждения когда-нибудь будут восстановлены в жизни русской нации и ее народа на своем прежнем месте».⁸⁴ Ответом на эту телеграмму явился перечень мероприятий по случаю празднования 1000-летия «крещения Руси», утвержденный собором епископов «русской зарубежной церкви», который также выдержан в антикоммунистическом духе.⁸⁵

Как отмечают сами американские буржуазные политологи, активизация деятельности «религиозных правых» находит свое выражение в усилении позиций политического консерватизма, в особенности по социальным проблемам, а также по широкому кругу экономических и внешнеполитических вопросов. «Существует тесная и несомненная связь, — пишут Джеймс Гут и Джон Грин, — между традиционной религиозностью и политическим консерватизмом среди религиозных деятелей и среди конгрес-

⁸² Там же. С. 40—41.

⁸³ Цит. по: Гордиенко Н. С., Комаров П. М. Обреченные: О русской эмигрантской псевдоцеркви. Л., 1988. С. 80.

⁸⁴ Там же. С. 73.

⁸⁵ Там же. С. 205—206.

сменов».⁸⁶ Доказательством тому служит широкая поддержка Р. Рейгана правыми религиозными силами разных вероисповеданий в период избирательных кампаний 1980 и 1984 годов.⁸⁷ В нашей печати отмечалось, например, что накануне президентских выборов 1984 г. реакционеры-евангелисты из «морального большинства» возносили в церквях хвалу Рейгану, а их лидер Дж. Фолуэлл без обиняков заявил, что «лишь такие люди, как Рейган, могут остановить наступление коммунистов».⁸⁸ Доказательством тому является также антикоммунистическая деятельность и самой администрации США, которая весьма активно использует в своей внутренней и внешней политике реакционные стороны всех основных религий современности: христианства, иудаизма и ислама.⁸⁹

§ 3. ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВЫ ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Одна из особенностей американского буржуазного политологического знания состоит в том, что в нем нет общей теории типа исторического материализма, которая давала бы научное объяснение развитию человеческого общества и законам его функционирования, вырабатывала бы общие принципы и методы исследования различных, в том числе политических явлений. Это знание не имеет и специальной теории типа теории научного коммунизма, которая бы раскрывала закономерности развития и функционирования капиталистического общества как такового. Как откровенно признает Д. Истон, на Западе «до сего времени все еще не существует теории в строгом смысле, которая оказалась бы пригодной для применения в политической науке или в любой другой социальной науке».⁹⁰

Отсутствие общей и специальной политической теории американские буржуазные политологи пытаются компенсировать разными способами.

1. Они делают это путем построения определенной системы теорий «среднего уровня», в изобилии разрабатываемых применительно к макро- и микросоциологическому исследованию по-

⁸⁶ Guth J., Green J. Faith and Politics. Religion and Ideology Among Political Contributors // American Politics Quarterly. Vol. 14. N 3. July 1986. P. 187.

⁸⁷ См.: Reichley A. Religion and the Future of American Politics // Political Science Quarterly. Vol. 101. N 1. Centennial Year 1886—1986. P. 27.

⁸⁸ Правда. 1984. 27 авг.

⁸⁹ См.: Levine D. Religion and Politics in Comparative and Historical Perspective // Comparative Politics. Vol. 19. N 1. October 1986.

⁹⁰ Цит. по: Мшвениерадзе В. В. Современное буржуазное политическое сознание. С. 119. — Аналогичная озабоченность проявляется и в работах других авторов (см., напр.: Gunnell J. Philosophy and Political Theory // Government and Opposition. Spring 1979. Vol. 14, N 2; Dryzek J. The Progress of Political Science // The Journal of Politics. May 1986. Vol. 48, N 2).

литики. Пример тому — теория политических систем Д. Истона и К. Дойча, теория государственной бюрократии П. Блау, Ч. Джакоба, Ф. Хантера, А. Этциони и др., теория политической социализации Г. Хаймена, Р. Доусона и К. Прюитта, теория отклоняющегося поведения Т. Парсонса и Р. Мертонса, теория принятия политических решений Г. Саймона и т. д.⁹¹ Наличие различного рода теорий «среднего уровня» в буржуазной политологии, как и в буржуазном обществоведении в целом, обосновывается плюралистическими соображениями онтологического, гносеологического, методологического, социологического и иного характера.⁹²

Сторонники онтологического плюрализма исходят из гетерогенности объективной, в том числе политической, реальности, из признания множества не зависящих друг от друга субстанциальных начал. В этом смысле, как отмечает И. С. Нарский, плюрализм противостоит монизму, ибо по своей сущности представляет собой идеалистическое направление, исторически возникшее «либо как трансформация дуализма, либо как попытка эклектического разрешения противоречий идеологического монизма».⁹³ Характерными особенностями гносеологического плюрализма являются признание равноправия многих истин относительно одного и того же явления, отрицание существования объективной истины и утверждение «правомочности» любых точек зрения на познание. Имея в виду эту особенность плюрализма, Ф. В. Константинов писал: «Отрицая в принципе возможность выработки единой научной концепции исторического развития, так же как и возможность объективного научного подхода к оценке социальной действительности, буржуазные теоретики выдвигают тезис о „множественности истины“, пытаются обосновать „право на жизнь“ самых различных и противоположных учений и взглядов».⁹⁴

В основе методологического плюрализма лежит отрицание единой, и прежде всего диалектико-материалистической методологии, которая обеспечивала бы познание объективных законов развития природы, общества и мышления. Применительно к разработке политических теорий методологический плюрализм означает использование любых методов, каждый из которых по отношению к другим выступает как равноправный.

⁹¹ Критический анализ указанных теорий автором дан в кн.: Федосеев А. А. Политика как объект социологического исследования: Критика методологических основ современной буржуазной политологии. Л., 1974.

⁹² Идеологический плюрализм: видимость и сущность / Сергеев Г. М., Огородников В. П., Шкуринов П. С. и др.; Под ред. Б. Н. Бессонова, И. С. Нарского. М., 1987.

⁹³ Нарский И. С. Плюрализм // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 278.

⁹⁴ Борьба идей в современном мире: В 3 т. Т. 1. / Скворцов Л. В., Жилин П. А., Рыбкин Е. И. и др.; Под ред. Ф. В. Константинова. М., 1975. С. 30.

Другими словами, речь идет о признании эклектики, которая, по существу, объявляется буржуазными политологами в качестве важнейшего и универсального средства универсализации идеологических и политических концепций. Примером тому может служить не только метод бихевиоризма, о котором речь уже шла выше, но и метод системного анализа, с позиций которого разработкой различных политических теорий занимаются многие буржуазные политологи, в том числе Д. Истон и К. Дойч.⁹⁵

Что касается социологического плюрализма, то он выражается в многофакторном обосновании идеи общественно-политического развития, согласно которому в обществе действуют совершенно равноценные и самостоятельные силы, исключающие возможность единого научного подхода и критерия в оценке исторической деятельности людей. «Отбрасывая общественную закономерность, — пишет в данной связи А. В. Момджян, — сторонники плюрализма отказываются от анализа способа производства как определяющего структуру всего общества, пытаются уравнивать определяющие силы общественного развития с набором различных факторов, взятых преимущественно из духовной сферы».⁹⁶ Так, в качестве фактора, определяющего социальное и политическое развитие общества, буржуазные социологи и политологи часто используют понятие культуры, которое стало у них, по существу, универсальным средством исследования различных, в том числе политических, явлений.⁹⁷

Наличие множества теорий американские буржуазные политологи пытаются также объяснить своего рода «теоретической терпимостью», способствующей объективному, научному постижению социального мира, и «интеллектуальной свободой», якобы существующей в капиталистическом обществе. С подобного рода суждениями нельзя согласиться. Прежде всего потому, что так называемая «плюралистическая терпимость» простирается далеко не на всех членов американского общества. Для многих она оборачивается «плюралистической нетерпимостью».⁹⁸ Препятствует проявлению «плюралистической терпимости» и социальная структура американского общества с его классовыми антагонизмами. «Классовый антагонизм, борьба диаметрально противоположных групп интересов определяют

⁹⁵ См.: Easton D. A Systems Analysis of Political Life. Second Edition. New York, 1967; Deutsch K. Politics and Government: How People Decide Their Fate, а также: Garson G. Political Science Methods. Boston, 1976; Williams J. Systematic Influences on Political Trust: The Importance of Perceived Institutional Performance // Political Methodology. 1985. Vol. 11, N 1—2.

⁹⁶ Идеологический плюрализм: видимость и сущность. С. 126.

⁹⁷ См.: Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры // Вестн. Ростовск. ун-та. 1979; Herson L. Political Theory and American Public Policy. Homewood (Ill.), 1984.

⁹⁸ См.: Gibson J. Pluralistic Intolerance in America: A Reconsideration // American Politics Quarterly, October 1986. Vol. 14, N 4.

постановку таких проблем, решение которых соответствовало бы достижению целей правящего класса или отдельных его группировок, а не общества в целом».⁹⁹

Наконец, важную роль в реализации интеллектуальной свободы в условиях «плюралистической терпимости» играет социальная позиция самого политолога, которая в гораздо большей степени, чем у других представителей буржуазной науки, обусловлена интересами господствующего класса. Дело в том, что предмет научного исследования политолога (политика) непосредственно включает в себя и те конкретные общественно-политические отношения, в которых он живет и работает. Другими словами, политика и политические отношения для политолога выступают одновременно и как предмет исследования, и как основная сфера его жизни и деятельности. В этой связи политолог, будучи сам непереманным участником различного рода политических отношений, никак не может быть нейтральным в принципиальных политических вопросах. Более того, ему гораздо труднее, чем представителю других наук, особенно естественных и технических, «очистить» свою общественно-политическую и профессиональную позицию от классовых предрассудков и представлений, характерных для данного общества. Эти представления и предрассудки зачастую не только диктуют буржуазному политологу предвзятое отношение к предмету, но и толкают его в сторону от подлинной науки, бросают его «в объятия пошлой казенной философии».¹⁰⁰

«Совмещение» теоретической деятельности буржуазного политолога с фактическими условиями его существования в значительной степени объясняет ту ограниченность буржуазного сознания, которая мешает ему выйти за рамки господствующих классовых представлений его общества. В качестве примера можно сослаться на то, что буржуазные политологи подчас правильно подмечают болезненные состояния капиталистического общества, однако констатация этих состояний не рассматривается как повод для конкретного анализа классово-исторических причин, их обуславливающих. При этом сам политолог отнюдь не обязательно выходец из того класса, интересы которого он прямо или косвенно выражает. «... Не следует думать, — писал К. Маркс, — что все представители демократии (речь идет о демократии мелкобуржуазной. — А. Ф.) — лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить

⁹⁹ Критика современной буржуазной теоретической социологии // Ионин Л. Г., Ковалев А. Д., Давыдов Ю. Н. и др.; Под ред. Г. В. Осяпова. М., 1977. С. 10.

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 279.

тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют». ¹⁰¹

Наряду с тезисом о пользе и необходимости «плюрализма» различного рода теорий американские буржуазные политологи широко используют также идею об их возможной интеграции. Под влиянием этой идеи еще в 60-х годах в буржуазной социологии появилось даже особое направление, основным девизом которого стал лозунг «конструирования теорий». Хотя сторонники этого направления и выступают с разных методологических позиций («сциентизма», с одной стороны, и «свободного теоретизирования» — с другой), по существу, они преследуют общую цель — вывести буржуазную социологию из того теоретического тупика, в котором она оказалась в последние годы. ¹⁰² Надо сказать, что усилия буржуазных социологов и политологов направлены не только на интеграцию теорий «среднего уровня», но и на интеграцию всевозможных оппортунистических, ревизионистских и догматических течений с целью создания единого антикоммунистического фронта. ¹⁰³

2. В поисках соответствующего эквивалента общей и специальной политической теории американские буржуазные политологи обращаются к классической политической теории. Ссылки на Платона и Аристотеля, Локка и Гоббса, Руссо и Монтескье, Канта и Гегеля, Дюркгейма и Вебера стали привычной и широко распространенной тенденцией. ¹⁰⁴ Разумеется, подобного рода обращения к классической политической теории имели место и на предшествующих этапах развития американской буржуазной общественно-политической мысли. Свидетельством тому является рецепция американскими буржуазными политологами идей представителей различных школ и направлений прошлого (например, органической теории происхождения государственно-правовых институтов, теории насилия, теории разделения и ограничения властей и т. д.). Однако ныне эти обращения приобрели еще более выраженную идейно-теоретическую окраску. Они призваны прежде всего подвести соответствующую научную базу под американскую буржуазную

¹⁰¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 148.

¹⁰² Комаров М. С. Новые тенденции в эмпирической социологии США // Социологические исследования. 1976. № 1.

¹⁰³ Борьба идей в современном мире. Т. 2. М., 1976. С. 4.

¹⁰⁴ См., напр.: Farr J. So Vile and Miserable an Estate: The Problem of Slavery in Locke's Political Thought // Political Theory. May 1986. Vol. 14, N 2; Smith S. Hegel's Critique of Liberalism // American Political Science Review. March 1986. Vol. 80, N 1.

политологию, отношение к которой со стороны самих ее представителей было и остается далеко не однозначным. Одни из них вообще не считали политологию наукой. «Никто не принимает политическую науку всерьез, — писал в 1929 г. У. Липпман, — потому что никто не убежден, что она является наукой или что она имеет важное отношение к политике».¹⁰⁵ Другие американские политологи, хотя и считали, что политология может претендовать на роль науки, тем не менее ограничивали сферу ее действия сравнительно узкими рамками. «Политическая наука, — отмечал Д. Смит, — не имеет дела с общими законами. Собственно предметом политики являются главным образом специфические проблемы и частные институты».¹⁰⁶

Наконец, среди американских политологов есть немало и таких, которые защищают буржуазную политологию как науку, хотя и добавляют, что слово «наука» приобретает несколько иной оттенок, когда его применяют к политическим, а не к естественным явлениям. Об этом говорит, в частности, известный американский политолог Вернон Ван Дайк. «Политическая наука, — подчеркивает он, — имеет дело с общими законами, независимо от того, называются они так или нет. Она также имеет дело с мотивами и нормами поведения, с теориями, с необходимыми и достаточными причинами тех или иных явлений».¹⁰⁷ О буржуазной политологии как науке говорит также американский политолог Юджин Меен.¹⁰⁸ Эти же идеи развивает в своих работах Р. Бернстайн, доказывая возможность построения общей политической теории на основе изучения политических и философских учений как прошлого, так и настоящего.¹⁰⁹

Обращение к классическим политическим учениям призвано не только подвести научную базу под американскую буржуазную политологию, но и вдохнуть новую жизнь в обанкротившуюся теорию и практику современной государственно-монополистической буржуазии. В качестве примера можно сослаться на то, что в связи с празднованием 200-летнего юбилея США на идеологическую авансцену было выставлено самое разнообразное теоретическое оружие прошлого и настоящего.¹¹⁰ Как правильно отмечают В. Е. Гулиев и Н. Н. Деев, «обращение к классике и попытки с ее помощью как бы заново осмыслить политическую теорию отражают то обстоятельство, что совре-

¹⁰⁵ Lippman W. A Preface to Morals. New York, 1929. P. 260.

¹⁰⁶ Smith D. Political Science and Political Theory // American Political Science Review. 1957. Vol. 51. P. 737.

¹⁰⁷ Van Dyke V. Political Science: A Philosophical Analysis. Stanford, 1960. P. 203.

¹⁰⁸ См.: Meehan E. The Theory and Method of Political Analysis. Homewood (Ill.), 1965. P. 18.

¹⁰⁹ См.: Bernstein R. The Restructuring of Political and Social Theory. New York, 1976.

¹¹⁰ См.: США: Политическая мысль и история. М., 1976.

менное буржуазное общество находится ныне на переломном этапе своей эволюции, когда прежние традиционные формы политической, и в частности государственной, организации, а также их идеологическое оформление все меньше удовлетворяют идеологов господствующего класса».¹¹¹ Опираясь на авторитет древних и новых классиков политической мысли, монополистическая буржуазия США получает новые возможности для оправдания экономической, социальной и политической несправедливости, для сохранения эксплуатации и угнетения.

Из истории политических учений монополистическая буржуазия США черпает также теоретический арсенал в борьбе против теории и практики социализма, против марксистской политической науки. Произвольно выхватывая из классических политических учений те или иные положения, искусно препарируя их с учетом особенностей современной идеологической борьбы, она в искаженном плане истолковывает происходящие в нашем обществе политические процессы. Причем особенно грубой фальсификации подвергаются такие аспекты политической жизни социализма, как демократия, свобода, равенство и ответственность личности, взаимоотношения партии, государства и общественных организаций. Антикоммунистический аспект интерпретации тех или иных политических учений прошлого весьма отчетливо проявляется и тогда, когда речь идет об истории формирования марксистской политической мысли, о предшественниках марксизма. Один из излюбленных приемов, применяемых американскими буржуазными политологами, состоит, в частности, в том, чтобы доказать, что не марксистская, а буржуазная политическая наука является законной преемницей всего лучшего, что создано классической политической теорией.

Обращаясь к истории политических учений, американские буржуазные политологи, как правило, отрывают их от конкретного экономического и социально-классового фона, на котором они возникают, привносят в эти учения свои субъективистские установки. При таком методологическом подходе абсолютизируется относительная самостоятельность политических идей и воззрений, а сама история политических учений «приобретает самодовлеющий характер и предстает как чисто мыслительное движение, как лишенная общественно-материальной и социально-классовой обусловленности смена концепций, воззрений и

¹¹¹ Гулиев В. Е., Деев Н. Н. Американская буржуазная государственность: Кризис доктрин и институтов // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 106—107. — Обращение к классической теории в области американской буржуазной политологии есть в то же время отражение общей тенденции к «философизации» общественного знания, свойственной современному капитализму в целом (см.: Социология и современность. Т. 2 / Мчедлов М. П., Руткевич М. Н., Осипов Г. В. и др.; Под ред. Ф. В. Константинова. М., 1977. С. 394).

ценностей».¹¹² Сами буржуазные политологи объясняют это тем, что идеологически нейтральных исследователей нет. «Превращение исследователя в эдакого стерильного и совершенно нейтрального наблюдателя, — пишет М. Ландау, — является фактически невозможной легендой».¹¹³ Соглашаясь в принципе с приведенным высказыванием, следует, однако, добавить, что и абстрактной заинтересованности нет. Она всегда преломляется сквозь призму установок, ценностей и оценок конкретного класса или конкретной социальной группы.

3. Будучи не в состоянии создать нечто самостоятельное в общетеоретическом отношении, американские буржуазные политологи проявляют несомненный и всевозрастающий интерес к марксизму. «Рост интереса к марксизму, — подчеркивается в книге „Борьба идей в современном мире“, — устойчивая, постоянная тенденция последних десятилетий. Особенно быстрый рост этого интереса наблюдается с конца 50-х годов, развиваясь параллельно общему процессу политической радикализации на Западе».¹¹⁴ Речь здесь идет не об обычных ссылках на произведения классиков марксизма-ленинизма, а о заимствовании определенных положений у марксистской политической теории, в частности положений об определяющей роли экономических и социальных факторов в политике. Разумеется, сама интерпретация этих факторов дается отнюдь не в марксистском духе. Так, обращаясь к анализу экономических факторов, буржуазные политологи явно и односторонне преувеличивают роль техники, степень развития которой они пытаются объяснить характер общественно-политического устройства тех или иных стран, а также уровень демократии в них. Подобные мотивы очень сильны в теории модернизации, теории меритократии и многих других.

С другой стороны, обращаясь к анализу социальных факторов, буржуазные политологи ничего или почти ничего не говорят о факторе классовом, пытаются подменить его системой факторов иного рода, как это делается, например, сторонниками теории социальной стратификации, сторонниками теории «среднего класса» и т. д. Больше того, обращаясь к социальной сфере жизни общества и пытаясь объяснить с помощью ее те или иные процессы политического развития, буржуазные социологи стремятся даже доказать, что именно они, а не марксистские социологи якобы придают этой сфере наибольшее значение. В качестве доказательства приводятся, в частности, утверждения о том, что буржуазная социология — это и есть

¹¹² История политических и правовых учений / Грацианский П. С., Зорькин В. Д., Мамут Л. С. и др.; Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1983. С. 19.

¹¹³ Landau M. Political Theory and Political Science: Studies in the Methodology of Political Inquiry. New York, 1972. P. 44.

¹¹⁴ Борьба идей в современном мире. Т. 2. С. 55.

наука о социальном поведении (т. е. о поведении прежде всего и главным образом в социальной сфере общества), что при анализе политических институтов буржуазные социологи особо выделяют их социальные функции, как, например, это делают сторонники теории «государства всеобщего благоденствия» и т. д.

Из общей и политической теории марксизма американские буржуазные политологи заимствуют даже диалектику, пытаясь доказать, что она наряду с другими способами познания входит в систему их общих методологических установок. Так, американский политолог Р. Фостер в начале 70-х годов писал, что «диалектика как логика истории, впервые сформулированная Гегелем, не является исключительной собственностью марксистов...». ¹¹⁵ Обращаясь к диалектике, американские буржуазные политологи не идут, однако, дальше ее гегелевского истолкования. Поэтому идеалистическая сущность и антимарксистская направленность их общих методологических установок очевидна.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере интерпретации ими характера общественного развития. Основной тезис, который, как правило, выдвигается буржуазными политологами, состоит в том, что общественное развитие не подчинено строгой детерминированности, а, стало быть, его прогнозирование если и может осуществляться, то только с точки зрения категории возможности, а не категории необходимости. По этой причине историческая необходимость со всеми вытекающими из нее последствиями (в том числе сменой одних общественно-экономических формаций другими) объявляется ими выдумкой марксистов, а теория социальной революции подменяется теорией социальной эволюции. ¹¹⁶

Вскрывая несостоятельность подобного рода интерпретаций марксизма, М. Я. Корнеев справедливо замечает, что их авторы лишь рядятся в «диалектические одежды», оставаясь в сущности глубоко чуждыми подлинному пониманию диалектики общественного развития. ¹¹⁷ На эту сторону искажения диалектики общественного развития обращал внимание в свое время В. И. Ленин, подчеркивая, что «с „принципом развития“ в XX веке (да и в конце XIX века) „согласны все“». — Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное, филистерское „согласие“ есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину». ¹¹⁸

¹¹⁵ Kinter W., Foster R. (eds.) *National Strategy in a Decade of Change. An Emerging U. S. Policy*. Lexington, 1973. P. 7.

¹¹⁶ См.: Boulding K. *Ecodynamics: A New Theory of Societal Evolution*. New York, 1978. P. 9—20.

¹¹⁷ См.: *Материалистическая диалектика: В 5 т. Т. 5. Критика идеалистических концепций диалектики* / Киссель М. А., Любутин К. Н., Федосеев А. А. и др.; Под ред. М. Я. Корнеева. М., 1985. С. 169.

¹¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.

Обращаясь к марксизму, американские буржуазные политики заимствуют также у него идею класса — гегемона в обществе, о чем свидетельствует выдвижение ими концепции «нового класса».¹¹⁹ Так, А. Гоулднер в своей монографии «Будущие интеллектуалы и возвышение нового класса» пишет, что «новый класс — это культурная буржуазия, которая стремится извлечь для себя выгоды из исторически и коллективно созданного культурного капитала».¹²⁰ «Культурный капитал», по А. Гоулднеру, — это знания, особый язык, умения. Получаемая зарплата, авторские гонорары, затем проданные авторские права, патенты или экспертные советы — таков источник доходов «нового класса». Как вывод из сказанного следует, что «расходы на образование — не просто невозвратимые затраты. Похоже, наоборот, они способствуют приливу дохода. Этот культурный капитал — экономическая основа нового класса».¹²¹

Говоря о возвышении «нового класса», А. Гоулднер подробно характеризует его стратегию. Он пишет, что, «не доходя до баррикад, новый класс может измотать старый» саботажем, критикой, публичным разоблачением и расследованием, особой моралью, техническим и культурным превосходством, подвергать его презрению и осмеянию. «Основой классовой стратегии нового класса является образование союза с массой рабочих и крестьян, предназначенного обострить конфликт между этой массой и старым классом и противопоставить этот союз старому классу и его господствующему положению в обществе».¹²² Нельзя не видеть, что предлагаемая А. Гоулднером «классовая стратегия» не выражает сути классовых отношений при капитализме, хотя, видимо, и учитывает факты совместных выступлений рабочих и некоторой части инженерно-технических работников низшего и среднего звена против монополистического капитала. Утверждать, что «новый класс» организованно, сознательно стремится к союзу с рабочими и крестьянами с целью использования его для ограничения господства буржуазии — утопия, если не преднамеренное искажение классовых отношений капиталистического общества.

¹¹⁹ См.: Gouldner A. The Future Intellectuals and the Rise of the New Class. New York, 1979; Bell D. The New Class: A Muddled Concept. New York, 1981; Berger P. New Attack on the Legitimacy of Business // Harvard Business Review. 1981. September; Our New Elite for Better or for Worse? // U. S. News and World Report. 1980. February 25; Muravchic J. Theories of the New Class // World Affairs. 1981. Vol. 144, N 2. — Подробный анализ названной концепции см.: Боборыкин В. Е., Федосеев А. А. Меритократическая модель развития общества и ее классово-политическая сущность // Критика современных буржуазных политологических и культурологических концепций общественного развития / Под ред. М. Я. Корнеева, А. А. Федосеева. Л., 1986.

¹²⁰ Gouldner A. The Future Intellectuals and the Rise of the New Class. P. 19.

¹²¹ Ibid.

¹²² Ibid, P. 18.

А. Гоулднер делает еще одно «открытие», фиксируя противоборство между «новым классом» и капиталистами в сфере производства. Он пишет: «Благодаря своему техническому знанию производства и методов управления новый класс контролирует производство и поэтому обладает важным рычагом, посредством которого добивается удовлетворения своих интересов. Новый и старый классы ведут борьбу за контроль над структурой производства и управления. Это отчасти борьба между классом, которому по закону принадлежит собственность на средства производства, и классом, чье техническое знание обеспечивает фактическое владение этим производством».¹²³ В этой концепции, вопреки марксизму-ленинизму, изменен состав участников, цели и средства классовой борьбы. Согласно А. Гоулднеру, цель борьбы — установить окончательный контроль над производством и управлением, не устраняя частную собственность, просто сменить группы владельцев: были капиталисты, стали инженеры-управленцы. Капитализм как система остается неизменным.

Реальна ли подобная замена в капиталистическом обществе? Отнюдь нет. Техническое знание и управление, через посредство которых инженеры контролируют производство, технологический процесс, не дают права на получение прибыли, являющейся главной целью деятельности корпорации. Низший и средний слои технической интеллигенции — наемные работники — экономически по объективному положению в сфере капиталистического производства зависят от собственника или монополистической группы, за определенную плату выполняют конкретные функции, в данном случае управления и технического обслуживания. Эти слои технической интеллигенции не однородны, определенная их часть стремится выбиться в ряды технократической элиты, но государственно-монополистические формы организации науки и техники превращают ее в рядовых эксплуатируемых работников специализированного труда.¹²⁴ Поэтому представлять эти слои с индивидуализированной формой труда последовательным борцом за контроль над производством — значит сознательно умалять гегемонию пролетариата в классовой борьбе. На это, впрочем, и рассчитана концепция А. Гоулднера.

4. Отсутствие единой политической теории американские буржуазные политологи стремятся компенсировать усилением общей эмпирической направленности своей области знания, дальнейшим расширением сфер ее практического применения. О преимуществах эмпиризма в политологии говорили и говорят многие ее представители. Так, по мнению американского поли-

¹²³ Ibid. P. 12.

¹²⁴ См.: Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке. М., 1980. С. 142.

толога Р. Лейна, основным мотивом профессиональной деятельности ученого является не теория, а «чистая» эмпирическая наука, практическое знание, которое основывается на научно-технических критериях и которое ведет к сокращению сферы идеологического мышления.¹²⁵ В условиях научно-технической революции, отмечал он, происходит широкое вторжение «научных критериев и научного знания» в сферу практической политики. «Дебаты еще остаются оценочными и партийными, но сфера идеологии сокращается под влиянием господства знания».¹²⁶

Аналогичные идеи развивает американский политолог Ю. Меен. «Наилучшая стратегия для политической науки, — писал он, — безусловно состоит в том, чтобы в максимальной степени быть строго эмпиричной».¹²⁷ Ему вторит Дж. Ганнелл. Истоки «сциентизма» в американской политологии, замечает он, коренятся в философии логического позитивизма и логического эмпиризма. Именно в ней черпаются необходимые аргументы для обоснования научных методов познания политики, а также другие максимы, столь привычные для политической науки сегодня.¹²⁸ Наивно или претенциозно, добавляет Дж. Ганнелл, рассчитывать на «перестройку политической теории и политической жизни на основе проникновения в суть экзистенциализма, феноменологии, лингвистического анализа, герменевтики, критической теории и метаэтики».¹²⁹ Подобным образом рассуждает и Дж. Дрижек из Орегонского университета, который считает, что «прогресс политической науки может быть охарактеризован как возрастающая способность политической науки справиться со случайностью в ее эмпирических проблемах».¹³⁰

Вместе с тем связь эмпиризма с общей политической теорией американскими буржуазными политологами интерпретируется неоднозначно. Одни из них считают, что эмпирические исследования представляют собой необходимую ступень на пути построения общей политической теории, что они вносят свой вклад в ее развитие, равно как и содействуют прогрессу политического знания вообще. «Целиком заблуждаются те социологи, — пишет американский профессор Г. Блейлок, — которые полагают, что теория сперва должна строиться дедуктивно, а затем проверяться. Наиболее хорошая теория может быть сформулирована только в свете существующих данных».¹³¹ Дру-

¹²⁵ См.: Lane R. The Doctrine of Politics and Ideology in a Knowledgeable Society // American Sociological Review. 1966. Vol. 31, N 5. P. 649.

¹²⁶ Ibid. P. 661.

¹²⁷ Meehan E. The Theory and Method of Political Analysis. P. 178.

¹²⁸ Gunnell J. Philosophy and Political Theory. P. 208.

¹²⁹ Ibid. P. 215.

¹³⁰ Dryzek J. The Progress of Political Science // Journal of Politics. May 1986. Vol. 48, N 2. P. 301.

¹³¹ Blalock H. Theory Construction. New York, 1969. P. 8.

гие буржуазные социологи, наоборот, утверждают, что эмпирические исследования призваны либо конкретизировать, либо вообще заменить собой общую социологическую теорию. Именно эту мысль проводит в одной из своих работ Д. Белл, по мнению которого общество распадается на отдельные, фактически разобщенные между собой сферы (технико-экономическую, политическую и культурную), исключающие возможность их комплексного теоретического осмысления. «Самое большое, на что может рассчитывать общественная наука, — полагает он, — это эмпирическое исследование изолированных сфер социальной структуры».¹³²

Ни первый, ни второй подходы к эмпиризму не повышают теоретической значимости буржуазной политологии, поскольку сами по себе эмпирические исследования, как правило, не поднимаются до уровня сколько-нибудь значимых научно-технических обобщений. Что касается так называемых гипотез, выдвигаемых на основе конкретно-социологического анализа «изолированных сфер общественной жизни», то они носят либо явно выраженный апологетический, либо сугубо умозрительный, спекулятивный характер и практически не поддаются эмпирической проверке. Сказанное вытекает из того, что основной задачей буржуазной социологии объявляется изучение структуры и процессов, имеющих отношение к общественной интеграции, а основной задачей буржуазной политической социологии — изучение структуры и процессов, имеющих отношение к политической интеграции.¹³³ Такая формулировка задач диктуется целью обеспечить равновесие, стабильность и интегрированность буржуазного общества. Цель эта недостижима, сама ее постановка свидетельствует о недостаточной теоретической надежности буржуазной социологии вообще, буржуазной политической социологии в частности.

¹³² Цит. по: Красин Ю. А. В поисках утраченных ценностей // Вопросы философии. 1976. № 8. С. 111.

¹³³ См.: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 364—365.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ АМЕРИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

В числе многих проблем, стоящих в центре внимания американских буржуазных политологов, наиболее важными являются проблемы обоснования политического образа жизни. Обращаясь к этим проблемам, американские буржуазные политологи преследуют троякого рода цели: во-первых, представить как своего рода эталон американский политический образ жизни; во-вторых, в искаженном свете изобразить политический образ жизни в социалистических странах; и, в-третьих, навязать свой политический образ жизни развивающимся странам.

§ 1. ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ

Политологическое обоснование образа жизни, хотя и не противостоит социологическому и экономическому его обоснованию в американском буржуазном обществоведении, тем не менее имеет свои особенности, которые состоят в следующем.

1. Политологическое обоснование образа жизни в буржуазной литературе характеризуется гораздо большей фрагментарностью и эклектичностью, нежели обоснование социологическое и экономическое. Оно строится на основе множества мало связанных между собой, а подчас и весьма противоречивых концепций, разрабатываемых представителями различных школ и направлений в буржуазной политологии. Среди них особенно выделяются такие школы и направления, как позитивизм, прагматизм и политический реализм, технократизм, менеджеризм, либерализм, консерватизм и радикализм. Сами буржуазные политологи множественность школ, направлений и теорий, с позиций которых они обосновывают существующий в условиях

капитализма образ жизни, преподносят как доказательство, с одной стороны, его многоплановости, а с другой — непрерывного изменения, обновления и даже трансформации в какой-то новый (небуржуазный) образ жизни. В действительности эта множественность обусловлена причиной совершенно иного рода, а именно стремлением буржуазных политологов найти новые средства для защиты все того же буржуазного образа жизни, для защиты все того же капитализма, который, как отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, хотя и не застыл в своем развитии, однако «сталкивается ныне с небывалым переплетением, взаимоусилением всех групп его противоречий».¹

2. Политологическое обоснование образа жизни в буржуазной литературе в гораздо большей степени, чем обоснование социологическое и экономическое, подчинено целям политического контроля за поведением личности. Об этом весьма откровенно пишут те буржуазные авторы, которые исследуют образ жизни с позиций так называемой теории легитимности. «Легитимность, — подчеркивает С. Липсет, — означает способность системы породить и поддерживать веру народа в то, что ее политические институты в наибольшей степени отвечают интересам общества».² Еще более четко данную мысль выразил А. Мейер, который под легитимацией (основной категорией теории легитимности) понимает процесс, направленный на то, чтобы «заставить индивидуума принять соответствующий строй таким, каков он есть, чтобы выработать у него положительное, одобрительное отношение к существующей системе и к ее институтам, к ее руководителям и к методам, с помощью которых они избираются на свои высокие посты».³

При некоторых различиях приведенные определения имеют то общее, что в них акцентируется поддержка, оказываемая политическим системам со стороны индивидов; именно она является необходимым условием стабильности существующего образа жизни. Различные типы легитимности, о которых говорилось в предыдущей главе настоящей работы, основываются, с одной стороны, на манипуляции политическим сознанием

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 13.

² Lipset S. Political Man. New York, 1960. P. 77.

³ Цит. по: Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. М., 1971. С. 112. — Аналогичные определения легитимности даются в работах и других буржуазных политологов. Легитимность (законность), пишет, например, К. Дойч, «предполагает, что господствующие в данной системе ценностные характеристики психологически усвоены всем населением и реализация этих ценностей происходит без существенного нарушения других важных прав, которыми обладают граждане» (Дойч К. Основные изменения в политологии (1952—1977 гг.) // Политические отношения: прогнозирование и планирование: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1978. М., 1979. С. 72).

индивидов,⁴ а с другой — на модификации их политического поведения. Причем неотъемлемой частью и того и другого становятся изощренная социальная демагогия, систематическая ложь и жонглирование всевозможными популярными лозунгами и фразами. Как указывал В. И. Ленин, буржуазия не может обойтись без масс, а массы «нельзя вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим,—лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии».⁵

Важно отметить также, что концепция легитимности, служащая одним из средств теоретического обоснования буржуазного образа жизни, имеет своей целью защиту интересов не личности, а буржуазного общества, сохранение и укрепление существующей политической системы. Своим позитивным содержанием она обращена не к личности, а к ее коллективным суррогатам в условиях капитализма: буржуазному государству, буржуазным политическим партиям и прочим буржуазным политическим институтам. Больше того, сама личность в данной концепции выступает не в роли субъекта, а лишь в роли объекта политического контроля, в качестве винтика для скрепления бюрократического механизма, для обеспечения его бесперебойного функционирования. Поведение личности, ее действия рассматриваются прежде всего под углом зрения безоговорочного принятия политической идеологии как официальной шкалы оценок мотивов и поступков. Выход за рамки официальной шкалы рассматривается как «отклоняющееся поведение» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Критерии самих оценок, их градация также вырабатываются сверху, без активного участия широких масс населения.⁶

3. Теоретическое обоснование образа жизни в буржуазной политологии отличается необычайно ярко выраженной пропагандистской и антикоммунистической направленностью. И то и другое — отнюдь не случайные явления в буржуазной политоло-

⁴ Если иметь в виду манипуляцию политическим сознанием, то она строится на следующих пяти мифах: 1) об индивидуализме и личном выборе; 2) о нейтралитете; 3) о неизменной природе человека; 4) об отсутствии социальных конфликтов и 5) о плюрализме средств массовой коммуникации (см.: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 25—41).

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 176.

⁶ Не случайно в этой связи наряду с обоснованием источников поддержки индивидами существующей политической системы буржуазные политологи усиленно занимаются также анализом источников так называемой «политической терпимости», связывая эти источники опять же с особенностями социально-психологической природы личности, а не с факторами социально-экономического и социально-классового характера (см., напр.: Sullivan J., Marcus G., Feldman S., Pierson J. The Sources of Political Tolerance: A Multivariate Analysis // The American Political Science Review. March 1981. Vol. 75, N 1. P. 92—106).

логии. Они органически вытекают из ее прошлого и адекватно отражают ее настоящее. Об антикоммунистическом истолковании американскими буржуазными политологами образа жизни свидетельствуют многие факты. Прежде всего это — акцент на такие компоненты современного образа жизни, которые фиксируют одну, выгодную монополистической буржуазии, сторону капиталистической действительности (например, тенденцию к потребительству) и умаляют значение других сторон, характеризующих революционно-преобразующую деятельность широких масс (например, требование ограничения власти монополий). Далее это — искаженная интерпретация того образа жизни, который складывается в странах, идущих по некапиталистическому пути развития. И, наконец, это грубая фальсификация социалистического образа жизни, которая принимает самые изощренные формы (от оценки советских людей как абсолютно бесправных в политическом отношении до изображения их как «диких варваров», стремящихся к политическому порабощению других народов).

Перечисленные особенности теоретического обоснования образа жизни в американской буржуазной политологии находят свое отражение в различного рода моделях, конструируемых американскими авторами на разных этапах развития капиталистического общества и современного мира в целом. Одной из них является так называемая *уникальная модель политического образа жизни*, которая строилась на гиперболизации американского образа жизни, на вере в его превосходство над всеми другими образами жизни, на вере в американскую исключительность, в особую историческую миссию США.

Примером того, как конструировалась «уникальная модель образа жизни», может служить концепция «культуры гражданственности». Такая культура якобы в наибольшей степени воплощена в политической культуре американского общества. Важнейшими ее признаками американские политологи считают: стабильность и многоценность, рационализм и экспериментализм, большое единство взглядов на цели и идеалы политики, равно как и на средства достижения этих целей, приверженность граждан к политической системе, удовлетворенность ее функционированием, активное участие в осуществлении политических функций через различные, в том числе добровольные, организации и т. д.⁷

Выдавая политическую культуру США за уникальную модель политической культуры вообще, наделяя эту культуру несвойственными ей признаками, американские политологи рас-

⁷ См.: Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963. P. 440—455; Salisbury R. Governing America: Public Choice and Political Action. New York, 1973. P. 13—37; Deutsch K. Politics and Government. P. 237—238, 288—294.

смаатривают другие типы политической культуры как различные формы отклонения от «культуры гражданственности». Так, отмечая специфические черты отдельных политических культур — немецкой (высокое доверие к правительству, сочетаемое с формализмом и пассивностью), итальянской (политическое отчуждение, социальная изоляция и недоверие) и мексиканской (неустойчивость и противоречивость), — Алмонд и Верба утверждают, что «Германия, Италия и Мексика отклоняются от „культуры гражданственности“ тремя разными путями, но в каждой стране отклонения создают политическую культуру, не соответствующую эффективной и стабильной политической системе».⁸

Еще более скептически американские политологи относятся к афро-азиатской политической культуре и к политической культуре социалистических стран. Если, например, в первой, по их мнению, политические ориентации индивидов еще не отделены от их религиозных и социальных ориентаций, то во второй эти ориентации хотя и строго дифференцированы, тем не менее связаны с моделью субъекта, участвующего в политике, а не влияющего в ней. Далее, если в первой чрезвычайно сильны «традиционные культуры» власти, служащие основой для возникновения «харизматических» режимов, то во второй будто бы наиболее ярко выражены тенденции к «тотальному контролю» и «тотальному вмешательству» в частную жизнь граждан.

Несостоятельность «уникальной модели политической культуры», равно как и «уникальной модели политического образа жизни», состоит в том, что эти модели строятся на основе не столько реальных отношений, сколько на иллюзорных представлениях об американской исключительности, воплощенных в так называемой «американской мечте», которая в современных условиях все более и более девальвируется. Из высокого морального идеала, каким она была прежде, «американская мечта», отмечает советский исследователь В. П. Шестаков, «вырождается в пустой имидж, в систему псевдофактов, фиктивных ценностей и ложных иллюзий».⁹ Данный факт не могут отрицать и сами буржуазные политологи. «Соединенные Штаты, — подчеркивал в 1981 г. в традиционном ежегодном послании Американской ассоциации адвокатов главный судья Уоррен Беджер, — потеряли власть управлять собой, а также поддерживать закон и порядок, необходимые цивилизованному обществу». В своем развитии они, заключил У. Беджер, приближаются «к статусу импотентного общества».¹⁰

⁸ Almond G., Verba S. The Civic Culture. P. 496.

⁹ Шестаков В. П. «Американская мечта» и моральный кризис // США — экономика, политика, идеология. 1979. № 2. С. 30.

¹⁰ Цит. по: The Power to Govern / Ed. by R. Pious // Proceedings of the Academy of Political Science. New York, 1981. Vol. 34, N 2. P. VII.

Другой, не менее широко рекламируемой американскими буржуазными политологами моделью является *апологетическая модель политического образа жизни*. Особенно четко она представлена в теории «государства всеобщего благоденствия». Сторонники этой теории (а к ним относятся представители самых различных направлений — либеральный демократ Дж. Гэлбрейт, социал-реформист Антони Крослэнд, ревизионист А. Биттельман и др.), критикуя буржуазное государство периода промышленного капитализма за то, что оно выступало в роли своего рода «ночного сторожа» и не проявляло должной заботы о благе всех членов общества, всячески восхваляют современное буржуазное государство за то, что оно, активно вмешиваясь в экономические и другие общественные отношения, якобы перестает быть органом защиты интересов капиталистов и стремится в равной степени «удовлетворять потребности всех общественных групп и классов».¹¹

В основе теории «государства всеобщего благоденствия», якобы отражающей наиболее характерные черты западного политического образа жизни, лежит идея «всеобщей полезности» буржуазного государства, которая «подкрепляется» четырьмя искаженно интерпретируемыми буржуазными политологами факторами: 1) национализацией и планированием тех или иных сфер хозяйственной жизни; 2) системой социальных мероприятий (социальным страхованием, социальным обслуживанием, регулированием заработной платы, труда, денежного обращения и т. д.); 3) так называемым «антитрестовским законодательством»; и 4) повышением роли широких масс населения в политической жизни буржуазного общества.¹² Указанные факторы действительно имеют место, однако они не изменяют классовую природу буржуазного государства, поскольку, как об этом писал Энгельс, «чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать».¹³ Больше того, эти факторы, равно как и государственно-монополистическое регулирование буржуазных общественных отношений в целом, не только не устраняют прежних противоречий капитализма, но и порождают новые, а именно: противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые создаются буржуазией в процессе их

¹¹ См., напр.: Boulding K. Principles of Economic Policy. New York, 1968. P. II.

¹² См.: Завадский С. «Государство благоденствия». М., 1966; Лернер Ф. Крах теории «государства всеобщего благоденствия». М., 1970; Бёниш А., Райхельт Д. Буржуазные концепции общества и действительность. М., 1980; Попов А. А. Государство «всеобщего благоденствия»? М., 1985.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 290.

использования; противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистической формой его регулирования; углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства наций и финансовой олигархией. Не случайно поэтому подавляющее большинство граждан самих капиталистических стран не верит в идею «государства всеобщего благоденствия» и отвергает ее основные постулаты.¹⁴

Важное место в американской буржуазной политологии занимает *меритократическая модель политического образа жизни*. Авторы этой модели пытаются доказать, что в условиях современной научно-технической революции демократия (правление с помощью организованного большинства) все более перерастает в так называемую меритократию (от латинского слова «meritus» — «заслуга», «достоинство»), т. е. в правление с помощью лиц, имеющих особые заслуги и достоинства, а точнее — с помощью квалифицированных специалистов (технократов). Основателем теории меритократии по праву считается английский социолог Митчел Янг,¹⁵ однако наиболее полный политологический вариант ее представлен в работах американского политолога Д. Белла.¹⁶

Меритократическая модель политического образа жизни привлекает к себе внимание буржуазных политологов прежде всего потому, что она направлена против несправедливого распределения политических и социальных ценностей в обществе. Существующие в капиталистическом обществе политические и социальные иерархии, связанные с аристократической, кастовой, клановой и семейной принадлежностью, эта теория пытается заменить одной иерархией — иерархией, в которой политический и социальный статус личности ставится в зависимость от ее качеств, способностей и достижений. «С особой резкостью меритократы, — подчеркивает Г. В. Мальцев, — осуждают непотизм — принцип благоволения к родственникам и знакомым при раздаче должностей и благ, а также систему протекционизма, практику создания креатур — круга лиц, лично преданных человеку, обремененному дистрибутивной властью».¹⁷

¹⁴ См.: Попов А. А. Государство «всеобщего благоденствия?»

¹⁵ См.: Young M. The Rise of the Meritocracy. 1870—2033: An Essay on Education and Equality. Harmondsworth, 1967.

¹⁶ См.: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. New York, 1973; Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1976; Bell D. On Meritocracy and Equality: The New Equalitarianism. Questions and Challenges. New York; London, 1979; Bell D. The Winding Passage: Essays and Sociological Journeys, 1960—1980. New York, 1980. — В советской литературе обстоятельный анализ исходных принципов теории меритократии дан в кн.: Мальцев Г. В. Буржуазный эгалитаризм: Эволюция представлений о социальном равенстве в мире капитала. М., 1984. С. 214—243.

¹⁷ Мальцев Г. В. Буржуазный эгалитаризм. С. 216.

Важнейший тезис сторонников меритократической модели политического образа жизни состоит в том, что на вершине государственной организации должны находиться самые умные и самые деловые люди — элита, отобранная по принципу способностей к управлению, профессиональных навыков и квалификации. Обосновывая указанный тезис применительно к «пост-индустриальному обществу», Д. Белл, в частности, пишет, что в этом обществе «почти нет высоких постов, доступных для тех, кто не имеет квалификации».¹⁸ Меритократическая модель политического образа жизни, по мнению ее авторов, должна воплощать в себе не эгалитарный, а меритократический принцип справедливости, девизом которого является «каждому по его заслугам». Допуская равенство в одних областях политической жизни (например, при голосовании), не возражая даже против юридического равенства граждан перед законом, сторонники меритократической модели общества совершенно и бескомпромиссно отвергают «равенство результатов», идея которого, по мнению Д. Белла, принадлежит социалистической этике.¹⁹ Как отмечает Г. В. Осипов, «общество при таких условиях мыслится организованным наилучшим образом, ибо считается, что решения будут приниматься в соответствии с критериями научной рациональности и носить оптимальный характер».²⁰

В связи с переходом от демократии к меритократии в «пост-индустриальном обществе», считает Д. Белл, по-новому ставятся две важные проблемы. Во-первых, это проблема доминирующей социальной группы. Такой группой, пишет Белл, становится интеллигенция, «научное сословие», которое хотя и не превратилось в самостоятельный «политический класс», но «можно сказать, что... его характер и организация — это монада, заключающая в себе образ будущего общества».²¹ И, во-вторых, это проблема социального конфликта, который будто бы уже сейчас перемещается из сферы отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми в сферу взаимоотношений «специалистов» и «простонародья». «Если борьба между капиталом и рабочим на фабрике, — пишет Белл, — была признаком индустриального общества, то столкновение между специалистом и простонародьем в организации и государстве есть признак конфликта в постиндустриальном обществе».²²

Тезис о превращении демократии в меритократию используется американскими буржуазными политологами для характеристики политической системы не только капиталистическо-

¹⁸ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. P. 265.

¹⁹ Bell D. On Meritocracy and Equality. P. 35.

²⁰ Осипов Г. В. Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979. С. 151.

²¹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. P. 378.

²² Ibid. P. 129.

го, но и социалистического общества. «Советский Союз, — утверждают они, — стремится быть столь же близким к меритократии, как и любая другая политическая система современности».²³ Для доказательства этого тезиса буржуазные политологи ссылаются на рост численности интеллигенции в СССР, и прежде всего на рост численности интеллигенции научно-технической, а также на повышение ее роли в управленческой деятельности. Исходя из этого они пытаются противопоставить интеллигенцию рабочему классу, берут под сомнение реальность его руководящей роли в обществе. Больше того, буржуазные политологи уверяют, что по мере дальнейшего развития советского общества эта роль должна непременно перейти к интеллигенции. По их мнению, интеллигенция уже сейчас должна получить особые права, готовясь к осуществлению своей миссии. Выдавая желаемое за действительное, буржуазные политологи не замечают (или не хотят замечать) того факта, что в условиях социализма интеллигенция, во-первых, подлинно народна по своему социальному составу и происхождению, во-вторых, едина со всеми трудящимися по образу жизни и мировоззрению, по общей направленности своей деятельности и нравственно-политическим идеалам и, наконец, в-третьих, целиком и полностью стоит на позициях рабочего класса, принимая его идеологию, связывая с ним свои интересы.²⁴

Методологические пороки меритократической модели политического образа жизни заключаются прежде всего в том, что она неправомерно отвергает массовую демократию, рассматривая ее как не отвечающую современному уровню развития техники форму политической организации общества. Тем самым эта теория, с одной стороны, оправдывает ограниченный характер буржуазной демократии, а с другой — как бы «облагораживает» ее, утверждая, что эта демократия держится не на количестве представленных в ней деятелей, а на их качестве, достоинствах и заслугах. Поскольку, разъясняют буржуазные политологи, управлять могут лишь специалисты, и притом теми процессами, в которых они являются специалистами, постольку участие широких масс населения в выборе и разработке общественно-политических решений не только чрезвычайно затруднено, но и практически нереально. А это значит, отмечает С. Липсет, что «должны существовать какие-то механизмы, побуждающие людей признавать как должное систему принятия решений и заставляющие их подчиняться и даже выполнять те решения, которые им не по вкусу».²⁵

²³ Цит. по: Керимов Д. А., Чехарин Е. М. Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., 1970. С. 97.

²⁴ См.: Амелин П. П. Интеллигенция и социализм. Л., 1970. С. 147—150; Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917—1975 гг.) / В. С. Волков, Ф. З. Ходячий, П. П. Амелин и др. М., 1977. С. 240—316.

²⁵ Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1972. С. 205.

Далее, теория меритократии безосновательно преувеличивает значение технических специалистов в осуществлении политической власти при капитализме. Повышение удельного веса технических специалистов в буржуазном обществе (и прежде всего инженерно-технических работников) отнюдь не влечет за собой автоматически усиление их роли в осуществлении политической власти, которая в условиях научно-технической революции по-прежнему остается в руках буржуазии как класса. «Власть профессиональных специалистов в капиталистическом обществе, — справедливо замечает в данной связи В. Н. Фомина, — строго ограничена узким кругом технических проблем и не выходит на более высокий политический и идеологический уровень».²⁶ Да и сами технические специалисты не представляют собой однородной социальной группы. Значительная часть их все более утрачивает функции управления производством и осуществляет лишь функции по обслуживанию его технических нужд, пополняя тем самым армию работников наемного труда капиталистического общества.

И наконец, теория меритократии, противопоставляя профессионализм демократизму в сфере политического управления, исходит из надуманного конфликта между «специалистами» и «простонародьем», который выдается ими чуть ли не в виде общесоциологического закона, действующего в любой политической системе современного развитого общества. Подобного рода вывод, как это убедительно показал Н. М. Кейзеров,²⁷ лишен научных оснований. Практика революционной борьбы трудящихся свидетельствует, что они довольно быстро распознают истинную направленность тех или иных общественно-политических решений буржуазного правительства, какой бы усложненной процедурой принятие этих решений не сопровождалось. Технический аппарат специалистов по подготовке общественно-политических решений предстает как нечто чуждое народу лишь в условиях эксплуататорского общества. С революционным преобразованием этого общества исчезают и объективные предпосылки для такого отчуждения. Даже в тех случаях, когда подготовка и принятие общественно-политических решений требуют специальных познаний, эти решения тем не менее могут быть вынесены на более широкое обсуждение компетентных лиц, не принимавших, в частности, непосредственного участия в их предварительной разработке. Подлинная демократия предполагает наличие достаточно эффективных форм общественного и государственного контроля за деятельностью специалистов в области принятия общественно-полити-

²⁶ Социология и современность. В 2 т. / Под ред. Ф. В. Константинова и др. Т. 2. М., 1977. С. 140.

²⁷ См.: Кейзеров Н. М. Власть и авторитет: Критика буржуазных теорий. М., 1973. С. 225—226.

ческих решений, равно как и их подотчетность представительным государственным органам.

Особую роль в американской буржуазной политологии играет так называемая *гибридная, или космополитическая, модель политического образа жизни*. Для ее обоснования буржуазные политологи используют различные теории, но прежде всего и главным образом теорию «всемирного общества» («всемирного государства»). Сторонники данной теории, всячески абсолютизируя фактор техники, стремятся вывести демократию как один из важнейших компонентов современного образа жизни за рамки конкретных социально-экономических систем и представить ее в виде некой общей надстроечной категории над общим экономическим базисом так называемого «единого индустриального», «конвергентного», словом, какого-то гибридного общества. Их исходная позиция выражена в книге американского политолога Дж. Клоуда «Мечи на орала. Проблемы и прогресс международной организации», опубликованной в 1964 г.²⁸ Суть этой позиции состоит в том, что к решению всех мировых проблем современности можно прийти только через максимальную интернационализацию общественно-политической жизни — путем перестройки существующих международных организаций (в частности, ООН и ее подразделений) и создания новых. К числу таких организаций относятся: всемирный парламент, наделенный законодательными функциями, всемирное правительство как исполнительно-распорядительный орган, всемирный суд с «наднациональной» юрисдикцией, всемирная полиция и всемирные вооруженные силы, обладающие принудительными полномочиями. Результатом подобного рода трансформации международных организаций и должно стать единое для всех стран понятие так называемой «индустриальной демократии», которое, конечно же, конструируется по образу и подобию буржуазной демократии.²⁹

Надо сказать, что сама по себе идея «всемирного общества» («всемирного государства»), с обоснованием которой выступают многие американские буржуазные социологи и политологи (А. Этциони, Д. Митрани, Э. Хаас, К. Дойч, Р. Фальк, Л. Снайдер, У. Фридмен, Э. Гудмэн и др.), не нова. В разные эпохи она выдвигалась представителями и античного политического классицизма, и эпохи Возрождения, и классической немецкой философии, и социал-реформизма. Особенность нынешней интерпретации указанной идеи состоит в том, что она, с одной стороны, имеет своеобразную идеологическую (точнее — «трансидеологическую») направленность, а с другой —

²⁸ См.: Claude J. Swards into Plowshares: The Problems and Progress of International Organization. New York, 1964.

²⁹ Industrial Democracy in International Perspective // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. May 1977. P. VII.

призвана затушевывать международные классовые противоречия, реальный характер взаимоотношений между социализмом и капитализмом, равно как и «сбить с правильного пути все те силы, которые пока все еще лишь ищут, нередко блуждая в потемках... правильный путь к миролюбивому устройству мира и являются потенциальными союзниками рабочего класса».³⁰

Так, утверждается, что в условиях современной научно-технической революции расширяются не только социальные функции «индустриального государства», но и его деятельность в области решения таких общечеловеческих проблем, как освоение космоса, охрана окружающей среды, предотвращение термоядерной катастрофы, борьба с наиболее распространенными заболеваниями и т. д. Из этого факта буржуазные политологи делают два вывода. Первый — центр тяжести государства перемещается из сферы регулирования межклассовых отношений в область регулирования «внеклассовых» отношений человека с природой, в область обеспечения его общей безопасности и повышения общего благосостояния. «В современном индустриальном обществе, — писал австрийский социолог Ф. Кленнер, — государство — не орудие эксплуатации. Оно одинаково обеспечивает рост благосостояния и безопасности как в США, так и в Советском Союзе».³¹ И второй вывод — развивающееся на этой основе международное сотрудничество неминуемо влечет за собой унификацию взглядов индивидов на демократию. Именно в этом смысле следует понимать рассуждения С. Липсета о том, что демократия в современном обществе все более утрачивает свой политический характер.³²

Оба приведенных вывода нуждаются в уточнении. Прежде всего само решение так называемых общечеловеческих проблем, в том числе проблем взаимоотношения человека с природой, не должно рассматриваться вне того конкретного социального фона, на котором оно осуществляется. А ведь от этого фона существенно зависят способ и эффективность решения общечеловеческих проблем. Практика свидетельствует, например, что подход к проблеме экологического кризиса далеко не одинаков в условиях капитализма и социализма. Он обусловлен особенностями не только экономической, но и социально-классовой, а также политической структуры этих обществ. Известно, например, что попытки капиталистических государств решить экологическую проблему исключительно технологическими средствами наталкиваются на препятствия

³⁰ Майстер Р. Идеи о всемирном государстве и обществе и империалистическая стратегия господства // Критика буржуазных политико-правовых концепций (в марксистской литературе ГДР) / Под ред. В. А. Туманова. М., 1977. С. 147.

³¹ Klenner F. Planpost Freiheit. Wien, 1966. S. 33.

³² См.: Lipset S. Political Man. P. 406.

именно классового характера, поскольку не интересы общества в целом, не интересы личности как таковой, а интересы получения прибыли сохраняют свое первостепенное значение для любого капиталистического предприятия.³³

Что касается международного сотрудничества государств по названным проблемам, то оно также остается классовым и отнюдь не ведет к стиранию принципиальных различий в понимании сущности демократии. Об этом свидетельствует само существование противоположных систем в условиях современной научно-технической революции. Об этом же говорит и сам факт неухающей идеологической борьбы между ними.³⁴ Не случайно многие буржуазные социологи либо делают оговорку о том, что под конвергенцией политических систем они фактически имеют в виду эволюцию социалистических стран в сторону политической системы Запада, либо говорят о так называемой «негативной конвергенции»,³⁵ когда, как отмечает Н. М. Кейзеров, «прокламируется сближение в области отрицательных проявлений образа жизни, например преступность, неустойчивость семьи, загрязнение окружающей среды и др.».³⁶ И в том и другом случае игнорируется основной критерий сравнительного анализа двух социальных систем, а именно — учет не только общечеловеческого, но и классового фактора в политическом развитии современного мира.

Буржуазной теории «всемирного общества» («всемирного государства») марксистская политическая мысль противопоставляет концепцию «целостного и взаимосвязанного мира», в которой органически сочетаются между собой такие проблемы, как: приоритет общечеловеческих ценностей над всеми другими, в том числе классовыми, ценностями; уважение национального суверенитета и самостоятельности различных государств; баланс их интересов; право свободного выбора каждым народом собственного пути развития; создание надежного механизма регулирования международных отношений.³⁷ Как правильно пишет Г. И. Тункин, полемизируя со статьей Г. Х. Шахназарова, опу-

³³ См.: Колбасов О. С. Экология: политика — право. М., 1976; Комаров В. Д. Научно-техническая революция и социальная экология. Л., 1977; Хозин Г. С. 1) Глобальные проблемы современности: Критика буржуазных концепций. М., 1982; 2) США: Космос и политика. М., 1987.

³⁴ См.: Современный капитализм и идеологическая борьба / Румянцев А. М., Гранов В. Д., Кортунов В. В. и др. М., 1986; Кейзеров Н. М., Ножин Е. А. Идеологическая борьба: Вопросы и ответы. М., 1987.

³⁵ См., напр.: Hollander P. Soviet and American Society: A Comparison. New York, 1973.

³⁶ Кейзеров Н. М. Современная буржуазная социология политики. Критицизм и апологетика // Социологические исследования. 1975. № 1. С. 163.

³⁷ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987; Бурлацкий Ф. М. Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М., 1988; Новиков А. И. Классовый подход и новое мышление. Л., 1988; Тункин Г. И. Механизм безопасности мира // Правда. 1988. 18 июня.

бликованной 15 января 1988 г. в «Правде», организация для поддержания международного мира и безопасности «по своей природе будет межгосударственной организацией, а не мировым правительством».³⁸

Все сказанное свидетельствует о том, что буржуазные политологи весьма искусно манипулируют понятием «политический образ жизни», придавая ему либо иллюзорно-романтический, либо абстрактно-схематический, либо сугубо технократический смысл и тем самым по-своему выполняя социальный заказ государственно-монополистической буржуазии.

§ 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СПЕКУЛЯЦИИ АМЕРИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ ПО ПОВОДУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Теоретически обосновывая различного рода модели политического образа жизни, американские буржуазные политологи проецируют их не только на капиталистические страны, но и на страны социалистические. В последнем случае спекулятивный характер подобного обоснования выглядит особенно очевидным. Свидетельством тому являются концепции «тоталитаризма» и «плюралистической демократии», широко используемые американскими политологами как для искажения общественной жизни социалистических стран в целом, так и для искажения их политического образа жизни в частности. Именно эти теории все более выдвигаются на первый план нашими идеологическими противниками. Именно они рассматриваются в качестве важнейшего орудия в борьбе против теории и практики социализма. Об этом особенно напомнил состоявшийся в Москве в августе 1979 г. XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки, на котором вновь была предпринята попытка атаковать советскую политическую систему с позиций так называемого «корпоративизма» и «плюрализма».³⁹

Тот факт, что теории «тоталитаризма» и «плюралистической демократии», несмотря на их внешнюю противоречивость, подаются американскими буржуазными политологами в одном манипулятивном блоке, не случаен. С одной стороны, он служит доказательством необычайной изощренности современной буржуазной политологии, а с другой — призван обеспечить «взаимный компенсирующий эффект» названных теорий, ибо если ослабевает и падает влияние одной из них, активизируется пропаганда другой. «Образовавшийся в результате кризиса одной буржуазной теории вакуум, — отмечает в данной

³⁸ Тункин Г. И. Механизм безопасности мира.

³⁹ См.: Проблемы политических наук: К итогам XI Конгресса МАПН: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1979. М., 1980. С. 114—115.

связи Н. М. Кейзеров, — заполняется концепцией, которая по форме может казаться антиподом, а на самом деле является плотью от плоти буржуазного миропонимания».⁴⁰

Если иметь в виду теорию «тоталитаризма», которая в течение многих лет находится на вооружении буржуазных политологов, то ее антикоммунистическую направленность не скрывают и сами буржуазные авторы. Они пытаются доказать, в частности, что именно социализм (и как соответствующая идеологическая система, и как особый общественно-политический строй, и как отдельная разновидность политического образа жизни) является воплощением тоталитаризма. Весьма усердствуют в данном отношении Г. Нимейер, А. Мейер, С. Кук, Х. Арендт, З. Бжезинский, К. Фридрих. По мнению Г. Нимейера, например, исторические корни тоталитаризма следует искать не столько в идеологии и практике фашизма, сколько в идеологии и практике пролетариата, в его революционном мышлении.⁴¹ Аналогичным образом поступает А. Мейер, называя тоталитарной такую систему, «в которой вся деятельность людей подчиняется политическим задачам и все человеческие взаимоотношения организуются и планируются».⁴² С. Кук сущность тоталитаризма выводит из самой природы человека, которая якобы вечна и неизменна и которую характеризуют такие качества, как «гордость, жадность, амбициозность, самолюбленность и стремление к власти».⁴³ Что касается Х. Арендт, К. Фридриха и З. Бжезинского, то они даже сконструировали своеобразную модель тоталитаризма, которая включает в себя следующие признаки: 1) централизованное руководство и управление в сфере экономической; 2) система всеобщего контроля за поведением индивидов в сфере социальной; 3) признание руководящей роли одной партии в сфере политической и осуществление ее диктатуры; 4) господство официальной идеологии в сфере духовной и принудительное навязывание ее членам общества; 5) сосредоточение в руках партии и государства средств массовой коммуникации (прессы, радио, кино, телевидения); 6) концентрация в руках партии и государства всех средств вооруженной борьбы.⁴⁴

⁴⁰ Кейзеров Н. М. Социальные противоречия капитализма и их отражение в современной буржуазной идеологии // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 39.

⁴¹ Niemeyer G. Between Nothingness and Paradise. Louisiana University, 1971.

⁴² Цит. по: Завьялов Ю. С. Буржуазная концепция «тоталитарного государства» и ее антисоциалистическая направленность // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 107.

⁴³ Реннок J. and Chapman J. (eds.). Coercion. Chicago; New York, 1971. P. 110.

⁴⁴ См.: Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York, 1951; Friedrich C. (Ed.). Totalitarianism. Cambridge (Mass.), 1954; Brzezinski Z., Friedrich C. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. New York, 1956.

Наделив тоталитарные режимы совокупностью перечисленных признаков, буржуазные политологи делают два вывода. Первый: тоталитаризм как особый общественно-политический строй и как особый политический образ жизни вырастает из условий современного массового общества, из условий современной массовой демократии. Второй: политические системы, именуемые тоталитарными, по своей сути схожи независимо от того, на какой почве — фашистской или социалистической — они возникают.⁴⁵ Для доказательства первого вывода буржуазные политологи ссылаются на то, что индивид в современном массовом обществе (будь то общество капиталистическое или социалистическое) — это изолированное и отчужденное существо, действующее автоматически под влиянием импульсов, идущих извне. Сознание такого индивида раздирают сомнения и страхи, чувства одиночества и собственной ничтожности. Охваченный этими чувствами, индивид становится жертвой и одновременно питательной средой для тоталитарных режимов. Приверженность к тоталитарным режимам, пишет в данной связи Х. Арендт, «может ожидать только от полностью изолированного человеческого существа без каких-либо социальных связей, который ощущает свое место в мире, лишь принадлежа к какому-либо массовому движению».⁴⁶ Индивид в условиях массового общества считается активным, но эта активность, по мнению авторов доктрины «тоталитаризма», внешняя, призванная скрыть его внутреннюю пустоту. «Никакая активность, — отмечает Дэниэлс, — ...ни одна мысль, ни один человек при тоталитарном режиме не свободны от контроля государства и его органов, ничто не свободно от опеки стоящей у власти партии».⁴⁷ Совершенно очевидно, что подобного рода рассуждения призваны не столько показать реальное место человека в системе бюрократизированных учреждений современного капиталистического (в том числе фашистского) общества, сколько дискредитировать самые понятия «масса», «массовая демократия», «массовое общество», «массовое движение». Как подчеркивает советский исследователь Г. К. Ашин, «главный объект нападок критиков массового общества (как, впрочем, и его защитников) — это революционные массовые движения. В них они видят угрозу институтизированному образу жизни».⁴⁸

Что касается второго вывода — зачисление в разряд тоталитарных не только фашистских, но и коммунистических ре-

⁴⁵ «Мы различаем, — пишет американский советолог Р. Дэниэлс, — два основных типа тоталитаризма. Один из них характерен лишь для Западной Европы и общеизвестен как фашизм, а второй — феномен Востока и является синонимом коммунизма» (Daniels R. The Nature of Communism. New York, 1962. P. 292).

⁴⁶ Arendt H. Origins of Totalitarianism. P. 316—317.

⁴⁷ Daniels R. The Nature of Communism. P. 127.

⁴⁸ Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М., 1971. С. 39.

жимов, то он основывается, с одной стороны, на отождествлении насилия, осуществляемого фашистскими диктатурами, с революционным насилием, а с другой — на абсолютизации тех недостатков и извращений (а также на спекуляции ими), которые имели место при социализме в условиях культа личности. Эти недостатки и извращения трактуются буржуазными политологами не как отклонения от нормы, а как имманентно присущие социалистическому обществу признаки, без которых оно функционировать якобы не может. Тезис об идентичности (или принципиальном сходстве) фашистской и социалистической систем, называемых тоталитарными, в интерпретации пропагандистов теории «тоталитаризма» подкреплялся тезисом о внутренней неизменности обеих систем. Измениться они могут только под воздействием извне, например в результате вооруженной интервенции со стороны так называемого «свободного мира».

В социалистической, а не капиталистической системе ищут американские буржуазные политологи также экономические корни тоталитаризма. Будучи слепыми приверженцами «священной и неприкосновенной частной собственности» и всячески опасаясь ее возможной ликвидации, они связывают тоталитаризм с общественной собственностью на средства производства. С их точки зрения, радикальные преобразования промышленности и сельского хозяйства, в частности социалистическая индустриализация и социалистическая кооперация, осуществляемые в период перехода от капитализма к социализму, якобы невозможны без применения жестких мер и активной деятельности принудительных учреждений. По отношению к кому применялись жесткие меры (меньшинству или большинству населения), от имени кого действовали принудительные учреждения (эксплуататоров или эксплуатируемых), во имя чего осуществлялись сами общественные преобразования (дальнейшего закабаления человека или его раскрепощения) — на эти и многие другие вопросы буржуазные и ревизионистские идеологи предпочитают не отвечать. Имевшие место в нашей и некоторых других социалистических странах грубые нарушения принципов социалистической индустриализации, и особенно социалистической кооперации, отнюдь не разрушили у большинства людей веру в незыблемость самих этих принципов, веру в социализм как более прогрессивный по сравнению с капитализмом экономический, социальный, политический и духовный строй.⁴⁹

Доктрина «тоталитаризма» получила наиболее широкое распространение в период «холодной войны» (вторая половина 40-х — 50-е годы). Она органически вписывалась в систему

⁴⁹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 22.

стратегических и тактических установок тогдашнего капитализма, имеющих своей целью «отбрасывание» коммунизма, его «освобождение» или, по меньшей мере, «сдерживание». Однако желаемого результата, на который рассчитывали ее вдохновители, эта доктрина не принесла. Больше того, в 60—70-е годы, когда при активном влиянии Советского Союза и других социалистических стран наметился общий курс на разрядку международной напряженности, «традиционное» обоснование «тоталитаризма» все больше обнаруживало свою несостоятельность. В этих условиях начался пересмотр указанной доктрины, процесс приспособления ее к новой обстановке в мире. Этот пересмотр осуществлялся в следующих трех направлениях.⁵⁰ Первое — отказ от некоторых признаков, которые раньше образывали синдром «тоталитаризма», и добавление новых признаков (административный контроль за юриспруденцией и судом, экспансионизм и др.). Второе направление — отказ от аналогии с фашистскими политическими системами, вуалирование этой аналогии (Д. Каутский, Мейснер). Третье направление — допущение внутренних изменений в самой политической системе социализма, именуемой тоталитарной. Отсюда — модель «динамичного тоталитаризма» (в противовес модели «традиционного» или «статичного тоталитаризма»), равно как и другие виды моделей: «демократически-тоталитарного общества», «бюрократического общества», «администрируемого общества», «авторитарного общества» и т. п. Перечисленные модели «модернизированного тоталитаризма» на поверку оказались в такой же степени антикоммунистическими, как и модель «традиционного тоталитаризма».⁵¹

80-е годы, особенно конец деятельности администрации США, возглавляемой Дж. Картером, и начало деятельности администрации, возглавляемой Р. Рейганом, ознаменовали собой новый период в развитии доктрины «тоталитаризма». Суть его заключается в возврате ко временам «холодной войны», а стало быть, в широком использовании аргументов, заимствованных у авторов доктрины «традиционного тоталитаризма», наряду с добавлением новых. Об этом свидетельствует выступление Р. Рейгана перед депутатами английского парламента в июне 1982 г. Обосновывая идею «крестового похода» против коммунизма, Р. Рейган вновь поделил весь мир, как это делали до него сторонники «традиционного тоталитаризма», на две

⁵⁰ См.: Безукладова И. В. Буржуазная теория «тоталитаризма» и ее эволюция. (Критический анализ): Автореф. канд. дис. Л., 1980. С. 4—17.

⁵¹ См.: Политико-правовые доктрины современного империализма / Под ред. В. Е. Гулиева, С. Л. Зивса. М., 1974; Красин Ю. А. Революцией устранные. М., 1975; Кузьмин Э. Л. Идейное банкротство буржуазной демократии. М., 1977; В лабиринтах буржуазного сознания / Гранов В. Д., Осипов Е. В., Гуревич П.-С. и др.; Под ред. В. Д. Гранова. М., 1978.

части. Одна — это «тоталитарные силы», которые, по его словам, несут вину за все конфликты и невзгоды человечества. И другая, которую Р. Рейган назвал «силами свободы» и к которой он отнес прежде всего «немарксистский Запад», и в первую очередь США.⁵²

«Реанимация» доктрины «традиционного тоталитаризма», ее сочетание с доктриной «модернизированного тоталитаризма» ставит перед марксистскими исследователями задачу не только проявления пристального внимания к их дальнейшей эволюции, но и раскрытия общих теоретических, методологических, социально-классовых, исторических и иных пороков, свойственных им. В теоретическом плане — это подмена объективных процессов общественного развития социалистических стран их субъективно-идеалистическим истолкованием. Хорошо известно, например, что в экономической сфере социалистического общества плановое, централизованное начало, против которого так восстают наши идеологические противники, непременно предполагает широкую местную инициативу. Это и дает основание говорить не просто о централизме, а о централизме демократическом. В социальной сфере, применительно к которой буржуазные политологи твердят о «всеобщем контроле» за поведением индивидов, наши люди выступали и выступают как равноправные участники, как носители хотя и качественно различных, но тем не менее свободных от эксплуатации видов труда. Они активно участвуют в работе различного рода органов общественного самоуправления (в том числе по месту жительства) и не только не испытывают на себе «тотального контроля» со стороны кого бы то ни было, но сами проявляют повышенный интерес к дальнейшему совершенствованию и утверждению правил социалистического общежития. В политической сфере извращение принципов социалистической демократии, равно как и отдельные ошибки, на которые любят ссылаться авторы доктрины «тоталитаризма», были отклонением от нормы, а не самой нормой, были отступлением от социализма, а не его сутью. Они не умалили (и не могли умалить) роли и значения руководящей силы коммунистической партии в политической системе социалистического общества, но, наоборот, потребовали ее дальнейшего усиления, а также конституционного закрепления, как это сделано, например, в Конституции СССР 1977 г.⁵³ И, наконец, в духовной сфере — волюнтаристические установки в области идеологии не могли изменить ее гуманистическую природу и сущность, ибо эта идеология воздействует на сознание и поведение людей отнюдь не силой авторитета принудительных органов, а последовательным выражением коренных интересов рабочего класса и

⁵² См.: Эскалация клеветы // Правда. 1982. 10 июня.

⁵³ См.: Лукьянов А. И., Денисов Г. И., Кузьмин Э. Л., Разумович Н. Н. Советская Конституция и мифы советологов. М., 1981.

всех трудящихся масс, своей научностью и правдой, способностью дать объективно верную картину мира, служить надежным ориентиром в практической деятельности людей.⁵⁴

В методологическом плане пороки доктрины «тоталитаризма» состоят в том, что она ненаучно абстрагирует, неоправданно и спекулятивно выпячивает некоторые черты социалистического общества и эклектически объединяет их в так называемый синдром «тоталитаризма». Например, в демократическом централизме она выделяет, как об этом уже говорилось ранее, только один аспект — централизм — и всячески абсолютизирует его. В механизме социального контроля она усматривает деятельность лишь принудительных органов и оставляет без внимания деятельность органов общественного самоуправления. В системе духовных отношений наличие одной идеологии и полное принятие ее всеми членами общества она рассматривает как насилие над личностью. В политической системе отношения по руководству со стороны Коммунистической партии деятельностью государственных и общественных организаций она выдает за осуществление ее диктатуры. В свою очередь, существование диктатуры пролетариата как таковой, равно как и подчеркивание руководящей роли рабочего класса в целом, она объявляет весьма характерным признаком тоталитаризма, несовместимым с подлинной демократией. В этом смысле подход с позиций тоталитаризма к оценке социалистической демократии не отличается принципиальной новизной по сравнению с подходом ренегата К. Каутского, в основе которого лежал принцип противопоставления демократии диктатуре, принцип конструирования так называемой «чистой демократии», свободной от экономических, социальных и политических интересов господствующего класса. Критика концепции К. Каутского была блестяще дана В. И. Лениным. Эта критика актуальна сегодня и с полным основанием может быть распространена на концепцию «тоталитаризма».⁵⁵

В социально-классовом отношении доктрина «тоталитаризма» порочна потому, что полностью игнорирует классово-противоположную природу буржуазных (в том числе фашистских) и социалистических политических систем, принципиальные различия в характере их власти. В самом деле, что может быть общего между крайними формами диктатуры монополистической буржуазии и формами диктатуры пролетариата, не говоря уже о формах общенародной политической организации обще-

⁵⁴ См.: Иванов Васил. Идеология: характер и закономерности развития. М., 1977; Биккенин Н. В. Социалистическая идеология. М., 1978; Буянов В. С. Научное мировоззрение: Социально-философский аспект. М., 1987.

⁵⁵ См.: Кузьмин Э. Демократия: ленинские идеи и социальная действительность // Коммунист. 1980. № 6; Соболев А. О социалистической государственности и бесплодности ее критики // Коммунист. 1982. № 10.

ства? Если первая представляет собой концентрацию политической власти в руках незначительного меньшинства, то вторая выступает как политическая власть сначала подавляющего большинства (диктатура пролетариата), а затем и всего народа (общенародная политическая организация). Если первая в процессе своего применения нуждается в разветвленном механизме экономического, социального, политического и духовно-идеологического принуждения, то вторая опирается прежде всего и главным образом на убеждение и лишь в необходимых случаях на принуждение. «Прежде всего, — указывал В. И. Ленин, — мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить».⁵⁶ Наконец, если социально-классовая основа диктатуры монополистической буржуазии все более сужается в связи с отчуждением этой власти от общества и постоянной поляризацией сил в нем, то социально-классовая основа пролетариата, а тем более общенародной политической власти расширяется за счет привлечения к управлению все новых групп населения на основе совершенствования социалистической демократии.

И наконец, доктрина «тоталитаризма» весьма порочна в историческом отношении. Она имеет своей целью прежде всего обелить фашизм, ставя его в один ряд с социализмом и тем самым глубоко оскорбляя чувства сотен миллионов людей, видящих в социализме не только общество, свободное от эксплуатации, но и основную силу, нанесшую поражение фашизму как таковому. Эта доктрина имеет также своей целью убедить общественное мнение в том, что тоталитаризм возник на революционной основе, что его предтечами будто бы были не идеологи фашизма, а Маркс и Энгельс, поскольку именно они, как бездоказательно утверждает американский политолог Г. Нимейер, призывая к тотальной критике старого общества, отвергали настоящее и ничего, кроме воображаемого идеала, не обещали людям в будущем. Тотальная критика общества, по его мнению, неизбежно сопровождается тотальной враждебностью, тотальным подозрением и тотальным террором. А «вслед за тотальной критикой, тотальной враждебностью, тотальным подозрением, тотальным террором, — поясняет Г. Нимейер, — устанавливается тотальная власть».⁵⁷ Доктрина «тоталитаризма» имеет своей целью также дать искаженную историческую перспективу развития политической власти в условиях капитализма и социализма. Рассматривая тоталитаризм как «доведенную до крайности политическую власть вообще, государственную власть в особенности»⁵⁸ и распространяя это понимание глав-

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 54.

⁵⁷ Niemeyer G. Between Nothingness and Paradise. P. 41.

⁵⁸ См.: Марушкин Б. И. Советология: расчеты и просчеты. М., 1976. С. 107.

ным образом на социалистические страны, она рисует радужную перспективу развития политической власти монополистической буржуазии и мрачную перспективу политической власти трудящихся, приписывая ей эволюцию в сторону антидемократизма и тоталитаризма. Надо честно признать, что деформация политической системы в Советском Союзе и других социалистических странах дает определенные основания нашим идеологическим противникам для подобного рода утверждений, ибо, как отмечал М. С. Горбачев на XIX Всесоюзной конференции КПСС, «провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, трибунные заклинания о народовласти, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и реальное попрание норм социалистического образа жизни, дефицит критики и гласности — все это довольно широко распространилось, укоренилось в жизни общества».⁵⁹ Однако эта деформация отнюдь не характеризует подлинную суть социалистической политической системы как таковой.

Весьма существенную роль в фальсификации политической системы СССР и других социалистических стран играет теория «плюралистической демократии», формально противостоящая буржуазной теории «тоталитаризма», но имеющая явно выраженную антикоммунистическую направленность.

Надо сказать, что теория «плюралистической демократии»⁶⁰ импонирует различным слоям буржуазного общества. Прежде всего она привлекает симпатии либерально-демократической интеллигенции, которая видит в ней модель «всеобщей демократии», якобы вытесняющей господство крупной буржуазии. Эта теория находит поддержку у представителей социал-реформизма, которые стремятся доказать, что демократический плюрализм в политике есть следствие трансформации экономической структуры, замены капиталистического хозяйства псевдосоциалистической «смешанной экономикой». Данную теорию широко используют также в своей деятельности всевозможного рода ревизионистские лидеры, пытающиеся с ее помощью опровергнуть или по крайней мере дискредитировать основополагающие принципы марксистско-ленинской политической науки. Поддерживают теорию «плюралистической демократии» и крайне реакционные, фашистские и неофашистские силы в

⁵⁹ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 37.

⁶⁰ Исходные посылы этой теории обстоятельно проанализированы в работах: Критика буржуазных политико-правовых концепций. М., 1977. С. 24—42; Шахназаров Г. Х. Фиаско футурологии. М., 1979. С. 238—279; Ашин Г. К., Гундобин И. В. Плюрализм и антиплюрализм в американской политологии // Философские науки. 1982. № 1; Ильин В. И. Буржуазный плюрализм: истоки и классовый смысл. М., 1983; Момджян А. В. Плюрализм: истоки и сущность. М., 1983.

капиталистических странах, которые под маской «плюрализма» партий получают нередко «легальную возможность развития своей антидемократической активности».⁶¹ Важно отметить, наконец, что теория «плюралистической демократии» в известной степени отвечает интересам определенных кругов господствующих классов, во всяком случае интересам тех из них, кто стремится приспособить институты буржуазной демократии к своим потребностям. Вот почему в ее разработке принимают участие представители самых различных направлений: Карл Дойч и Габриэл Алмонд в США, Раймон Арон и Роже Гароди во Франции, Джон Стрэчи в Англии, Джон Портер в Канаде, Эрнст Фишер в Австрии и т. д.

Теория «плюралистической демократии» широко подается и на социалистические страны. Сторонники этой теории стремятся доказать, что тенденция к установлению «плюралистической демократии» наблюдается не только в капиталистических, но и в социалистических странах. Свидетельством тому является книга «Заинтересованные группы в советской политике», выпущенная в свое время на Западе под редакцией Г. Скиллинга, Ф. Гриффитса и др. В книге, равно как и в рецензии на нее, опубликованной в американском журнале «Анналы», предпринимается попытка выделить в рамках советской политической системы так называемые «заинтересованные группы», к которым якобы относятся «аппаратчики», работники органов государственной безопасности, экономисты, писатели, юристы и т. д. Причем произвольно выделяя указанные группы, один из авторов книги, Г. Скиллинг, подчеркивает даже, что они «являются важным элементом советской политики, игнорирование их делает картину советской политики неполной и искаженной».⁶² Свидетельством тому является также деятельность экстремистских лидеров «Солидарности» в Польше, которые на своем гданьском съезде в конце 1981 г. одобрили программное постановление о принятии «плюрализма в области мировоззрения, политической и культурной жизни за основу демократии самоуправляемой Польши». В числе многих требований, содержащихся в том постановлении, были следующие. Во-первых, пересмотреть конституцию с целью изменения структуры законодательных органов, исполнительной власти и системы судопроизводства. Во-вторых, добиваться поощрения «всех независимых от государства начинаний, способствующих развитию самоуправления в области культуры и народного образования», в том числе создание на базе профсоюза собственных научных, культурных и просветительных

⁶¹ Редер К., Вайхельт В. Критика антикоммунизма в вопросах государства // Критика буржуазных политико-правовых концепций. С. 33.

⁶² См.: Критика антимарксистских концепций образа жизни / Под ред. М. Я. Корнеева. А. А. Федосеева. Л., 1983. С. 110.

учреждений. В-третьих, обеспечить неограниченный доступ «Солидарности» к средствам массовой информации, и прежде всего контроль над радиовещанием и телевидением. И, наконец, в-четвертых, осуществлять постепенную ликвидацию плановых начал руководства экономикой, создание единых хозяйств взамен общественного сектора, а также переориентацию Польши на сотрудничество с международными капиталистическими экономическими центрами.⁶³

Оценка политической системы социализма дается буржуазными политологами — сторонниками данной теории — под двумя углами зрения. С одной стороны, с позиций так называемого «усеченного (формального) плюрализма», а с другой — с позиций «плюрализма будущего».⁶⁴ Так называемый «усеченный плюрализм» есть не что другое, как приспособление к новой обстановке идей традиционного «тоталитаризма», о котором речь шла раньше. Суть «усеченного плюрализма» состоит в том, что в принципе не отрицается многообразие общественно-политических организаций в условиях социалистического общества, равно как и всевозрастающая роль этих организаций в социалистическом и коммунистическом строительстве, однако ставится под сомнение их относительная самостоятельность в решении тех или иных вопросов. Утверждается, в частности, что активность общественных организаций в странах социализма носит внешний характер, лишь по форме напоминающий западный «плюрализм», что фактически в этих странах остается все тот же тоталитаризм, хотя и разбавленный плюралистическими элементами Запада. В качестве доказательства приводится тезис о том, что в социалистических странах не только сохраняется, но и всячески возрастает руководящая и направляющая роль коммунистических партий.

Что касается «плюрализма будущего», то под ним имеется в виду такое понимание политической системы социализма, которое соответствует пропагандируемому буржуазной идеологией стереотипам политического мышления Запада. Речь идет о широкой поддержке в нашем обществе групп, находящихся, с точки зрения буржуазных идеологов, в оппозиции к политической власти социализма и якобы свидетельствующих о его перерождении (рано или поздно) в общество западного образца. В экономической сфере в качестве подобных групп рассматриваются «технократы», в социальной — так называемые «отказники» (т. е. лица, которым по тем или иным причинам отказано или временно не разрешено выехать из СССР), в политической —

⁶³ См.: К положению в Польше // Правда. 1981. 1 окт.

⁶⁴ См.: Марченко М. Н. 1) Политическая организация советского общества и ее буржуазные фальсификаторы // Вестн. Моск. ун-та, 1973; 2) Проблемы критики буржуазной «советологии» // Политико-правовые доктрины современного империализма.

«бюрократы», в духовной — «неформалы» с явно выраженной антиобщественной окраской их деятельности. Последние, кстати, — предмет особых забот буржуазных идеологов. Как говорилось в передовой статье газеты «Правда», опубликованной 27 декабря 1987 г., нельзя не видеть существования в стране групп, которые под вывеской самодеятельных организаций прямо ведут провокационную работу, ратуют за создание оппозиционных партий, свободных профсоюзов, пропагандируют суррогаты культуры, выдавая их за настоящие ценности. Их деятельность иногда приобретает явно антиправовой характер: без согласования с органами власти они проводят манифестации, организуют порой беспорядки, незаконно печатают и распространяют враждебные социализму документы. Именно на злобствующих фразеров из таких объединений делают ставку наши идеологические противники, лелеющие мечту протащить в Советский Союз плюрализм на буржуазный лад.⁶⁵ Стимулируя антиобщественную направленность поведения участников негативных групп, пишет в данной связи Б. Л. Прозоров, буржуазные идеологи пытаются «решить и тактическую задачу — погасить или даже сорвать ускоренный трудовой ритм развития нашей страны, помешать партии и Советскому государству активизировать человеческий фактор».⁶⁶

Таков смысл «плюрализма будущего», с позиций которого буржуазные идеологи пытаются прогнозировать развитие политического образа жизни в условиях социалистического общества. Это развитие осуществляется на принципиально иной по сравнению с капиталистическими странами экономической, социальной, политической и духовной основе. Оно, конечно, предполагает плюрализм, но плюрализм совершенно другого рода, а именно — как выражение в политической власти социализма интересов всех классов, групп и социальных слоев общества, как форма реализации объективно действующего закона все расширяющегося участия трудящихся масс в управлении делами общества и государства, как социалистический плюрализм мнений. «При однопартийной системе, которая сложилась и утвердилась в стране, — подчеркивал М. С. Горбачев, — нам нужен постоянно действующий механизм сопоставления взглядов, критики и самокритики в партии и обществе. В условиях растущей демократизации это вопрос жизненного значения. Именно так понимал суть внутрипартийной демократии В. И. Ленин, который, осуждая фракционность, был решительно против преследования товарищей по партии за инакомыслие. Неотъемлемыми чертами нашей жизни должны стать постоянный, конструктивный политический диалог, культура дискуссии, изучение и учет

⁶⁵ Правда. 1987. 27 дек.

⁶⁶ Прозоров Б. Л. В борьбе за молодежь (как распознавать и предупреждать негативные тенденции в молодежной среде). Л., 1988. С. 5.

общественного мнения».⁶⁷ Принципиально важно при этом, чтобы все сказанное делалось с позиций социализма, под углом зрения дальнейшего его развития и укрепления. Между тем это как раз и не устраивает западных проповедников «плюрализма». Вот почему они предпринимают всевозможные попытки сконструировать различного рода модели «демократического», «гуманного» и т. п. социализма, опирающиеся на принципы буржуазной теории «плюралистической демократии». Эти попытки имеют своей главной целью «размягчить», «расшатать», а в конечном итоге и разрушить политическую систему социализма, а вместе с нею и всю политическую надстройку. Для них самое главное и в теоретическом, и в практическом плане — отвлечь людей от социализма.⁶⁸ Они наносят вред делу мирового социализма в целом, а также конкретным социалистическим странам в отдельности, что особенно отчетливо показали события в Чехословакии 1968 г. и события в Польше 1980—1981 гг.⁶⁹

§ 3. АМЕРИКАНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТОЛОГИ О ПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОБРАЗА ЖИЗНИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Предметом особого интереса для американских буржуазных политологов, исследующих политические аспекты образа жизни в современных обществах, являются страны «третьего мира». Обращаясь к анализу политической ситуации в этих странах, американские политологи пытаются, с одной стороны, навязать им свои рецепты политического образа жизни, а с другой — преднамеренно исказить происходящие там политические процессы. Сказанное можно проиллюстрировать на примере разного рода концепций, специально рассчитанных на развивающиеся страны. Одной из наиболее популярных в США является концепция «политической модернизации».⁷⁰ В основе этой концепции лежит принцип «технологического детерминизма». Опираясь на него, американские идеологи чрезмерно пре-

⁶⁷ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 69.

⁶⁸ Попов С. И. Буржуазная идеология на пороге XXI столетия. М., 1988.

⁶⁹ См.: Обзина Я. Ленинское понятие политики и критика «гуманной демократии». М., 1978; Матейчик Я. Политическая система социализма и критика правого ревизионизма в ЧССР. М., 1980; Ожеховский М. За марксистско-ленинское идеологическое наступление ПОРП, за полное утверждение социализма в общественном сознании польского народа // Коммунист. 1982. № 5; Выступление Генерального секретаря КПЧ М. Якеша на Пленуме ЦК КПЧ 18 декабря 1987 года // Правда. 1987. 19 дек.

⁷⁰ См.: Старостин Б. С. Социальное обновление: Схемы и реальность (Критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1981; Чиркин В. Е. Два пути политического развития освободившихся стран. М., 1987.

увеличивают, а порой даже фетишизируют роль техники в общественно-политическом развитии, связывая именно с ней возникновение и становление различных форм демократии. Техника, утверждают они, выступает в качестве независимой переменной, определяющей как общественную систему в целом, так и составляющие ее элементы в отдельности. Совершенствование техники, по их мнению, дает возможность не только изменять существующие политические структуры, но и прогнозировать будущее. Человек в условиях современной научно-технической революции, пишет американский социолог Р. Эрикссон, «обладает способностью проектировать свое будущее, опираясь на использование рациональных критериев для выбора оптимальной модели и следуя ей».⁷¹

Теория «политической модернизации» используется американскими идеологами для обоснования собственной, противоположной марксизму-ленинизму, концепции общественно-политического развития. Представители этой теории (У. Ростоу, С. Липсет, Г. Алмонд, Ф. Бендикс, Л. Пай, Д. Лернер, Р. Роуз и др.), отвергая революционный характер преобразования старого общества в новое, используют термин «модернизация» для обозначения тех процессов, которые связаны с переходом от так называемого традиционного общества к обществу современному, а от него и к будущему обществу. Так, они считают, что трем стадиям перехода от «аграрного общества» к «индустриальному» соответствуют и три стадии общественно-политического развития: традиционному обществу — монархия, олигархия и партикуляризм; периоду «сдвига» — бюрократическая империя и деспотизм; и, наконец, современному «модернизированному обществу» (под которым имеется в виду прежде всего современное капиталистическое общество) — представительная демократия.⁷²

Оправдывая и защищая капитализм, теория «модернизации» пытается воздействовать прежде всего на развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. «Выиграть битву в области модернизации в развивающихся странах, — пишет американский проф. Л. Блюмфельд, — это жизненная задача США. Здесь вопрос о победе над коммунизмом получает ясное и конкретное воплощение».⁷³ Исходя из этого теория «модерни-

⁷¹ Ericson R. The Impact of Cybernetic Information Technology on Management Value Systems // General Systems. 1969. Vol. XIV. P. 88. — Попытки буржуазных социологов объяснить многие проблемы общественно-политического развития, исходя из характера и уровня одной лишь техники, способствовали формированию особого типа массового сознания в капиталистическом обществе, а именно сознания «технистического», структура которого отличается своей спецификой (см.: Замошкин Ю. А., Мотрошилов Н. В. Технистское сознание и его эволюция // США — экономика, политика, идеология. 1975. № 6).

⁷² См.: Merkl P. Modern Comparative Politics. New York, 1970.

⁷³ См.: American Defence Police. Baltimore, 1965. P. 18.

зации» подается как альтернатива социалистическому (некапиталистическому) пути общественного развития стран «третьего мира». Она спекулирует на стремлении народов этих стран к коренным социальным переменам. Она объявляет идеалом «модернизации» западную политическую систему. «Идеальной моделью модернизации „третьего мира“, — отмечает Р. Уорд, — может быть лишь та, при которой универсальные элементы традиционной культуры используются для внедрения универсализма современного Запада».⁷⁴

Стремясь навязать развивающимся странам под видом «модернизации» политический образ жизни по западному образцу, буржуазные социологи обращаются к истории отдельных капиталистических государств в поисках соответствующего аналога. Особенно широко при этом используются отдельные этапы в развитии США. Так, обосновывая тезис о трех революциях, якобы происшедших в США, а именно — антиколониальной войны за независимость, гражданской войны и так называемой «технотронной» революции, З. Бжезинский заключает, что США ныне стали «основным глобальным распространителем технотронной революции».⁷⁵ Следует отметить также, что само понятие «модернизированное общество» в объяснении буржуазных социологов выглядит весьма расплывчатым и неопределенным. Так, по мнению Д. Коулмэна, помимо других признаков «модернизация» характеризуется «сравнительно высокой степенью урбанизации, широким распространением грамотности, сравнительно высоким доходом на душу населения, экстенсивной географической и социальной мобильностью, относительно высокой степенью развития торговли и индустриализации экономики, экстенсивной и всепроникающей сетью средств массовой коммуникации и в общем широким участием и включением членов общества в современные социальные и экономические процессы».⁷⁶

Руководствуясь этими «критериями», С. Липсет дает, в частности, следующую классификацию демократических и диктаторских систем: 1) европейские и англоязычные стабильные демократии (Люксембург, Великобритания, Канада и т. д.); 2) европейские и англоязычные нестабильные демократии и диктатуры (социалистические страны Европы, включая Советский Союз, Греция, Испания, Исландия и т. д.); 3) латиноамериканские демократии и нестабильные диктатуры (Аргентина, Бразилия, Мексика и т. д.) и 4) латиноамериканские стабильные диктатуры (Боливия, Куба, Эквадор, Перу и др.). Наду-

⁷⁴ Ward A. (ed.) Political Development in Modern Japan: Studies in the Modernization of Japan. Princeton, 1968. P. 144.

⁷⁵ Цит. по: Шабад Б. А. Кризис идеологии антикоммунизма: Политический и философский анализ новых явлений. М., 1973. С. 77.

⁷⁶ The Politics of the Development Areas / Ed. by G. Almond and J. Coleman. Princeton, 1960. P. 532.

манность и абсурдность подобного рода классификации видны уже из того, что степень демократии и диктатуры С. Липсет измеряет количеством радиоточек, телефонов, газет, врачей на тысячу человек населения, а также количеством людей на одну машину. «В более демократических европейских странах, — со всей серьезностью пишет он, — 17 человек приходится на одну машину по сравнению со 143 в менее демократических. В менее диктаторских латиноамериканских странах 99 человек приходится на одну автомашину против 274 в более диктаторских странах».⁷⁷

Несостоятельность теории «модернизации» состоит в том, что она, отождествляя демократию с высоким уровнем развития техники, противоречит историческим фактам. Хорошо известно, например, что демократические институты существовали и в условиях низкого уровня развития техники, что неоднократно подтверждалось учеными-этнографами. Не менее хорошо известно и другое — существование реакционнейших политических режимов в странах с достаточно высоким уровнем техники (примером тому служит фашистская Германия и Италия). Поэтому сам по себе низкий или высокий уровень развития техники, производительных сил не определяет отсутствия или наличия демократического характера государственной власти. Имея в виду отсталую Россию, В. И. Ленин указывал, например, что нельзя непосредственно связывать установление демократического строя в ней с уровнем развития производительных сил и культуры. «Если для создания социализма, — писал он, — требуется определенный уровень культуры ... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти... двинуться догонять другие народы».⁷⁸

Далее, эта теория выдвигает на первый план количественные показатели и игнорирует показатели качественные. Между тем, как справедливо подчеркивает В. Е. Чиркин, «главное состоит не в количественных показателях, протяженности автомобильных дорог с хорошим покрытием или в объеме циркулирующей корреспонденции, а в качественных показателях, характеризующих политическую систему прежде всего с точки зрения социальной природы государственной власти: кому — большинству или меньшинству населения — служит эта власть, в чьих интересах она осуществляет мероприятия, затрагивающие жизненные интересы различных классов общества данной страны».⁷⁹ Теория «политической модернизации» механически под-

⁷⁷ Lipset S. Political Man. P. 49.

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

⁷⁹ Чиркин В. Е. Буржуазная политология и действительность развивающихся стран: Критика концепции «политической модернизации». М., 1980. С. 14.

меняет диалектическую идею развития, связанного с переходом количественных изменений в качественные, абстрактным признанием «социального динамизма», в основе которого лежит уже развенчанная марксизмом метафизическая концепция развития. Она игнорирует качественно различную природу государственной власти в странах капиталистической и социалистической ориентации.

И, наконец, заимствуя многие идеи у давно изжившей себя «теории подражания» Габриэля Тарда и беря в качестве эталона для такого подражания политическую систему США, теория «политической модернизации», по существу, не выходит за рамки традиционных буржуазных представлений о развитии «западной демократии». Ее главный порок «заключается в том, что она полностью подчинена цели направить развивающиеся страны в русло капиталистической системы. Современное общество, в направлении которого идет, по мысли ее творцов, развитие в освободившихся странах, — это капиталистическое общество; современная политическая система — это капиталистическая система в виде так называемого индустриализированного плюрализма. Только этот путь и предлагают народам творцы „политической модернизации“».⁸⁰ Такие факты современной капиталистической действительности, как коррупция и бюрократизм, политическая дискриминация и расизм, взрывы массовой истерии, политический бандитизм и т. п., остаются вне поля зрения авторов данной теории.

Особую роль в интерпретации американскими политологами политического образа жизни в развивающихся странах играет теория «международного терроризма».⁸¹ Теория эта на официальном уровне была обнародована сравнительно недавно — 28 января 1981 г.; выступая на инаугуральной пресс-конференции, бывший государственный секретарь США А. Хейг обвинил Советский Союз в «подготовке, финансировании и оснащении» международного терроризма. Между тем основные положения ее были сформулированы несколько ранее, а именно в 1979 г. на «Международной конференции по терроризму» в Иерусалиме. Они сводились к следующему. Первое — терроризм представляет собой угрозу западной цивилизации, причем «во многих отношениях более серьезную, чем опасность ядерной войны». И второе — терроризм представляет собой «инструмент внешней политики... Советского Союза».⁸² Теория «международного терроризма» появилась на идеологической авансцене именно в тот период, когда резко обозначился спад широко разрекламированной кампании в «защиту прав человека». По-

⁸⁰ Там же. С. 18.

⁸¹ См.: Ляхов Е. Г. Политика терроризма — политика насилия и агрессии. М., 1987.

⁸² См.: Зивс С. Л. Идеологическая диверсия под флагом борьбы с терроризмом // США — экономика, политика, идеология. 1981. № 6. С. 42.

этому одна из ее целей состояла в том, чтобы привлечь внимание мировой общественности, глубоко возмущенной учатившимися случаями нарушения международного порядка (угоны самолетов, захваты заложников, убийства видных политических деятелей и т. д.), не к подлинным виновникам международного терроризма (фашистским, право- и левозэкстремистским организациям, членам масонских лож, мафий и т. п.), а к виновникам мнимым, в качестве каковых стали рассматриваться представители революционных сил современности, в особенности сторонники национально-освободительных движений. Причем, как это было не раз в прошлом, центром, из которого якобы осуществляется руководство международным терроризмом, был объявлен Советский Союз.

Стремление американских буржуазных идеологов обвинить Советский Союз и революционное движение в терроризме не является новым. Еще в первые годы Советской власти в адрес большевиков были выдвинуты клеветнические обвинения в «апологии террора» и «террористическом подавлении» индивидов, в «экспорте террора и революции». Эти обвинения содержались, в частности, в книге австрийского социал-реформиста К. Каутского и были убедительно развенчаны В. И. Лениным. Позднее, особенно в 30-е годы, эти обвинения повторялись неоднократно. Причем весьма усердствовали в данном отношении фашистские идеологи. Одно из таких обвинений, например, послужило основанием для инсценирования позорного Лейпцигского процесса над руководителем болгарских коммунистов Г. Димитровым. Специфика нынешних обвинений Советского Союза и революционных сил современности в международном терроризме заключается в том, что они возведены в ранг государственной политики ведущей страны капиталистического мира — США и приобрели необыкновенно широкий размах.

Глобальные расчеты авторов теории «международного терроризма» сводятся к тому, чтобы, с одной стороны, ввести в заблуждение мировую общественность относительно роли мировой социалистической системы как ведущей силы современности, а с другой — развязать себе руки в борьбе с рабочим и национально-освободительным движением. Надо сказать, что многое в данном отношении им удалось сделать. Оживилась деятельность фашистских, ультраправых и ультралевых организаций. Поднял голову и предпринял ряд внутривнутриполитических и внешнеполитических акций сионизм и его главное детище — воинственный Израиль, совершивший вероломный акт чудовищной агрессии против народа Ливана, Палестины и Сирии. «Воспрянули духом», чувствуя поддержку США, реакционные режимы в Чили, Сальвадоре, ЮАР и других странах. Капиталистические монополии получили новый толчок для продолжения гонки вооружений. Еще шире развернулась кампания преследования прогрессивно мыслящих людей, и прежде всего коммуни-

стов, в капиталистических странах. У противников разрядки появился дополнительный шанс для того, чтобы воспрепятствовать утверждению принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами с различными экономическими и социально-политическими системами.

Однако важнейшие цели авторов названной теории оказались нереализованными, и прежде всего потому, что развязанная ими кампания «борьбы с международным терроризмом» все более оборачивается против самих организаторов. Многочисленные факты неумолимо свидетельствуют о том, что терроризм, в том числе международный, процветал и процветает именно в США и других капиталистических странах. Как открыто признала американская газета «Интернэшнл геральд трибюн», «на протяжении последних 35 лет правительство США регулярно использовало терроризм в качестве орудия внешней политики».⁸³ Причем этот терроризм тесно смыкается с терроризмом внутренним. Именно на США, равно как и на империализме в целом, «лежит конечная ответственность за бесчисленные международные террористические акции, причем не только против общественно-политических движений и деятелей, но, можно сказать, и против целых народов».⁸⁴ Зловещей формой международного терроризма является ныне не только геноцид, но и экоцид (разрушение окружающей среды), а также бицид (массовое уничтожение людей с помощью генетического и другого биологического оружия). Что касается Советского Союза и других социалистических стран, то они были и остаются решительными противниками терроризма, в каких бы он формах ни проявлялся. Как отмечал В. И. Ленин, террористические акты обезоруживают массы, ибо вместо борьбы за освобождение они ведут «к пассивному ожиданию следующего поединка».⁸⁵

Весьма важную роль в современной политико-идеологической стратегии США, рассчитанной на страны «третьего мира», играет так называемый «исламский фактор».⁸⁶ Эта роль, правда, выявилась далеко не сразу. До недавнего времени, как об этом пишут сами американские исследователи, в США наблюдался «огромный разрыв между академическим описанием ислама (который неизбежно предстает в карикатурном виде в изложении средств массовой информации) и конкретными ре-

⁸³ Цит. по: Шерковин Ю. «Вооруженная пропаганда»: Альянс ультраправых экстремизма и правых сил // Коммунист. 1981. № 7. С. 88.

⁸⁴ Толкунов Л. «Психологическая война» — признак ядерной патологии // Коммунист. 1982. № 4. С. 95.

⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 384.

⁸⁶ См.: Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики / Под ред. А. И. Ионовой, М., 1985; Grabb Jr, C. The Impact of Islamic Thought upon Political Ideology and Behavior // Journal of Politics. Vol. 48. N 4. November 1986.

альностями, существующими в исламском мире».⁸⁷ События 70-х годов в странах мусульманского мира, народы которых решительно заявили о себе в национально-освободительной и антиимпериалистической борьбе, в особенности иранская революция 1979 г., резко изменили, однако, отношение американских буржуазных политических идеологов к исламу. Уже в президентском послании конгрессу, с которым выступил Дж. Картер в январе 1980 г., говорилось, что США уважительно относятся к исламу как вере и готовы сотрудничать со всеми мусульманскими странами. Еще точнее эту мысль выразил З. Бжезинский, который заявил, что «в долгосрочном плане между мусульманским миром и Советским Союзом гораздо больше несовместимости, чем между мусульманским миром и США».⁸⁸ Немаловажное значение имел и тот факт, что ислам является государственной религией в 41 стране, а мусульмане составляют большинство населения примерно в 30 странах мира, причем в 20 из них (в Индонезии, Пакистане, Турции, Иране, Египте и др.) их численность достигает 90—100%.

Начало 80-х годов в США ознаменовано появлением серии теоретических и практических рекомендаций по широкому использованию ислама в современной идеологической борьбе. Основная цель этих рекомендаций состоит в том, чтобы разработать специальный механизм, обеспечивающий эволюцию ислама в сторону усиления прозападных и антикоммунистических тенденций. Как отмечает Е. И. Юрков, «американские политологи практически единодушны в том, что при определенных условиях ислам может выступить фактическим союзником буржуазной идеологии и тем самым создать возможности для контрнаступления против распространения среди народов Востока коммунистической идеологии».⁸⁹ Составными элементами названного механизма являются: тезис о единстве трех основных религий современного мира — христианства, ислама и иудаизма, каждая из которых в той или иной форме признает первичность божественного начала, а также мессию в качестве его посланца; спекуляция на атеистическом характере коммунистической идеологии, стремление доказать, что она представляет основную угрозу мусульманскому миру; искаженная интерпретация взаимоотношений церкви и государства в условиях социалистического строя; антисоветская тактика игры на националистических и религиозных настроениях отсталой части населения ряда мусульманских стран, а также жонглирование в империалистических целях исламскими лозунгами; активная поддержка антидемократических, откровенно реакционных сил

⁸⁷ Цит. по: Юрков Е. И. «Исламский фактор» во внешней политике США // США — экономика, политика, идеология. 1983. № 8. С. 31.

⁸⁸ См.: Там же. С. 32.

⁸⁹ Там же. С. 34.

в мусульманском мире, в том числе и особенно в Египте, Сирии и Ливане, Пакистане, Турции и Афганистане.

Надо сказать, что проводимая империалистической буржуазией США политика «идеологического союза» с исламом, несомненно, дает свои результаты. Доказательством тому служат попытки ряда мусульманских политических и государственных деятелей, в том числе и особенно исламского руководства Ирана, занять нейтральную позицию в отношении основных проявлений современной классовой борьбы на международной арене и действовать по принципу «ни Запад, ни Восток». В результате «многие идеологи и официальные деятели Исламской Республики Иран отрицают принципиальное отличие социализма в СССР от так называемого западного „общества потребления“, поскольку якобы для советских людей забота о материальном благополучии является самоцелью (тогда как, по их мнению, экономическое развитие должно быть „средством сближения человека с богом“».⁹⁰ Доказательством тому служит также предпринятое в последние годы исламскими властями Ирана массированное наступление на позиции прогрессивных, леводемократических сил, выражающих подлинные интересы иранских трудящихся. В качестве основного объекта этого наступления оказалась Народная партия Ирана (Туде), которая с самого момента своего возникновения стояла в авангарде борьбы иранских трудящихся и которая с марта 1979 г. действовала в Иране легально. В начале февраля 1983 г. иранские власти объявили о роспуске этой партии, ее руководители и более тысячи рядовых членов арестованы. Кампания травли Народной партии Ирана продолжается. Имея в виду эту кампанию, разжигаемую в стране под лозунгом недопущения распространения «безбожных» идей марксизма-ленинизма, французская газета «Монд» писала: «Не являются ли репрессии против коммунистов и „холодная война“ против Москвы прологом к нормализации отношений с Вашингтоном?».⁹¹

Вместе с тем нельзя не отметить и тех трудностей, с которыми американским буржуазным политическим идеологам приходится сталкиваться в мусульманском мире. Прежде всего это — противоречивый характер теории и практики самого ислама, в котором, хотя и с разной степенью отчетливости, выделяются по меньшей мере два направления: консервативное, представленное реакционным шиитским духовенством, противящимся общественному прогрессу и ненавидящим коммунизм, с одной стороны, и прогрессивное, представленное леводемократическими силами, борющимися за доведение до конца анти-

⁹⁰ Ульяновский Р. Моральные принципы в политике и политика в области морали // Литературная газета. 1983. 22 июня.

⁹¹ Там же.

империалистической, национально-освободительной революции — с другой. Прогрессивное направление, в свою очередь, далеко не однозначно, так как объединяет различные силы. Применительно к Ирану, например, оно включает в себя часть духовенства, рабочий класс, революционную молодежь и передовую интеллигенцию, нередко выступающую с проповедью «исламского марксизма».⁹² Несмотря на свою различную окраску в отдельных мусульманских странах, именно прогрессивное направление служит препятствием на пути установления тесного союза между американской буржуазной политической идеологией и исламом.

Далее это — арабо-израильский конфликт, который непрерывно расширяется и углубляется, захватывая в свою сферу практически все страны мусульманского мира. Даже Саудовская Аравия, с которой у США сложились «особые отношения», выражает обеспокоенность по поводу поддержки Соединенными Штатами агрессивного антиарабского курса Израиля, так как видит в сионизме крайне враждебную идеологию, чуждую религиозным устоям ислама. Подтверждением сказанному является встреча глав государств — членов организации Исламская конференция, которая состоялась в январе 1981 г. в Саудовской Аравии и на которой было подтверждено требование мусульманских стран о создании палестинского государства со столицей в арабской части Иерусалима и о возвращении Израилем захваченных территорий арабских стран. Непопулярность США среди народов мусульманского мира еще более упрочилась в связи с их фактическим соучастием в израильской агрессии в Ливане в 1982 — 1983 гг. Поколебать эту непопулярность оказались не в состоянии ни так называемое «мирное соглашение», заключенное между Ливаном и Израилем при посредничестве США по типу кэмп-девидской сделки, ни так называемый «стратегический консенсус» между США, Израилем, Египтом и Саудовской Аравией, установления которого длительное время добивались американские идеологи. Американо-исламскому сближению препятствует и сам Израиль. «Враждебность, существующая между исламом и сионизмом, вызывает стремление Израиля и произраильских кругов в США не допустить расширения и упрочения связей Соединенных Штатов с мусульманскими режимами и движениями в ущерб американо-израильскому альянсу, что приводит к значительным внутривнутриполитическим сложностям для американской администрации при проведении политики на Ближнем Востоке».⁹³

Затем это — разнокачественный характер национально-освободительного движения в мусульманском мире. С одной сторо-

⁹² См.: Ульяновский Р. Иранская революция и ее особенности // Коммунист. 1982. № 10. С. 116.

⁹³ Юрков Е. И. «Исламский фактор» во внешней политике США. С. 38.

ны, в нем отчетливо выделяются страны с социалистической ориентацией, которые задают тон всему национально-освободительному движению. Как свидетельствует статистика, за два десятилетия, начиная с 1960 г., когда в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий была впервые сформулирована идея государства национальной демократии, число стран социалистической ориентации в Азии и Африке возросло приблизительно в 5 раз.⁹⁴ С другой стороны, в национально-освободительном движении мусульманского мира еще сохраняют довольно сильные позиции и страны с капиталистической ориентацией, которые потенциально выступают союзниками США, но которые не во всех случаях принимают союз между исламом и американской буржуазной политической идеологией. Указанные страны не могут преодолеть в себе всеобщую ненависть к тому, что в течение ряда столетий угнетатели-колонизаторы являлись представителями иных, нежели ислам, верований, которые, кстати, нередко насильственно насаждались там. Вот почему движению за национальную независимость в мусульманских странах, идущих по капиталистическому пути, сопутствовало резкое противопоставление ислама религиозной морали и нормам поведения чужеземцев-колонизаторов.⁹⁵

И наконец, это — экономическое, социально-политическое и идеологическое влияние СССР и других социалистических стран на мусульманский Восток и на «третий мир» в целом. Оно нашло свое выражение, во-первых, в том, что развивающиеся страны в основной массе с самого начала отвергли попытки американских буржуазных идеологов разыграть «советскую карту», чтобы путем так называемой «советской угрозы» добиться укрепления отношений с ведущими странами развивающегося мира. Это влияние, во-вторых, привело к тому, что развеялся миф о несовместимости между СССР и мусульманскими странами. Отношения СССР с Сирией, Ливией, Афганистаном и другими странами Ближнего Востока — яркое тому подтверждение. Марксизм-ленинизм всегда придавал большое значение религиозному фактору в национально-освободительной и революционной борьбе разных народов. Он руководствовался и руководствуется при этом ленинским положением о том, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...».⁹⁶ Исходя из приведенного положения В. И. Ленина, СССР оценивает политико-идеологическую ситуацию в современном мусульманском мире. Исходя из сказанного, он

⁹⁴ См.: Чиркин В. Е. Буржуазная политология и действительность развивающихся стран. С. 171.

⁹⁵ См.: Мчедлов М. Религия, церковь, политика // Коммунист, 1982. № 14. С. 93.

⁹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228.

строит и свои взаимоотношения с ними, принимая в расчет не столько провозглашаемые мусульманскими странами исламские лозунги, сколько само содержание конкретного национально-освободительного движения в них. А это содержание весьма противоречиво. С одной стороны, хорошо известно, что под знаменем ислама может разворачиваться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. С другой стороны, не менее хорошо известно, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимая контрреволюционные мятежи. Поддержка реакционными силами Пакистана, Ирана и других мусульманских стран контрреволюционных банд в Афганистане — яркое тому подтверждение. Другими словами, одни и те же исламские лозунги и принципы, по справедливому замечанию Л. Р. Полонской, «получая разную трактовку, используются и в социальной борьбе, и в борьбе за власть».⁹⁷

В своем обобщенном виде теоретико-практические и пропагандистские установки идеологического неокOLONиализма США нашли отражение в проекте «Демократия», внесенном в конгресс США 23 февраля 1983 г.⁹⁸ В разработке проекта «Демократия» приняли участие Информационное агентство США (ЮСИА), государственный департамент, Управление международного развития, представители национальных комитетов республиканской и демократической партии, двухпартийный Американский политический фонд и представители обеих партий в конгрессе. Свою руку к проекту приложили Пентагон, ЦРУ и другие спецслужбы США. Руководство осуществлением этого проекта было возложено на комитет по международной политике во главе с заместителем госсекретаря Л. Иглбергером, по мнению которого проект будет реализован в течение ближайших 20 лет. Техническим обеспечением проекта будет вести ЮСИА. Что касается финансовых ассигнований, то они в 1983/84 финансовом году составили 20 млн долл., а в 1984/85 г. — 65 млн долл. Основная цель проекта «Демократия» — организовать «глобальное идеологическое наступление» США в духе «крестового похода за свободу и демократию», который был провозглашен президентом Рейганом.

Хотя проект «Демократия» рассчитан на зарубежные страны в целом, тем не менее большинство его программ, как об этом заявил госсекретарь США Дж. Шульц, направлено на Латинскую Америку, Африку и Азию. Суть «Программы демократии и публичной дипломатии», говорится в заявлении ТАСС в связи с ее провозглашением, «состоит в том, что США

⁹⁷ Ислам: проблемы идеологии, права, политики и экономики. С. 22.

⁹⁸ См.: Малащенко И. Е. Проект «демократия», его цели и подоплека // США — экономика, политика, идеология. 1983. № 7.

пытаются присвоить себе право под предлогом „защиты демократии” осуществлять массированное вмешательство в дела других государств, прежде всего развивающихся, которые они хотели бы пристегнуть к американской политике». ⁹⁹ Как отмечал американский журнал «Нэйшн», «фактически еще до начала действия проекта „Демократия” Информационное агентство Соединенных Штатов давало деньги некоторым людям, которые явно не в ладах с этим понятием». Крупные суммы, например, получил в 1982/83 финансовом году так называемый Комитет Центральной Америки, который использовал их для оплаты визитов в США официальных представителей реакционных латиноамериканских политических режимов, в том числе посланцев фашистской хунты Пиночета, гаитянской диктатуры и других душителей демократии. ¹⁰⁰

Проект «Демократия» включает в себя следующие мероприятия. Во-первых, обучение политических и государственных деятелей зарубежных стран, и прежде всего стран развивающихся, «теории и практике демократии». Речь идет, разумеется, о демократии буржуазной. Особое внимание в проекте обращается на обучение военных, занимающих гражданские посты в этих странах, для которых разработана специальная программа проведения различного рода семинаров, посвященных «природе демократических обществ». Во-вторых, создание центров американских исследований, совершенствование системы преподавания английского языка, предоставление стипендий и т. д., имеющих целью значительно расширить подготовку и обучение молодежи из развивающихся стран с тем, чтобы впоследствии продвигать ее на руководящие должности в этих странах. В-третьих, «усиление основных демократических институтов» в развивающихся странах, т. е. поддержка и финансирование тех политических партий, профсоюзов и средств массовой коммуникации, деятельность которых соответствует интересам Вашингтона. Таким образом, запланированы меры по укреплению проамериканских политических режимов и нейтрализации национально-патриотических движений. В-четвертых, массированную пропаганду американского образа жизни «посредством конференций, встреч, распространения книг и журналов, специальных программ в университетах, других институтах и средствах массовой информации». Этой же цели будет служить программа расширения обмена студентами, а также издания нового журнала «Комьюникейшнз импэкт» на английском, французском и испанском языках, призванного способствовать «свободе общения». И, наконец, в-пятых, «развитие контактов между американскими гражданами и организациями и их зарубежными

⁹⁹ Правда. 1983. 18 февр.

¹⁰⁰ См.: Малащенко И. Е. Проект «демократия», его цели и подоплека. С. 57.

партнерами» с целью создания международной поддержки принципов, положенных в основу данного проекта. Особые надежды в этой связи возлагаются на программу обмена профсоюзными, религиозными и иными деятелями, а также на ЦРУ и его филиалы — различного рода «радиоголоса».¹⁰¹

Проект «Демократия» хотя и подается с большой помпой, тем не менее не встречает широкой поддержки ни в США, ни в других капиталистических странах, ни тем более в странах развивающихся. Так, в ходе обсуждения этого проекта американский конгрессмен П. Костмайер сказал: «Судя по всему, это просто многомиллионное пропагандистское мероприятие... Я не думаю, что эта программа может принести нам что-нибудь, кроме неприятностей».¹⁰² Даже один из самых реакционных американских сенаторов, Мойнихэн, вынужден был констатировать: «Мир в большинстве своем отвергает нашу модель демократии и отворачивается от нашего курса».¹⁰³ Что касается развивающихся стран, то их отношение к проекту «Демократия» весьма четко выразила индийская газета «Нью эйдж». «Провозгласив „программу демократии и публичной дипломатии“, — отмечала она, — Вашингтон по сути открыто заявил о своем намерении навязывать остальному миру американские порядки как единственно возможные и обязательные. Если с помощью сил быстрого развертывания США пытаются оказать военное давление на молодые государства, то цель новой программы — подорвать их изнутри, создать в них „пятую колонну“, с помощью подкупа, шантажа, других грязных методов привести к власти угодных Соединенным Штатам людей».¹⁰⁴

¹⁰¹ См.: Там же. С. 56.

¹⁰² Там же. С. 61.

¹⁰³ Цит. по: Корионов В. В угаре антисоветизма // Правда. 1983. 21 июня.

¹⁰⁴ См.: Там же.

Глава V

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА КРИТИКИ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Методология и методика критики американской буржуазной политологии включает в себя наряду с другими следующие два важных аспекта. Во-первых, выявление роли и значения коммунистической контрпропаганды в борьбе против буржуазной идеологии. И, во-вторых, широкое использование в ходе этой борьбы ленинских идей о политике. Что собой представляют указанные аспекты, если о них говорить более подробно?

§ 1. РОЛЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ КОНТРПРОПАГАНДЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Анализ формирования и развития теории и практики марксизма, теории и практики социализма убедительно свидетельствует о том, что коммунистическая контрпропаганда всегда играла важную роль в борьбе против буржуазной идеологии. Менялись и меняются ее формы и методы, но оставалась и остается незыблемой сущность, которая состоит в активном противодействии всякому враждебному идеологическому воздействию со стороны классового противника. В развитии коммунистической контрпропаганды как определенной области идеологической деятельности можно выделить три периода: 1) закладывание основ теории и практики (совпадает с периодом формирования, утверждения и распространения марксизма как идейно-теоретического учения пролетариата, как его политического и практического оружия в борьбе со всевозможными классовыми противниками); 2) разработка концепции (связана с деятельностью В. И. Ленина, теоретической и практической деятельностью нашей партии); 3) создание и внедрение единой, динамичной и эффективной системы (начинается, по существу, в 80-е годы и в качестве основных вех имеет: Всесоюзную научно-практическую конференцию по идеологическим вопросам,

состоявшуюся в декабре 1984 г. в Москве, апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС и XXVII съезд КПСС, ознаменовавший качественно новый этап в развитии нашего общества).

Первый программный документ марксизма «Манифест Коммунистической партии», увидевший свет в 1848 г., имел огромное значение для судеб всего мира не только потому, что в нем с гениальной ясностью было изложено существо нового мировоззрения, обоснована всемирно-историческая революционная роль пролетариата, творца коммунистического общества, но и потому, что он стал выдающимся образцом того, как следует распространять революционные материалистические взгляды с целью формирования у трудящихся масс передового пролетарского сознания. С острой бескомпромиссностью в нем разоблачены ложность буржуазных утверждений о неизбежности частной собственности, ханжеский и лицемерный характер буржуазной морали, буржуазных представлений о семье, воспитании, патриотизме.

Манифест, пропагандируя и утверждая идеи научного коммунизма, одновременно решал и задачи контрпропагандистского характера. Так, подвергнув острой критике социалистическую и коммунистическую литературу тех лет, К. Маркс и Ф. Энгельс выявили классовую сущность концепций, положенных в основу феодального, мелкобуржуазного, немецкого, или «истинного», а также консервативного, или буржуазного, социализмов. При этом они широко использовали такой эффективный контрпропагандистский прием, как убийственный сарказм, мгновенно срывающий все и всяческие маски с критикуемого объекта, ставящий его в смешное и жалкое положение и тем самым способствующий его поражению. Критикуя, например, феодальный социализм, они писали: «Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом».¹

В последующих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс разрабатывали важнейшие положения социалистического мировоззрения как научной идеологии — учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о коммунистическом обществе. Такие работы К. Маркса, как «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «К критике политической экономии», работа Ф. Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии» и др., обосновывая противоположность буржуазного и пролетарского сознания, сочетают в себе задачи пропаганды диалектико-материалистиче-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 448.

ского учения и разоблачения «пустых идеологических формул» буржуазного мировоззрения.

Приступив к изданию «Новой Рейнской газеты» (1848 г.), К. Маркс и Ф. Энгельс широко опирались на выдвинутый ими ранее тезис о необходимости «обосновывать, развивать и защищать требования партии, отвергать и опровергать претензии и утверждения враждебной партии».² Эта газета обеспечивала единство пропаганды и контрпропаганды в рамках общей задачи популяризации коммунистических идеалов и борьбы за их организационное воплощение.

Эпоха 60-х годов, связанная с дальнейшим оживлением демократических движений, была отмечена особо интенсивной практической деятельностью К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1864 г. в Лондоне был основан I Интернационал, Международное товарищество рабочих, который, объединяя пролетариат разных стран, выковывал единую стратегию борьбы рабочего класса за свои конечные цели. В подготовленном К. Марксом Учредительном манифесте и Уставе Международного товарищества рабочих были сформулированы исторические задачи пролетарского движения — свержение капитализма и установление власти рабочего класса. Совместное участие в классовых боях, единство действий международного пролетариата, обмен опытом в печати и на конгрессах должны были постепенно подвести рабочие массы к восприятию идей марксизма как учения, раскрывающего объективные законы общественного развития и отвечающего коренным интересам рабочего класса всех стран. Одновременно документы I Интернационала включали дальнейшие теоретические разработки коммунистической пропаганды и контрпропаганды в условиях организационного оформления международного объединения трудящихся. Так, говоря о необходимости сотрудничества рабочего класса разных национальных отрядов в деле борьбы против главного врага — буржуазии, К. Маркс и Ф. Энгельс настаивали на противодействии ей «всеми средствами, имеющимися в его распоряжении», призывали «объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами в отношениях между народами».³

Связанная воедино идеей активного противодействия враждебному идеологическому влиянию теоретическая и практическая политическая деятельность основателей I Интернационала дала мощный толчок разворачиванию кампании международной солидарности с Парижской Коммуной. В условиях репрессий, всякого рода гонений, клеветы и дискриминации со сторо-

² Там же. С. 271.

³ Там же. Т. 16. С. 11.

ны правящего класса коммунистам приходилось разъяснять и отстаивать всемирно-историческое значение первого в истории человечества пролетарского государства. Внимательно изучая публицистическую практику К. Маркса и Ф. Энгельса, можно легко увидеть, что в условиях, когда практически весь пропагандистский аппарат был послушным орудием буржуазии, основоположники научного коммунизма находили возможность так использовать непролетарские средства информации, чтобы сделать их трибуной для популяризации своих идей, разоблачения антимарксистских фальсификаций, утверждения пролетарской идеологии в сознании трудящихся масс. К. Маркс писал: «... я считаю теперь существенно важным, чтобы наша партия занимала позиции везде, где возможно, пусть даже иногда только для того, чтобы ими не завладели другие».⁴

Использование буржуазной трибуны, однако, не могло не носить ограниченного характера. И дело здесь не только в том, что правящий класс всеми силами старался уберечься от влияния губительных для него идей. Весь строй буржуазного общественного сознания, сложившийся под влиянием капиталистических производственных отношений, представлял собой «заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир»,⁵ который противился всему новому, революционному.

Популяризируя и пропагандируя коммунистическое миропонимание, К. Маркс и Ф. Энгельс смогли убедительно доказать, что оно возникло не в результате стихийного классового протеста пролетариата против буржуазии, а в ходе сознательной революционной борьбы пролетариата против буржуазии, ведущейся на базе научной теории. Его принципиальное отличие от буржуазных и ревизионистских «критических» концепций состоит в том, что оно лишено простого негативизма в адрес других идеологий как извращенного и ненаучного сознания, но содержит созидательную, творческую альтернативу. В этом, по существу, и заключается одна из особенностей наступательности в коммунистической контрпропаганде, когда разрушение и противодействие чужеродным концепциям и взглядам идут рука об руку с утверждением нового, революционного мировоззрения, творчески преобразующего мир в интересах самого революционного класса на земле.

О том, какое значение придавали классики марксизма социалистическому просвещению, свидетельствует известное предисловие Ф. Энгельса ко второму изданию его работы «Крестьянская война в Германии». Основная идея его состоит в том, что социал-демократия должна прежде всего политически просвещать и пробуждать к революционной борьбе с капитализмом весь рабочий класс, вплоть до отсталых слоев сельского

⁴ Там же. Т. 29. С. 480.

⁵ Там же. Т. 25, ч. II. С. 398.

пролетариата. «Пробудить этот класс и втянуть его в движение — вот ближайшая и настоятельнейшая задача немецкого рабочего движения».⁶ Формы и методы такого просвещения, включающие в себя и пропаганду и коммунистическую контрпропаганду, складывались в конкретно-исторических условиях классовой борьбы XIX в. Не имея собственной материальной базы, не располагая политической властью, коммунисты тем не менее проделали огромную конструктивную работу по внесению революционного учения в рабочее движение, развитию классового самосознания масс, их организованности и сплоченности в грядущих революционных битвах. «Для этого, — писал Ф. Энгельс, — требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации... Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплавлять организацию партии и организацию профессиональных союзов».⁷

Основоположники научного коммунизма заложили фундамент такой деятельности партии, которая, разрушая буржуазные и оппортунистические предрассудки и взгляды, доктрины и концепции, совершала переворот в сознании трудящихся масс. К. Маркс и Ф. Энгельс не пользовались понятием «коммунистическая контрпропаганда», однако теоретические и принципиальные основы этого вида идеологической деятельности ими были созданы и стали отправным пунктом в последующей борьбе пролетарской партии за экономическое и духовное освобождение рабочего класса. Коммунистическая контрпропаганда решала общие задачи в рамках экономических и политических условий, которыми отличался капитализм в период своего относительно равномерного развития. В условиях жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса она не расчленялась в принципе на внутреннюю и внешнюю, поскольку имела единый объект — пролетариат, который не был еще организован в рамках самостоятельного государства, поскольку коммунистическая контрпропаганда отражала идею победы социалистической революции одновременно во всех или почти во всех странах мира, поскольку она составляла содержательную сторону деятельности марксистов не какой-либо одной страны, а международного рабочего класса в целом. Да и сами основоположники научного коммунизма осуществляли свою деятельность и обобщали опыт рабочего движения не в какой-либо одной стране, а в разных странах: и в Германии, и во Франции, и в Англии, и в Голландии и др.

Кроме того, коммунистическая контрпропаганда в условиях жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса не расчленя-

⁶ Там же. Т. 16. С. 420.

⁷ Там же. Т. 18. С. 499.

лась четко и по своим функциям. Конечно, и тогда были ренегаты марксизма, и тогда были ревизионисты, оппортунисты и прочие, и тогда были проводники буржуазного влияния в рабочем классе. Но столь дифференцированного, хорошо организованного противодействия враждебному влиянию буржуазной идеологии в среде рабочего класса, как это было, например, в теории, в других областях идеологической деятельности, в том числе пропагандистской и политико-воспитательной, не было. Причина тому та же — пролетариат не имел своего собственного государства, не имел собственной материально-технической базы. Будучи разрознен по региональному, национальному и государственному принципу, он не располагал в то время достаточными возможностями для одинаково активного противодействия буржуазному влиянию во всех областях идеологической деятельности, в особенности пропагандистской и политико-воспитательной.

Иначе обстояло дело в условиях второго периода в развитии и утверждении коммунистической контрпропаганды. Изменилась прежде всего международная обстановка. Образовалось первое в мире социалистическое государство. Мировой системе капитализма был нанесен сокрушительный удар — экономический, социальный, политический и духовно-идеологический. Не желая мириться с этим, империалистическая буржуазия попыталась сделать все, чтобы задушить молодую Советскую республику. Наряду с военными, экономическими, дипломатическими, торговыми и прочими средствами она еще шире стала использовать идеологические средства, причем как для обработки нашего населения, так и для обработки населения своих стран. В этих условиях коммунистическая контрпропаганда дифференцируется прежде всего по объекту своего воздействия. Возникает необходимость широкого проведения активной контрпропагандистской работы как внутри страны, так и среди зарубежной аудитории. Эта необходимость становится тем большей, чем в большей степени идет процесс признания советского строя капиталистическими государствами, чем больше развиваются контакты нашей страны с внешним миром.

С утверждением социалистического строя коммунистическая контрпропаганда четко дифференцируется по своим функциям. Наряду с предотвращением буржуазного идеологического влияния на население нашей страны возникает необходимость нейтрализации чуждых взглядов и нравов в тех группах и категориях населения, которые уже подпали под это влияние. Возникает также необходимость решительного разоблачения действий тех лиц, которые вольно или невольно становятся проводниками буржуазного влияния в среде советских граждан. С утверждением социалистического строя начинает действовать особая закономерность, суть которой состоит в том, что капитализм становится тем активнее, чем ощутимее оказываются достижения

социализма. «На нашей революции,—писал В. И. Ленин,—больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливаются вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления».⁸

В этих условиях В. И. Ленин прямо указывает на важность коммунистической контрпропаганды, направленной на преодоление буржуазного влияния в среде советских граждан, противодействие проникновению буржуазной идеологии в советское общество, предупреждение попыток классового противника протаскать в наше общество чуждые взгляды и нравы. Свидетельством тому являются многие его речи в статьи. Так, разъясняя на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. вопрос о концессиях, предоставляемых буржуазным государствам, он отмечал, в частности, что вместе с концессиями в нашу страну могут проникнуть и капиталистические взгляды, «что концессионеры создадут исключительные условия для своих рабочих, привезут для них лучшую одежду, лучшую обувь, лучшее продовольствие. Такова будет тогда их пропаганда среди наших рабочих... Неужели здесь от такой пропаганды мы не сможем защититься нашей контрпропагандой, неужели мы не сможем доказать рабочим, что капитализм, конечно, может известным группам своих рабочих создать условия лучшие, но что от этого условия остальной массы рабочих не улучшаются?... И мы будем бояться, что не сумеем разъяснить правды рабочим?! Мы были бы очень плохи, если бы этого боялись...».⁹

Говоря о противодействии влиянию буржуазной идеологии, В. И. Ленин раскрывал суть позиции марксистов в этом деле: «... отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контр-нападением».¹⁰ Такой подход требует организации «*всесторонних* политических обличений» противника,¹¹ его реакционной экономической сущности, политической практики империализма и всяческих «ценностей» буржуазного сознания. Он позволяет не только показать лживость буржуазной пропаганды, но и выработать негативное отношение к империализму, иммунитет к восприятию его взглядов и привычек. Этой пропаганде, пояснял В. И. Ленин, «надо шаг за шагом противопоставлять свое коммунистическое воздействие».¹² Причем под коммунистическим воздействием он имел в виду, с одной стороны, требование, чтобы каждый трудящийся выработал у себя определенные взгляды по всем трудным и острым вопросам

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 244.

⁹ Там же. Т. 42. С. 116.

¹⁰ Там же. Т. 6. С. 91.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Там же. Т. 42. С. 75.

внутренней и международной жизни, а с другой — силу примера самого социализма, т. е. раскрытие преимуществ советского образа жизни.¹³

Особое внимание В. И. Ленин обращал на необходимость давать активный отпор любым фальсификациям теории и практики революционного движения и строительства социализма в нашей стране. Крайне важно, писал он, чтобы партия «систематически боролась с потоком контрреволюционных нападок на „освободительное движение“, боролась с широким течением... направленным к осуждению революции, к дискредитированию ее, ее целей, методов и т. д.».¹⁴ В другом месте он добавлял: «За границей ведется бешеная агитация против РСФСР в связи с советизацией Грузии... Необходимо, чтобы Грузинский ревком открыл серьезную контрагитацию».¹⁵ Здесь В. И. Ленин указывал на необходимость вести в органическом единстве контрпропаганду как на международной арене, так и внутри страны.

Что касается действий лиц, выступающих проводниками буржуазного влияния в среде советских граждан, то ярким примером решительного разоблачения их служит письмо В. И. Ленина Ю. Х. Лутовинову, в котором он раскрыл истинное лицо так называемых «информированных» людей, проявляющих склонность к бездумному критиканству наших ошибок без указания имен и фактов. «Ошибки, — подчеркивал В. И. Ленин, — могли быть. Надо их исправлять. А для этого надо их сначала указать точно, чтобы не было места темному настроению (и нередко прячущейся в этой темноте *сплетне*: сплетня любит темноту и безыменность)».¹⁶ В. И. Ленин четко характеризует категорию людей, на которых может рассчитывать противник, распространяя выгодные ему сплетни и измышления: «... либо это человек нервнобольной, который истерически хватается обрывки слухов и не может думать, рассуждать, проверять; либо это беспомощный по неразвитости и темноте человек, который стал жертвой сплетни; либо это переодетый меньшевик, который сознательно сеет сплетню».¹⁷ Распространение слухов и измышлений, добавлял В. И. Ленин, это не только пережиток «сплетнического обычая»,¹⁸ но и «политический прием буржуазии».¹⁹ К противодействию такого рода приемам должен подключаться каждый коммунист, каждый сознательный гражданин.

Большое значение В. И. Ленин придавал контрпропаганде

¹³ Там же. Т. 4. С. 326—327; Т. 42. С. 42, 75.

¹⁴ Там же. Т. 19. С. 26.

¹⁵ Там же. Т. 52. С. 153.

¹⁶ Там же. С. 224.

¹⁷ Там же. С. 227.

¹⁸ Там же. Т. 43. С. 329.

¹⁹ Там же. Т. 42. С. 302.

и в дореволюционный период, хотя в то время он не употреблял еще сам этот термин. В работе «Что делать?», например, он выдвинул и обосновал диалектико-материалистическую концепцию классовой идеологии. В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, пояснил он, нет «и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии».²⁰ Исходя из такого понимания идеологии, В. И. Ленин категорически отрицал какую-либо возможность мирного сосуществования различных мировоззрений, различных политических взглядов, принадлежащих противоположным классам антагонистического общества. «... Вопрос стоит *только так*, — подчеркивал он, — буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой „третьей“ идеологии не выработало человечество...). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».²¹ Отсюда важнейшими задачами русских социал-демократов В. И. Ленин считал распространение среди рабочего класса идей революционного марксизма, дальнейшее развитие теории научного социализма, ее претворение в жизнь и защиту от всякого рода извращений. В статье «Политическая агитация и „классовая точка зрения“» он требовал «не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм».²²

В условиях современной борьбы идей происходит конкретизация и углубление понятия коммунистической контрпропаганды, цель которых, как и совершенствования идеологической работы в целом, состоит в том, чтобы «преобразующую силу марксистско-ленинской идеологии направить на ускорение социально-экономического развития страны, активизацию человеческого фактора... Умело отстаивать историческую правоту нашего дела, показывать привлекательность идей социализма, ярко пропагандировать миролюбивую внешнюю политику СССР. Наступательное вести борьбу с буржуазной идеологией и моралью, антисоветскими провокациями и идеологическими диверсиями империализма, с попытками использовать религию в антисоциалистических целях».²³ Чтобы реализовать эту цель, коммунистическая контрпропаганда в современных условиях должна представлять собой именно систему: рассматриваемую как неотъемлемую составную часть всей идеологической (и теоретической, и пропагандистской, и политико-воспитательной) работы партии, государства, общественных организаций и трудовых коллективов; подразделяемую на различные виды в зависимо-

²⁰ Там же. Т. 6. С. 39—40.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 269.

²³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 117—119.

сти от того, на кого она рассчитана (контрпропаганда среди советских граждан, контрпропаганда среди иностранцев, приезжающих в СССР, контрпропаганда на международной арене); имеющую четко обозначенные цели и задачи, средства и методы их решения, субъект, объект и важнейшие функции, научно обоснованные принципы, определяющие ее функционирование. Эта система действительно должна быть: 1) единой — построенной по общему образцу и охватывающей все звенья партийно-политического механизма как по вертикали, так и по горизонтали; 2) динамичной — максимально приспособленной к изменениям идеологической обстановки внутри страны и на международной арене; и 3) эффективной — бесперебойно работающей и призванной активно противодействовать всякому негативному идеологическому влиянию, откуда бы оно ни исходило.²⁴

Между различными элементами коммунистической контрпропаганды, составляющими ее систему, существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость, в особенности между функциями и объектами. Каждому из перечисленных выше видов контрпропаганды (среди советских граждан, иностранцев, приезжающих в СССР, и на международной арене) соответствуют свои функции и объекты. И, наоборот, особенности того или иного объекта буржуазного идеологического влияния определяют характер соответствующих функций конкретного вида коммунистической контрпропаганды.

Так, в современных условиях буржуазная пропаганда пытается проникнуть во все слои и социальные группы нашего общества. В этой связи предотвращение влияния буржуазной идеологии имеет своей целью формирование классовой закалки, идеологического иммунитета к чуждым взглядам и нравам, а также политической бдительности у всего населения советского общества. Важно иметь в виду, что в отличие от пропаганды и политико-воспитательной работы в целом, направленной на формирование классового сознания трудящихся, контрпропагандистская деятельность предполагает не просто овладение ими классовым подходом к социальной действительности, а обучение навыкам применять его в критике буржуазной идеологии и разоблачении буржуазной пропаганды, умению давать правильную политическую оценку негативным явлениям внутри

²⁴ См.: Горбачев М. С. Живое творчество народа. М., 1984; Кейзеров Н. М., Ножин Е. А. Контрпропаганда: проблемы методологии и методики. М., 1984; Покровский И. Ф., Прозоров Б. Л., Федосеев А. А. Некоторые методологические вопросы контрпропаганды // Философские науки. 1984. № 6; Обострение идеологической борьбы и актуальные вопросы контрпропаганды («круглый стол») // Научный коммунизм. 1984. № 5; Федосеев А. А., Шикин Ю. М. Коммунистическая контрпропаганда: Содержание и основные принципы. Л., 1985; Артемов В. Л. Против клеветы и замыслов: Сущность, методы, практика контрпропаганды. М., 1987; Наступательность в борьбе с буржуазной идеологией / Под ред. М. Я. Корнеева. Л., 1987.

страны и т. д. Именно формирование классовой закалки трудящихся в данном направлении делает их бдительными к проискам империалистической реакции, вырабатывает у них иммунитет к любым проявлениям чуждых взглядов и нравов.

В свою очередь, объектом деятельности по нейтрализации идеологического влияния империалистической пропаганды являются те категории советских граждан, которые оказались подверженными пропагандистскому воздействию буржуазной идеологии, мелкобуржуазной психологии и частнособственнической морали. Как показывает практика, объектом такого рода пропагандистского воздействия выступают прежде всего политически наивная и аполитичная часть молодежи, фанатично настроенные верующие, а также лица, стоящие на позициях нигилизма и национальной ограниченности. Именно у таких лиц буржуазная пропаганда пытается инспирировать возрождение частнособственнической, индивидуалистической психологии, подогревать инстинкты наживы, стяжательства и иждивенчества. Вот почему необходима большая и кропотливая работа по их устранению. Именно этим обусловлена важность работы по нейтрализации выгодного противнику воздействия на данную категорию лиц. Нейтрализация как раз и представляет собой процесс обезвреживания взглядов и оценок, которые противнику удалось навязать определенной части наших людей. Это переубеждение тех из них, которые подпали под влияние буржуазной пропаганды. Функция нейтрализации в рамках контрпропагандистской работы преследует цель не допустить перерастания ошибочных взглядов, националистических настроений, чувств религиозного фанатизма и экстремизма в антисоветские убеждения и противоправные действия.

И наконец, функция разоблачения имеет своим объектом тех отдельных граждан, которые прямо или косвенно содействуют проникновению в нашу среду враждебного идейно-политического влияния, распространяют в нашем обществе чуждые взгляды, настроения и нравы. Разоблачение таких людей как носителей индивидуального антагонизма является важнейшим условием укрепления морально-политического единства советского общества, целостности его социальной системы. Как особая функция контрпропаганды разоблачение предполагает удержание от разлагающего воздействия на окружающих самого разносчика чуждых нам идей и нравов, склонение его к отказу от продолжения такого воздействия и создание обстановки нетерпимости к такого рода явлениям.²⁵

Конечно, переоценивать влияние буржуазной пропаганды, как отмечал в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев, нет оснований. Но и забывать о том,

²⁵ См.: Прозоров Б. Л. Идеологические диверсии против советской молодежи: Расчеты и просчеты буржуазных советологов. Л., 1986. С. 122—150.

что ведущаяся против нас «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры, также нельзя, поскольку «мы имеем дело с искусственным классовым противником, политический опыт которого разнообразен, измеряется по времени веками. Он создал гигантскую машину массовой пропаганды, оснащенную современными техническими средствами, располагающую огромным аппаратом вышколенных ненавистников социализма. Изворотливости и беспринципности буржуазных пропагандистов должны быть противопоставлены высокий профессионализм наших идеологических работников, мораль социалистического общества, его культура, открытость информации, смелый и творческий характер нашей пропаганды. Нужна наступательность — и в том, что касается разоблачения идеологических диверсий, и в доведении правдивой информации о реальных достижениях социализма, социалистическом образе жизни».²⁶

Успех контрпропагандистской работы, как об этом свидетельствует теория и практика социализма, зависит от правильного сочетания и использования организационных, идейно-теоретических, информационно-пропагандистских и политиковоспитательных мер. *Организационные меры* предполагают формирование и активное функционирование хорошо налаженного аппарата контрпропаганды, подготовку и переподготовку контрпропагандистских кадров, создание таких звеньев в системе контрпропаганды, которые бы обеспечивали изучение враждебной деятельности противника и информирование о ней идеологического актива, обобщение опыта и эффективности контрпропагандистской работы, а также выработку конкретных рекомендаций по теоретическому обоснованию и методическому оснащению контрпропагандистской деятельности. *Идейно-теоретические меры* включают в себя усиление работы по научной критике буржуазной советологии, обучение организаторов контрпропаганды на местах необходимым навыкам методологии и методики этой критики, изучение концептуальных идей, которые берет на вооружение империалистическая пропаганда, анализ создаваемых на базе этих идей основных стереотипов, которые буржуазная пропаганда стремится внедрить в сознание советских людей, разработку и широкое использование в контрпропагандистской работе методик их разоблачения. *Информационно-пропагандистские меры* предполагают, во-первых, разоблачение, с одной стороны, классового характера и политической направленности навязываемых советским людям взглядов и пропагандистских вариантов советологических концепций, а также социально-классового лица

²⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 88.

эmissаров центров идеологической диверсии и их пособников на территории СССР. А с другой — разоблачение используемых идеологическими диверсантами изощренных форм, методов и приемов враждебной социализму пропаганды, способов маскировки подрывной сущности внедряемых в сознание советских граждан выгодных империализму идей. Во-вторых, раскрытие правды о реальном социализме и политике, проводимой КПСС и Советским правительством по тем так называемым острым вопросам, которые обыгрывает противник в своей пропаганде, приписывая нам устремления и цели, которые не вытекают из существа социалистического строя. И, в-третьих, раскрытие путем сопоставления двух образов жизни антинародной практики империализма в той сфере проблем, которые он использует для дискредитации социализма: И наконец, *политико-воспитательные меры* включают в себя: укрепление, развитие и обогащение у советских граждан качеств, умений и навыков политического бойца партии, готового и способного вести наступательную борьбу с идеологическим противником; воспитание и укрепление классового самосознания советской молодежи, ее революционной политической бдительности, идеологического иммунитета, невосприимчивости к воздействию идеологии, психологии и морали буржуазного общества, непримиримости к милитаристской политике империализма, его спецслужбам и центрам идеологической диверсии.

Разработке, обоснованию и претворению в жизнь перечисленных выше мер на основе глубокого изучения и применения теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина призваны способствовать все представители марксистско-ленинской общественной, в том числе политической, науки.

§ 2. ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ О ПОЛИТИКЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КРИТИКИ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

1. Значение ленинского учения о политике для критики американской буржуазной политологии состоит в обосновании и разработке важнейших принципов марксистской политической науки.²⁷ К числу таких принципов принадлежит прежде всего концептуальный подход к марксистской политической науке как науке комплексной. Используя этот подход, В. И. Ленин рассматривал ее как органическое единство, диалектический синтез всех уровней марксистского общественного знания: эко-

²⁷ Константинов Ф. В. Ленин как политический мыслитель // Ленин как политический мыслитель / Под ред. В. В. Загладина и др. М., 1981. С. 32.

номического, философского и социально-политического. Он исходил при этом из того, что марксистская политическая наука развивается в тесной связи с диалектическим и историческим материализмом, научным социализмом и политической экономией, на их теоретической и методологической основе. Имея в виду значение философского материализма и экономической теории К. Маркса для классовой борьбы пролетариата, В. И. Ленин писал, в частности: «Только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали донныне все угнетенные классы. Только экономическая теория Маркса разъяснила действительное положение пролетариата в общем строе капитализма».²⁸

Концептуальный подход к марксистской политической науке как науке комплексной позволил В. И. Ленину не только раскрыть объективную логику политики,²⁹ но и глубже проникнуть в сущность ее как целостного и относительно самостоятельного явления, выявить на макро- и микроуровне ее необходимые структурные элементы, внутренние и внешние связи и отношения, определить основные тенденции и закономерности, действующие в различных общественно-экономических системах, а также более четко наметить ближайшие и конечные перспективы ее развития. Результатом такого подхода явилась разработка важнейших теоретических положений: о социалистической революции и ее формах; о диктатуре пролетариата, ее сущности и содержании; о социалистическом государстве как главном орудии в системе диктатуры пролетариата и его функциях; о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в процессе социалистического и коммунистического строительства; о профсоюзах как школе коммунизма и др.³⁰

Концептуальный подход к марксистской политической науке как науке комплексной имеет важное методологическое значение и в современных условиях. Он способствует всесторонней разработке политико-социологических проблем, а также координации усилий ученых разных специальностей в процессе исследования тех или иных аспектов политики.³¹ Названный подход открывает широкие возможности для применения

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

²⁹ См.: Там же. Т. 14. С. 190; Т. 16. С. 56.

³⁰ Азаров Н. И. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. М., 1975; Ленин как политический мыслитель / Под ред. В. В. Загладина и др.

³¹ Шахназаров Г. Х., Бурлацкий Ф. М. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. № 12; Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986; Зимин А. И., Кураев В. И., Мелюхин И. С. Обзор обсуждения в Президиуме АН СССР // Вопросы философии. 1987. № 12; Мшвениерадзе В. В. Перестройка и политическая наука // Вопросы философии. 1988. № 2.

всего арсенала средств материалистической диалектики в процессе как позитивного, так и сравнительно-критического исследования политики. Свидетельством тому являются доклады и выступления советских и зарубежных марксистских исследователей на различного рода международных политологических конгрессах. Комплексный подход позволяет полнее и глубже проанализировать буржуазную политическую науку, выявить важнейшие тенденции ее развития и раскрыть основные идеологические функции.

Подчеркивание ленинских положений о комплексном характере марксистской политической науки весьма важно потому, что они, к сожалению, иногда предаются забвению, причем как в нашей литературе, так и особенно в литературе других социалистических стран. Если иметь в виду отечественную литературу, то в ней марксистская политическая наука подчас либо отождествляется с одной из составных частей марксизма, в частности с научным коммунизмом, либо, наоборот, рассматривается как сугубо прикладная область знания, лишенная общетеоретического характера. Что касается литературы социалистических стран, то там политическая наука нередко рассматривалась как область общественного знания, стоящая как бы особняком в марксистском обществоведении, как наука, подменяющая другие составные части марксизма, как своего рода теория среднего уровня, построенная по западному образцу. Так было, например, в Чехословакии в 60-х годах, так было в Польше в 70—80-е годы. Так обстоит дело сейчас в некоторых социалистических странах. Подобного рода ситуацией незамедлительно воспользовались ревизионистские элементы, «оседлавшие» эту науку и использовавшие ее для противопоставления марксизму-ленинизму, и прежде всего научному коммунизму. Вред от этого был и остается немалым.

В. И. Ленин показал, что марксистская политическая наука является наукой не только комплексной, но и действенной, революционной. Она возникла и развивается на основе обобщения многогранного опыта политической борьбы рабочего класса, его революционного авангарда. «Учение Маркса и здесь (применительно к вопросам революционной борьбы.—А. Ф.),—писал В. И. Ленин в работе „Государство и революция“,—как и всегда—есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*».³²

Марксистская политическая наука—это форма теоретического обоснования революционной политики и практики. Ее выводы самым непосредственным образом влияют на политическую практику, в частности на процесс принятия политиче-

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 29.

ских решений. Другими словами, «доктрина Маркса, — отмечал В. И. Ленин, — связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы», она есть «соединение революционной теории с революционной политикой»,³³ органическое единство политической теории и политической практики. Игнорирование политической практики, отрыв от нее ведут к схоластическому теоретизированию, доктринерству и в конечном счете к догматизму и застою. Забвение важнейших теоретических положений марксистской политической науки, подмена их голым практицизмом (какими бы благими намерениями такая подмена ни объяснялась) порождают субъективизм и волюнтаризм и тем самым наносят большой ущерб и политической практике и политической теории.

Разрыв между теорией и практикой опасен в любой области человеческих знаний. Тем более опасен он в области политической науки, ибо она имеет дело с политикой, а политика пронизывает всю систему общественных отношений, существенно влияя как на жизнь общества в целом, так и на жизнь конкретных его индивидов. Вот почему вопросам дальнейшего укрепления связи между политической теорией и политической практикой наша партия уделяет особенно большое внимание. Свидетельством тому являются решения XXVII съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС, а также материалы торжественного заседания ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, состоявшегося 2 ноября 1987 г. в Москве и посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Вскрывать и анализировать противоречия в реальной жизни, говорил на этом заседании М. С. Горбачев, «понимать их природу и на этой основе выстраивать систему политических, экономических, социальных, организационных и идеологических мер — таков должен быть наш подход. И не иначе!». ³⁴ Важную роль в укреплении связей между политической теорией и политической практикой призваны сыграть конкретно-социологические исследования, на что особое внимание обращено в Постановлении ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». ³⁵

Наши идеологические противники с целью опорочить марксистскую политическую науку выискивают не столько действительные, сколько мнимые противоречия между теорией и практикой, подсовывая собственные рецепты их разрешения, совершают атаки на такие идеи марксистской политической науки,

³³ Там же. Т. 14. С. 375.

³⁴ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: Революция продолжается. М., 1987. С. 41.

³⁵ См.: Правда. 1988. 12 июня.

как политическая власть трудящихся и руководящая роль рабочего класса и его авангарда.³⁶

Развивая дальше марксистские идеи о политической науке, В. И. Ленин большое внимание уделял ее интернациональному характеру. Ведь марксистская политическая наука обобщает опыт политического развития всех стран; формулирует теоретические и практические выводы и положения, пригодные для каждой страны, в которой имеются соответствующие условия; отражает потребности общественно-политического развития как в национальном, так и в международном масштабе. Отмечая интернациональный подход К. Маркса к политическим явлениям, В. И. Ленин писал: «Он оценивал классовую суть политики, руководствуясь не данным „изгибом“ событий, а *всем* опытом *международной* демократии и международного рабочего движения».³⁷ Аналогичным образом поступал и сам В. И. Ленин. К нему «может быть в полной мере отнесена им же сформулированная отличительная особенность российского освободительного движения — исключительное богатство интернациональных связей, превосходная осведомленность насчет всемирных форм и теорий революционного движения, усвоение „последнего слова“ европейского и американского политического опыта».³⁸

Процесс интернационализации марксистской политической науки, начало которому положили К. Маркс и Ф. Энгельс и который продолжен В. И. Лениным, постоянно расширяется и углубляется в современных условиях. Субъектами этого процесса являются коммунистические и рабочие партии разных стран, специальные ассоциации политических наук ряда социалистических государств, в частности Советская ассоциация политических наук, наконец, ученые социалистических стран, участвующие в работе Международной ассоциации политической науки и ее различных органов.³⁹

Процесс интернационализации марксистской политической науки неотделим от процесса ее творческого развития, чему В. И. Ленин придавал также исключительно большое значение. «Мы, — писал он, — вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той

³⁶ Обзина Яромир. Ленинское понятие политики и критика «гуманной демократии». М., 1978; Матейчик Ярослав. Политическая система социализма и критика правого ревизионизма в ЧССР. М., 1980; Петров А. «Солидарность» рвется к власти // Правда. 1981. 13 окт.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 185.

³⁸ Шахназаров Г. Х. Ленинизм и современная политическая наука // Ленин как политический мыслитель. С. 13.

³⁹ Международные отношения, политика и личность: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1975. М., 1976. С. 147—153.

науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни».⁴⁰ Примером творческого развития марксистской политической науки были работы самого В. И. Ленина. Среди многих проблем современной политической мысли, в разработку которых он внес существенный вклад, следует выделить следующие: теоретическая, политическая и организационная подготовка переходного этапа от капитализма к социализму; разработка проблем социально-политического преобразования стран «третьего мира», в частности вопроса о некапиталистическом пути их развития; теоретическое обоснование важнейших положений о путях социально-политической борьбы в странах развитого капитализма, в том числе о перспективах борьбы против господства монополий; наконец, разработка проблемы мирного сосуществования государств с различными экономическими и социально-политическими системами.⁴¹

Творческий подход к разработке актуальных политических проблем характерен и для нашей партии. Он особенно проявляется в материалах апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, решениях XXVII съезда партии, в важнейших политических и государственных документах последнего времени,⁴² в трудах М. С. Горбачева.⁴³ В результате творческого подхода к разработке актуальных проблем марксистской политической науки советское обществоведение обогатилось такими понятиями, как «новое политическое мышление», «перестройка», «гласность», «ускорение», «культура демократии», «всеобщий, единый и ненасильственный мир», «концепция достаточной обороны» и др. Исключительно большое значение в творческом отношении имеет концепция перестройки, разработка которой поставлена XXVII съездом КПСС на первое место среди того, что было сделано за последние годы в области марксистско-ленинской теории. Перестройка, подчеркивает М. С. Горбачев, — это назревшая необходимость, она «поставила новые задачи и перед политической практикой, и перед нашей общественной мыслью. Покончить с окостенелостью общественной науки, дать ей широкий простор, окончательно преодолеть последствия той монополии на теорию, которая была характерна для периода культа личности, когда формы развития советского общества, сложившиеся в экстремальных условиях, были

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

⁴¹ Загладин В. В. Вершина революционной мысли // Ленин как политический мыслитель. С. 39—56.

⁴² См.: За новое политическое мышление в международных отношениях: Док. и материалы. М., 1987.

⁴³ См.: Горбачев М. С. 1) Избранные речи и статьи. М., 1985; 2) Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

превращены авторитетом Сталина в абсолют, рассматривались как единственно возможные для социализма».⁴⁴

2. Значение ленинского теоретического наследия о политике для критики американской буржуазной политологии состоит, кроме того, в том, что оно обстоятельно развило и существенно углубило марксистскую методологию политического мышления. Основным ее принципом был и остается принцип диалектичности политического мышления.⁴⁵ Опираясь на этот принцип, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин разрабатывали важнейшие теоретические и практические проблемы политики: проблемы политической организации общества и управления, проблемы государства и демократии, политического формирования личности, развития ее политической активности и т. д. «Сама победа Октябрьской революции, — пишет Ф. В. Константинов, — была победой не только политической стратегии и тактики большевиков, но и революционной философии, материалистической диалектики, на которую опирался Ленин, разрабатывая новую теорию социалистической революции, ее стратегию и тактику».⁴⁶ Не случайно выработке и совершенствованию метода материалистической диалектики, а также использованию его в различных сферах общественной жизни основоположники научного коммунизма придавали исключительно большое значение. «Применение материалистической диалектики, — писал В. И. Ленин, — к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».⁴⁷

Важность использования законов и категорий материалистической диалектики в процессе исследования политики состоит в том, что они позволяют: охватить все ее стороны и опосредствования; отделить объективные факторы от субъективных и установить четкую взаимосвязь между ними;⁴⁸ раскрыть

⁴⁴ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 45.

⁴⁵ Красин Ю. А. Некоторые вопросы методологии политического мышления // Международные отношения, политика и личность: Ежегодник Советской ассоциации политических наук. 1975. М., 1976; Соболев А. И. Диалектика и политика; Пантин И. К. Метод политического мышления // Ленин как политический мыслитель.

⁴⁶ Константинов Ф. Философия и политика // Коммунист. 1970. № 17. С. 68.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 264.

⁴⁸ Нам представляется правильным мнение тех авторов, которые не ограничивают содержание понятия «объективный фактор» только материальными условиями жизни общества (см., напр.: Чагин Б. А. Субъективный фактор: Структура и закономерность. М., 1968. С. 31; Пичугин П. В. Место и роль политики в развитии советского общества. М., 1971. С. 14).

внутреннюю структуру политики и уяснить роль каждого составляющего ее элемента; подойти к этой политике конкретно-исторически и показать ее развитие как движение от низших форм к высшим, как отрицание высшими формами низших с учетом удержания и сохранения всего прогрессивного, что в них имеется.

Применение законов материалистической диалектики в политике служит не только единственно верным способом ее научного познания, но и единственным критерием ее правильного практического осуществления, предохраняет политику от односторонности, субъективизма и догматизма. «Если марксистская политическая партия, — подчеркивалось в Декларации представителей коммунистических и рабочих партий 1957 г., — при рассмотрении вопросов исходит не из диалектики и материализма, то это приведет к возникновению односторонности и субъективизма, к закостенелости мысли, к отрыву от практики и к потере способности давать соответствующий анализ вещам и явлениям, к ревизионистским или догматическим ошибкам и ошибкам в политике».⁴⁹

Вместе с тем марксисты, особенно В. И. Ленин, всегда подчеркивали, что материалистическая диалектика, будучи наукой о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, должна пониматься в своей конкретности. Ее законы и категории суть не какие-то абстрактные принципы, лишённые всякого содержания и приложимые одинаковым способом к чему угодно, а необходимые «опорные пункты» познания, выступающие «в неразрывной связи со специфическим характером того предмета, к которому применяется в данном случае диалектика».⁵⁰ Сказанное относится и к такому своеобразному объекту исследования, как политика. «Только конкретизация общих принципов материалистической диалектики, — пишет в данной связи Ф. М. Бурлацкий, — с учетом особенностей этого объекта дает правильную научную ориентацию, позволяя разобратся в сложном лабиринте экономических, социально-психологических и иных факторов, влияющих

⁴⁹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1964. С. 14. — Вот почему «учет объективной диалектики, — отмечает Н. И. Азаров, — которая проявляется в деятельности людей, классов, партий, умении в соответствии с ней наметить правильную линию поведения рабочего класса и его Коммунистической партии, составляет содержание политики как науки и искусства» (Азаров Н. И. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. С. 244). Анализ объективной диалектики специально посвящен один из пяти томов «Материалистической диалектики», подготовленной большим авторским коллективом в начале 80-х годов (Материалистическая диалектика: В 5 т. Т. 1. Объективная диалектика / Под ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М., 1981).

⁵⁰ Кедров Б. М. Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками // Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972. С. 422.

на государственную жизнь, на формирование политики».⁵¹ Другими словами, исследование политики в научном плане предполагает использование не только общего метода материалистической диалектики, но и выработанного при его помощи и на его основе своего метода, который одновременно выступает и как общеполитический, и как специфический метод именно данной науки.⁵²

Изучение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, теоретической и практической деятельности КПСС, всего международного коммунистического движения дает основание утверждать, что таким специфическим методом в марксистской политической науке является *метод всестороннего классово-политического анализа*, т. е. рассмотрения политики прежде всего и главным образом с точки зрения отношения *«всех классов и слоев к государству и правительству»*, с точки зрения *«взаимоотношений между всеми классами»*.⁵³ Этот метод вытекает из самого предмета исследования — политики, которая и по происхождению, и по сущности, и по назначению в обществе представляет собой сугубо классовую категорию. Классы не только образуют основание политики, но и определяют ее содержание.⁵⁴ Вот почему вне классов и их взаимоотношений нет и не может быть никакой политики.

Понятие «метод всестороннего классово-политического анализа» не следует отождествлять с понятием «классово-политический подход». Если классово-политический подход — *непременная предпосылка* научного исследования *всех* общественных явлений в условиях современности, то метод всестороннего классово-политического анализа — *необходимое средство* научного исследования явлений *политических*. Если классово-политический подход предполагает выяснение *классовой сущности конкретного общественного явления*, а также установление четкой связи между профессиональной и общественно-политической позицией того или иного *исследователя*, то метод всестороннего классово-политического анализа требует выявле-

⁵¹ Бурлацкий Ф. М. Ленин, государство, политика. М., 1970. С. 13.

⁵² «Методология любой отрасли знания, — подчеркивает Г. А. Подкорытов, — обусловлена спецификой изучаемого объекта, а общие законы диалектики как раз эту специфику и не охватывают» (Подкорытов Г. А. Соотношение теории и метода в научном познании // Методологические вопросы общественных наук. Вып. 3 / Под ред. А. П. Казакова. Л., 1972. С. 20).

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 79.

⁵⁴ В этом, справедливо подчеркивает Ю. А. Красин, «выражен один из коренных выводов марксистской политической науки, который и сегодня подтверждается общественно-исторической практикой. Поэтому он остается фундаментальным методологическим требованием политического мышления. Его применение служит предпосылкой выбора политической позиции и реалистической оценки открываемых ею возможностей» (Красин Ю. А. Некоторые вопросы методологии политического мышления // Международные отношения, политика и личность. С. 22).

ния роли и значения самих классов и групп в политической жизни общества, а также системы политических отношений между ними. Если, наконец, использование классово-политического подхода не всегда означает непосредственное оперирование такими категориями, как «политическая система», «власть», «государство», «партия», «политические нормы» и т. д., то применение по отношению к политике метода всестороннего классового анализа без этих категорий практически невозможно, ибо они выступают в качестве основных элементов ее механизма.

Метод всестороннего классового анализа в политике ничего общего не имеет ни с вульгарным, ни с примитивным пониманием политических процессов. Он обязывает исследователей исходить из приоритета общечеловеческих ценностей над ценностями классовыми и групповыми. Как отмечал В. И. Ленин, «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения».⁵⁵

Будучи конкретизацией метода материалистической диалектики, метод всестороннего классово-политического анализа, в свою очередь, не только не исключает, но, наоборот, предполагает частные методы, которые в зависимости от специфики исследования различных аспектов политики подразделяются на: дифференцированный анализ социальных общностей, их роли в политической жизни; структурно-функциональный анализ политических институтов; системный анализ больших и малых политических структур; комплексный анализ политического руководства и управления обществом; коммуникационный анализ взаимодействия элементов политического процесса; метод сопоставления близких или противоположных политических систем; методы политического планирования и прогнозирования.⁵⁶

С учетом перечисленных методов разрабатывается и конкретная методика политических исследований, под которой имеется в виду совокупность технических приемов, их последовательность и взаимосвязь.⁵⁷ Эти приемы по существу мало чем отличаются от тех, которые используются в других областях социологического исследования. Их можно подразделить на следующие три группы. К первой относятся те, которые связаны со сбором первичной информации, например наблюдение,

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 220.

⁵⁶ Шахназаров Г. Х., Бурлацкий Ф. М. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. № 12. С. 19.

⁵⁷ Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. М., 1972. С. 41.

изучение документов, опросы, обследования и т. д. Вторую группу образуют приемы, используемые в целях обработки и анализа исходных данных: описание, классификация, типологизация, статистический, генетический, математический анализ и т. п. Третья группа включает в себя такие приемы, которые используются либо для проверки научной гипотезы, либо для достижения соответствующего эффекта в практической политической деятельности. К этой группе следует отнести прежде всего социальное экспериментирование и моделирование.

Таким образом, принцип диалектичности марксистско-ленинского политического мышления основывается на органическом единстве общих законов и категорий материалистической диалектики, специфического метода классово-политического анализа и конкретно-социологических приемов политического исследования. Это единство является результатом диалектического сочетания в марксистской политической науке различных уровней общественного знания (исторического материализма, научного коммунизма, частных общественных наук, а также знания эмпирического). Оно не только не нарушается, но, наоборот, укрепляется в условиях современной научно-технической революции. Больше того, оно-то, на наш взгляд, и позволяет перекинуть мостик от конкретного созерцания политической действительности к абстрактному политическому мышлению и от него к самой политической практике.

3. Значение ленинского теоретического наследия о политике для критики американской буржуазной политологии состоит также в том, что оно существенно обогатило содержание и назначение самой критики.

Опираясь на ленинскую методологию и методику критики буржуазной политической идеологии, советские и зарубежные марксистские исследователи проделали большую работу. Появился ряд солидных трудов, посвященных критическому анализу политической идеологии современного американского империализма и буржуазного политического сознания в целом. Вышли книги, в которых дается обстоятельный философский, социологический и юридический анализ буржуазной политики под углом зрения составляющих ее элементов. Все больше появляется содержательных работ, раскрывающих классовую сущность и идеологическое назначение новейших буржуазных социально-политических теорий.

Анализ этих советских и зарубежных работ позволяет сделать по меньшей мере три обобщающих вывода. Во-первых, отмечая апологетический характер современной американской буржуазной политологии, нельзя в то же время отрицать ее определенную познавательную, а в некоторой степени и теоретическую значимость. Это относится прежде всего к постановке американскими политологами тех или иных проблем (например, проблем принятия политических решений, государствен-

ной бюрократии, политической социализации личности, отклоняющегося поведения, политической культуры, легитимности и т. д.), которая сама по себе представляет несомненный теоретический и практический интерес для марксистских обществоведов. Это касается и критической тенденции, выраженной в работах ряда американских политологов и позволяющей полнее охарактеризовать как основные пороки политической системы современного империализма, так и существенные особенности профессиональной и общественно-политической позиции самих буржуазных авторов. Это связано также с накоплением большого фактического материала, полученного американскими буржуазными политологами в процессе эмпирического исследования различных сторон политической жизни капиталистического общества. Анализ такого материала с позиций марксистской политической науки служит важным подспорьем в процессе критики той или иной буржуазной концепции. Кроме того, он дает возможность иметь более четкое представление об объективных процессах политического развития буржуазного общества. Это обусловлено, наконец, теми практически достигнутыми, которые американские буржуазные политологи имеют в области методики и техники проведения конкретно-социологических исследований. Речь идет об организации этих исследований, о создании и структуре научных центров по руководству ими, о материально-техническом оснащении таких центров, о разработке формализованных правил сбора и обработки информации, об использовании математического аппарата и т. п. Другими словами, перед марксистской политической наукой стоит двуединая задача: всесторонне анализировать новые тенденции и явления, происходящие в современной американской буржуазной политологии, и одновременно критически переосмыслить все то рациональное, что у нее имеется в отдельных областях теоретического, конкретно-социологического и педагогического знания.

Во-вторых, отдавая должное преимуществам марксистской политической науки перед буржуазной (в том числе американской) политологией как в теоретическом, так и в методологическом отношениях, следует вместе с тем подчеркнуть, что они реализовывались отнюдь не всегда и не в равной степени на разных этапах развития. В марксистской политической науке советского этапа можно выделить четыре периода, в рамках которых исследование политики в позитивном и сравнительно-критическом плане отличалось своими особенностями. Первый период, охватывающий время после Октябрьской революции до начала 30-х годов, был периодом творческой теоретической разработки и практического применения политических идей марксизма. Результаты такого рода разработки и применения нашли свое отражение в многочисленных декретах Советской власти, в конституциях 1918 и 1924 годов, во внешней и внут-

ренной политике Советского государства, в том числе в новой экономической политике, в дискуссиях политических деятелей и работах советских обществоведов (П. И. Стучки, В. В. Адоратского, Д. И. Курского, Е. Б. Пашуканиса, Н. В. Крыленко, И. П. Разумовского и др.). Творческая разработка и применение политической науки в России оказали существенное влияние на становление и развитие марксистской политической мысли за рубежом, в частности в Италии, Франции, Германии, США и Великобритании. С учетом политической теории и практики социализма была вынуждена перестраивать свою деятельность и буржуазная политология, к тому времени решительно заявившая о себе в ведущих капиталистических странах.

Для второго периода, начавшегося в 30-е годы и продолжавшегося до 1956 г., характерна канонизация марксистских политических идей, их догматическое истолкование и применение. Как известно, в 30-е годы процесс творческого развития политической теории и практики социализма был замедлен, а затем и вовсе приостановлен из-за культа личности Сталина. Себе одному Сталин присвоил право толкования и применения политической теории марксизма. Пользовался же он этим правом, часто не считаясь с объективными закономерностями общественного развития, о чем свидетельствуют его порочные теоретические установки: об обострении классовой борьбы по мере дальнейшего продвижения к коммунизму; о сохранении диктатуры пролетариата на весь период строительства социализма, вплоть до победы коммунизма; о механизме диктатуры пролетариата как системы «приводов» и «рычагов», действующих по принципу только прямой (от партии к массам), а не обратной (от масс к партии) связи; о человеке как «винтике» в системе политического и государственного механизма и т. д. В результате принижения профессиональной позиции ученого в советском политиковедении того времени широкое распространение получили такие отрицательные явления, как догматизм и начетничество, цитатничество и схематизм, препятствующие как позитивной разработке проблем социалистической политики, так и объективному анализу политики буржуазной.

Третий период — это период переосмысления политической теории и практики социализма и капитализма, стимулированный идеями XX съезда партии и деформированный впоследствии застойными явлениями 70—80-х годов. С одной стороны, в указанный период расширился фронт исследований марксистской политической науки, усвершенствовалась методология политического анализа, появились глубокие и содержательные работы монографического и диссертационного характера, возросла численность обществоведов, занятых изучением политических проблем, появились имена известных политологов (Г. Х. Шах-

назарова, Ф. М. Бурлацкого, Д. А. Керимова, Б. Н. Топорнина, Н. М. Кейзерова, Н. И. Азарова, В. Е. Чиркина, В. А. Туманова, В. Е. Гулиева, Б. А. Шабада и др.), повысился авторитет марксистской политической мысли в стране и за рубежом. С другой стороны, радикальные преобразования общественной и интеллектуальной жизни не были доведены до конца, вследствие чего появился своего рода механизм торможения социально-экономического и политического развития, который проник и в сферу идеологии. Этот механизм привел к тому, что попытки конструктивного анализа назревших проблем и новые идеи встречали все большее сопротивление. Верх брала пропаганда успехов — реальных и мнимых. В общественных науках постепенно укоренилось схоластическое теоретизирование. Живая, творческая мысль подменялась непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию. Были выхолащены научные, теоретические и иные дискуссии. Мир повседневных реальностей и мир показного благополучия все больше расходились друг с другом.⁵⁸ Сложился стереотип, что в мире социализма все хорошо, а в мире капитализма все плохо.

Возрождением творческого духа марксистской политической теории и практики стал четвертый период, оказавшийся возможным благодаря решению апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и XXVII съезда партии, утвердившего курс на коренную перестройку всей системы общественных (в том числе политических) отношений. В условиях происходящей перестройки: возникли необходимые предпосылки (организационно-технические, нравственные и психологические) для проведения фундаментальных и прикладных политических исследований во всех областях общественной жизни; необычайно активизировалась научная, учебно-педагогическая и организационная деятельность самих политологов; возрос их престиж как внутри страны, так и на международной арене; более четко обозначились не только различия, но и некоторые общие подходы к пониманию международных, внутренних и региональных проблем между марксистскими и буржуазными политологами.

В-третьих, не умаляя принципиальных теоретико-методологических различий между марксистской политической наукой и американской буржуазной политологией, весьма важно учиться в конструктивном и деловом духе вести совместный диалог по актуальным политическим проблемам современности. Для ведения такого диалога крайне необходимо следующее.

— Уважительное отношение обществоведов к политическому и государственному строю не только своей страны, но и

⁵⁸ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1987. С. 16—17.

других стран, к праву каждого народа выбирать этот строй по своему собственному усмотрению.

— Решительное освобождение от различного рода мифов и стереотипов, мешающих установлению нормальных взаимоотношений между политологами социалистических и капиталистических стран, в особенности от так называемого «образа врага» в лице того или иного народа.

— Расширение научных, педагогических и культурных контактов между политологами разных стран по всем линиям международного обмена, в том числе и особенно путем дальнейшего развития двусторонних соглашений между ведущими университетами.

— Объединение усилий ученых-политологов в борьбе за мир, за предотвращение ядерной катастрофы. С хорошей инициативой в этом деле выступила Советская ассоциация политических наук (САПН), принявшая на своем ежегодном собрании 23 февраля 1987 г. (в преддверии XIV Всемирного конгресса МАПН) Обращение ко всем политологам мира объединиться в общем движении «Политологи мира за новое политическое мышление» с тем, чтобы использовать все свое влияние для воздействия на политиков и общественность с целью остановить гонку вооружений и освободить человечество от ядерного оружия к XXI в.

— Обеспечение постоянного и открытого доступа советских обществоведов к отечественной и зарубежной политической литературе, часть которой по-прежнему еще сосредоточена в так называемом «спецхране». Поскольку сами критерии отнесения той или иной книги, статьи, журнала, автора и т. д. к литературе специального хранения определены недостаточно четко, поскольку пользование этой литературой обставлено рядом усложненных (а подчас и просто бюрократических) требований, постольку говорить о широкой и своевременной информированности ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующихся в области изучения и исследования политических проблем, к сожалению, пока не приходится. А без надлежащей информированности, без хорошо продуманного (а не формально-бюрократического) отношения к цензуре и самоцензуре теория и практика политики вряд ли будет развиваться должным образом, а тем более взаимно обогащать друг друга.

— Введение в качестве самостоятельной учебной дисциплины на гуманитарных факультетах вузов нашей страны (и прежде всего на философском, юридическом, экономическом, историческом, филологическом, восточном и психологическом факультетах университетов) марксистско-ленинской политической науки. Сложившаяся в настоящее время структура марксистского общественного знания, выделение в ней различных уровней исследования политики (с позиций истмата, научного коммунизма, политической экономии, теории государства и

права, а также эмпирического анализа тех или иных сторон политической жизни), объективная необходимость объединения всех этих уровней в рамках специальной области знания в целях более глубокого и всестороннего изучения политики, закономерностей ее развития и функционирования на отдельных этапах социалистического общества — все это, а также многое другое (в частности, важность дальнейшего совершенствования политического образования широких масс населения) не только убедительно свидетельствует о том, что марксистско-ленинская политическая наука является наукой комплексной, но и выдвигает в качестве категорического императива включение ее в число самостоятельных общественных дисциплин в вузах нашей страны.

— Создание в системе АН СССР (в Москве либо в Ленинграде) специального института политических проблем, который бы объединял и координировал усилия ученых разных областей общественного и естественно-научного знания, занятых теоретическими и конкретно-социологическими исследованиями тех или иных сторон политической жизни нашего общества, равно как и общества буржуазного, а также разрабатывал соответствующие рекомендации для партийных, государственных и идеологических органов. На фоне множества уже давно действующих экономических, социальных, психологических, идеологических, культурологических и т. п. институтов отсутствие института политических проблем выглядит явным диссонансом.

— Учреждение в качестве периодического органа САПН специального журнала «Марксистско-ленинская политическая наука», в котором бы члены ассоциации, а также представители научной и политической общественности нашей страны имели возможность обсуждать актуальные теоретико-методологические, учебно-методические и практические проблемы изучения, разработки и функционирования политики на местном, национальном, общегосударственном и международном уровнях. Многолетний опыт издания Ежегодника САПН, большой интерес, который вызывают публикуемые в нем материалы у массового читателя как в нашей стране, так и за рубежом, все более расширяющийся авторский актив — бесспорный довод в пользу учреждения названного журнала.

Развитие и углубление диалога между марксистскими и буржуазными политологами будет несомненно способствовать оздоровлению международной обстановки и укреплению авторитета марксистской политической науки в современном целом, едином и весьма противоречивом мире.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Этапы становления и развития американской буржуазной политологии	13
§ 1. Особенности возникновения и формирования	—
§ 2. Изменения в период между двумя мировыми войнами	21
§ 3. Радикальные сдвиги после второй мировой войны	34
Глава II. Теоретические корни американской буржуазной политологии	69
§ 1. Чарльз Мерриам	—
§ 2. Гарольд Лассуэлл	75
§ 3. Ганс Моргентау	82
§ 4. Влияние европейской политической мысли	90
Глава III. Американская буржуазная политология в поисках идеологического обновления	109
§ 1. Концептуальные парадигмы американской буржуазной политологии	—
§ 2. Использование американскими буржуазными политологами нравственной и религиозной идеологии	122
§ 3. Поиски альтернативы общей политической теории	135
Глава IV. Политический образ жизни как объект исследования американских буржуазных политологов	148
§ 1 Особенности концепций политического образа жизни в американской политологии и их эволюция	—
§ 2. Теоретические спекуляции американских буржуазных политологов по поводу политического образа жизни в социалистических странах	161
§ 3. Американские буржуазные политологи о политических аспектах образа жизни в развивающихся странах	173
Глава V. Методология и методика критики американской буржуазной политологии	187
§ 1. Роль коммунистической контрпропаганды в борьбе против буржуазной идеологии	—
§ 2. Ленинские идеи о политике и их значение для критики американской буржуазной политологии	199

Научное издание

Федосеев Анатолий Александрович

**Современная американская
буржуазная политология:
истоки, традиции, новации**

Редактор *Т. В. Глушенкова*

Обложка художника *В. М. Иванова*

Художественный редактор *О. В. Угнич*

Технический редактор *А. В. Борщева*

Корректоры *Н. В. Ермолаева, С. С. Алмаметова*

ИБ № 3133

Сдано в набор 04.05.88.	Подписано в печать 02.11.88.	Формат 60×90 ¹ / ₁₆ .
Бумага тип. № 2.	Гарнитура литературная.	Печать высокая.
Усл. кр.-отт. 13,75.	Уч.-изд. л. 15,18.	Тираж 10201 экз.
Заказ № 393.		Цена 90 коп.
Издательство ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.		

Типография Изд-ва ЛГУ. 199034, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

90 коп.

А.А. ФЕДОСЕЕВ

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОКИ, ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ

Принятая XXVII съездом КПСС и одобренная всем прогрессивным человечеством концепция нового политического мышления требует сегодня переосмысления многих международных реалий. Однако она не отменяет ни оценки империализма и его политики, ни реальности исторического противостояния двух мировых систем, ни идеологической непримиримости социализма и капитализма. Об этом убедительно свидетельствует монография доктора философских наук профессора А. А. Федосеева.

(Из рецензии члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Керимова на рукопись монографии А. А. Федосеева)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА